

MICHAŁ BRUSZEWSKI • MACIEJ SZOPA

NIE PATRZ MARTWYM W OCZY

POLACY NA WOJNIE W UKRAINIE

BELLONA

Подпишитесь на телеканал БУПН, чтобы не пропустить важную информацию! <https://t.me/kcpn2014>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

1. "Были и те, на кого нам пришлось закрыть глаза".
2. "Русские охотятся на пилотов беспилотников. Они устраивают засады на нас".
3. "Русские нам не представились".
4. "Мы защищали Авдеевку до конца".
5. "Гостомель помню только я".
6. "Наш мед-рот был обстрелян шахедами".
7. "Мы приняли риски и сосредоточились на работе".
8. "Я вожу машину с 2014 года. У меня посттравматическое стрессовое расстройство, и я помогаю другим".
9. "Мы были медицинскими партизанами".
10. "От репрессий в Беларуси к обороне Северодонца".
11. "Наши позиции были в Северном Донце".
12. "Польский флаг спас меня".
13. "Я был водителем БТР-4 во время Харьковско-Изюмской операции".

[14. "Моя рота защищала Чашив Яру".](#)

[15. "Я переведен в морскую пехоту. Воюю под Херсоном".](#)

[16. вместо последней главы](#)

[Фотографии](#)

[Об авторах](#)

MICHAŁ BRUSZEWSKI • MACIEJ SZOPA

NIE PATRZ MARTWYM W OCZY

POLACY NA WOJNIE W UKRAINIE

BELLONA

ОГЛАВЛЕНИЕ

- [1. «Были и те, на кого нам пришлось закрыть глаза»](#)
- [2. «Русские охотятся на пилотов беспилотников. Они устраивают на нас засады»](#)
- [3. «Русские нам не представились»](#)
- [4. «Мы защищали Авдеевку до конца»](#)
- [5. «Гостомель помню только я»](#)
- [6. «Наш мед-рот был обстрелян шахедами»](#)
- [7. «Мы приняли риски и сосредоточились на работе»](#)
- [8. «Я вожу машину с 2014 года. У меня посттравматическое стрессовое расстройство, и я помогаю другим»](#)
- [9. «Мы были медицинскими партизанами»](#)
- [10. «От репрессий в Беларуси к обороне Северодонецка»](#)
- [11. «Наши позиции были на Северском Донце»](#)
- [12. «Польский флаг спас меня»](#)
- [13. «Я был водителем БТР-4 во время Харьковско-Изюмской операции»](#)
- [14. «Моя рота защищала Часов Яру»](#)
- [15. «Я переведен в морскую пехоту. Воюю под Херсоном»](#)
- [16. «Вместо последней»](#)

[Об авторах](#)

Дизайн обложки и титульного листа: *ThoT*
Главный редактор: *Петр Малышко*
Редактирование: *Ежи Левиньский*
Вычитка: *Джоанна Клос*

Авторские права © на это издание принадлежат Михалу Брушевскому и Мацею Шопе 2025
Авторские права © для этого издания принадлежат компании Dressler Dublin sp. z o.o. 2025

Источники фотографий: собственные архивы авторов, собственные архивы интервьюируемых, Wikimedia Commons, социальные сети украинских бригад
Издательство приложило все усилия, чтобы выяснить права на фотографии. Мы просим возможных правообладателей связаться с издательством.

Производитель:
Dressler Dublin sp. z o.o.
05-850 Ожарув Мазовецкий, ул. Познаньска 91
e-mail: sekretariat@dressler.com.pl
Контактная информация:
Издательство "Беллона"
02-103 Варшава, ул. Ханкевича 2
e-mail: biuro@bellona.pl
www.bellona.pl
www.facebook.com/Wydawnictwo.Bellona

Книжные интернет-магазины: swiatksiazki.pl, ksiazki.pl, czytam.pl

Распространение:
Дресслер Дублин сп. з.о.о.
05-850 Ожарув Мазовецкий, ул. Познаньская, 91
[e-mail:dystrybucja@dressler.com.pl](mailto:dystrybucja@dressler.com.pl)
тел. + 48 22 733 50 31/32
www.dressler.com.pl

ISBN 978-83-11-18203-5

Электронная версия была подготовлена в *Zecer*

ВВЕДЕНИЕ

Вот отредактированная и выровненная версия текста. Я постаралась сохранить стиль и эмоциональную насыщенность, устранив грамматические и стилистические ошибки, а также немного улучшив читаемость:

Я снова оказался на Донбассе летом 2024 года. Днём — до 40 градусов жары, ночью — выше 30 по Цельсию. В мирное время обычный человек в такую погоду жалуется на усталость, на то, что ему тяжело, что он не справляется. А теперь представьте польского добровольца, который приехал воевать с русскими в Украине. Он облачён в бронежилет с противоосколочным воротником и плечевыми модулями — словно рыцарь в доспехах, ведь шрапнель — не шутка. Он сидит в стрелковом окопе, прислушивается к характерному звуку приближающегося вражеского беспилотника. Прежде всего, он должен преодолеть собственные слабости. Даже если бы у него было что выпить, ему пришлось бы сдерживаться. Он знает: как бы жестоко это ни звучало, но это правда — физиологические потребности могут выдать его беспилотникам. К тому же, в такую жару фляга быстро пустеет. Всё, что он пьёт, будто уходит из него самого. Он борется со сном, который неизбежно приходит вместе с усталостью. Проклятие — это смена погоды: когда идёт дождь, вода заливает окоп; когда наступают морозы — форма становится жёсткой и ледяной. Климат в Украине суров: лето — палящее, зима — кусачая. И всё же здесь идёт война. Каждый день — бои и обстрелы. Доброволец сражается изо дня в день, встречаясь лицом к лицу с доблестными русскими воинами. Он побеждает врага, преодолевая прежде всего самого себя.

Мы привыкли следить за войной, удобно устроившись в кресле перед телевизором или уткнувшись в экраны смартфонов. Зачастую мы забываем, что война — это, прежде всего, люди. Это — люди. Солдаты, сидящие в окопах, наблюдающие за великими сражениями своими уставшими глазами, словно проецирующимися из глубины окопа. Среди них есть и наши соотечественники. В новостях мы читаем: "Покровск!", "Авдеевка!", "Курская операция!", а раньше — "Харьков!", "Киев отстояли!", "Мариуполь продолжает сражаться!". Но судьбу этих великих сражений, в конечном счёте, решали люди. Судьбу каждого боя определяли именно они.

У каждого из них — своя история, своё свидетельство, которое мы решили сохранить и записать. Как и наша совместная с Марексом Козубелем книга, изданная "Беллоной" — "Русско-украинская война. Первая фаза", — была уникальным продуктом на книжном рынке, поскольку стала первой монографией о первом годе полномасштабной войны, так и эта публикация является чем-то особенным для страны. Разумеется, сегодня выходят книги с интервью солдат, участвовавших в боевых действиях в Украине — и это очень

ценные, интересные издания. Однако наша книга имеет иной характер. В ней читатель, как в дневнике, проходит через все ключевые сражения этой войны. Как и "Первая фаза", она представляет собой первую мемуарную хронику этого вооружённого конфликта в столь широком охвате.

Книга содержит 15 интервью с участниками боевых действий в Украине. Михал Брушевский провёл десять интервью с ветеранами, Мацей Шопа — пять. Беседы велись в период с 2022 по 2024 год, поэтому они охватывают весь временной спектр боевых действий в Украине. Интервьюируемые журналистами Defence24.pl люди представляют разные военные и медицинские специальности, благодаря чему на страницах книги звучат различные точки зрения. Их объединяет одно: все они — не только свидетели истории, но и её непосредственные участники. Они собственными глазами видели самые важные сражения Российско-Украинской войны. Многие из них продолжают наблюдать за боями каждый день, потому что до сих пор служат в окопах.

В своей книге Михал Брушевский собрал множество увлекательных интервью, посвященных различным аспектам войны в Украине. Среди них: Воспоминания Артура из 110-й отдельной механизированной бригады о его участии в обороне Авдеевки. Борис Романько, рассказывающий о войне дронов в Украине. Губерт Кампа, который делится своими впечатлениями о волонтерской деятельности во время войны и борьбе с посттравматическим стрессовым расстройством, а также вспоминает период с 2014 по 2022 год, который в Польше был почти забыт. "Вегас", который вспоминает свой боевой путь, бои под Херсоном и службу в элитной украинской пехоте. "Сярхей" — о судьбе белорусского оппозиционера, живущего в Польше и вступившего в Калиновский полк. "Скорпион" — об обороне Часова Яра. "Каспер" — о битве за Северный Донецк, где был уничтожен русский десант. "Рудый" — о Харьковско-Изюмской операции. Геннадий Шевчук, этнический поляк из Украины, рассказывает, как польский флаг спас ему жизнь. Также в книгу вошли интервью с Робертом Пожогой, президентом фонда "Авангард", который до сих пор продолжает ездить в Украину в качестве спасателя. Мацей Шопа беседовал с Дамианом Дудой, спасателем на поле боя, "Липтоном" — командиром разведывательной роты, сражавшейся за Гостомель, поляком, служившим в украинской артиллерии, польским ветераном, воевавшим в составе интернационального подразделения, и Якубом Балабаном, который вместе с Робертом Пожогой заложил основы польской медико-гуманитарной службы с самого начала российского вторжения в Украину. Среди главных героев этой книги — не только поляки, но и наши соотечественники, родившиеся в Украине, белорусы, связанные с Польшей, и украинцы, волей судьбы оказавшиеся на войне. Это их история.

Российская агрессия против Украины в феврале 2022 года стала шоком для Польского общества. Прежде всего, в первые дни многие хотели сделать хоть что-то, чтобы противостоять происходящему. Дети покупали бинты в аптеках, проводились сборы одежды и денег. Многие принимали беженцев из Украины под своей крышей. Наверное, справедливо будет сказать, что доброта, проснувшаяся в нашем обществе, стала одним из факторов, помешавших планам Путина. Возможно, не таким важным, как стойкость и мужество солдат Украинских Вооружённых Сил, но, тем не менее, значимым. Вопреки Российским расчётам, которые, очевидно, предполагали, что в Польше возникнет серьёзный миграционный кризис и начнётся польско-украинский конфликт, ничего

подобного не произошло. Миграционного кризиса не было, а взаимные отношения лишь укрепились.

Однако в Польше были и те, кому такой помощи было недостаточно, и они хотели большего. Это были люди из разных слоёв общества, часто с навыками, которые были действительно необходимы в Украине. Медики, спасатели, солдаты, инструкторы, водители, готовые доставить грузы к линии фронта, волонтеры, готовые их распределять, или журналисты, которые хотели освещать происходящее. Некоторые из них начали свою работу после 24 февраля 2022 года, другие действовали в Украине с момента первой Российской агрессии против Донбасса и Крыма в 2014 году. Отвечая на вопрос о мотивах, многие из наших собеседников, особенно те, кто принимал непосредственное участие в боевых действиях, говорили одно и то же. Они защищали Польшу за ее пределами. Чтобы потом не пришлось делать это на нашей земле.

Эти люди пережили разные судьбы. Некоторые из них никогда не вернутся из Украины и не смогут поделиться своими историями. Другие заплатили за участие в войне здоровьем. Однако были и те, чья деятельность продолжалась и со временем даже превратилась в масштабное движение. Мы общались с ними в разное время — и во время их пребывания в Украине, и после возвращения в родную страну, и даже в перерывах между поездками. Мемуары, написанные в разгар войны, когда события еще не утихли, представляют особую ценность. Они отличаются от воспоминаний, созданных спустя годы, когда на них уже повлияли окончательные оценки и анализ конфликта. Это можно увидеть, сравнив дневники солдат и командиров, принимавших участие во Второй мировой войне, с их интервью, записанными много лет спустя, и с мемуарами, написанными тогда же. Мы надеемся, что наши беседы, проведенные в рамках курса в период, когда война была в самом разгаре и исход был неясен, помогут лучше понять, что происходило. Они будут полезны не только для сегодняшних читателей, но и для будущих поколений.

Дамиан Дуда (из архива интервьюера)

1. " Были и те, на кого нам пришлось не обращать внимания. ".

- Дамиан Дуда о службе спасения на передовой. Интервью с Мацеєм Шопой

Затем, на Пасху, мы оказались в Николаеве и работали в городе, который был под обстрелом. В то время мы занимались спасением мирных жителей, попавших под огонь. В Страстную пятницу мы стали свидетелями ужасного зрелища — вокруг церкви, принадлежащей Русской православной церкви Московского патриархата, мы увидели тела погибших людей. Это были те, кто, вероятно, направлялся в храм на богослужение, но не успел дойти. Причиной их гибели стали касетные боеприпасы, применённые русскими. «Это были люди, возможно, даже пророссийски настроенные, и они погибли от рук русских. Это было настоящее воплощение Голгофы», — вспоминает он в своём интервью.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ЗИМОЙ 2023 ГОДА.

Как это происходит — спасение жизни под огнем, в условиях реальной войны? Каковы реалии Херсонского фронта и как справляться со стрессом? Дамиан Дуда — человек, о котором слышали все, кто интересуется событиями в Украине. Он — спасатель на поле боя, руководитель польской добровольческой команды спасателей фонда "Между". С 2014 года Дамиан спасает человеческие жизни, в первую очередь украинских солдат. За последние годы он дал множество интервью. В этой книге я представляю его беседу, записанную в начале 2023 года, зимой, полной надежд. Это было время после поражения России сначала под Киевом, затем на Змеином острове, а затем под Харьковом и Херсоном. Украина не только защищалась, но и вернула себе часть потерянных территорий, включая крупнейшие города. Интервью, проведенное в Польше для Defence24.pl, в основном посвящено событиям того года. Дамиан, как и многие другие добровольцы со всего мира, первым появился в районе Киева и стал одним из первых связных. Его группы переносили раненых в безопасное место, стабилизировали их состояние и готовили к эвакуации за пределы зоны боевых действий. После Киева, уже весной, группа отправилась в Николаевскую область и впоследствии сосредоточилась на Херсонской. Они оказывали помощь во время нарастающего украинского наступления вокруг этого города, которое завершилось его освобождением и всех районов на западном берегу Днепра. Однако бои за Херсон были трудными, с многочисленными жертвами, и медикам приходилось нелегко.

С момента нашего интервью и до публикации книги команда боевых медиков под руководством Дамиана Дуды расширилась и оформилась в фонд "Между". Под его началом бойцы фонда принимали участие в различных операциях, включая Бахмутскую, Соледарскую, Запорожскую и ту, что проходила в Серебрянском лесу. Хотя до сих пор никто из более чем 50 добровольцев-медиков не погиб, некоторые из них получили серьёзные ранения. С начала контрнаступления в Запорожье команда постоянно находится на передовой, а сам Дамиан Дуда оставил свою профессиональную деятельность, чтобы спасти жизни в украинских окопах.

Мацей Шопа: Как вы оказались вовлечены в войну в Украине? Что побудило вас к этому?

Дамиан Дуда: В конце 2014 — начале 2015 года я получил предложение и отправился в Мариуполь в качестве наблюдателя от имени международного фонда. В то время сепаратисты и российские войска стояли на границе этого города, который только что был освобождён батальоном «Азов». Моей целью было понять потребности местной польской общины. Однако вскоре после моего прибытия на места, где я проходил, обрушились грады, и более 30 человек погибло. Я осознал, что агрессия направлена против обычных гражданских лиц. Я не мог оставаться в стороне от происходящего и, как человек, который уже возглавлял организацию, занимающуюся вопросами обороны, и обладал некоторыми знаниями в области медицины на поле боя, решил что-то предпринять. Я решил организовать курсы по тактической медицине, которые в то время ещё не были доступны в Украине. Я хотел поделиться своими знаниями и помочь другим.

Как же выглядели украинские медики на поле боя в то время?

Они были на уровне, мягко говоря, советских. В то время только западные добровольцы владели навыками тактической поддержки поля боя, известными как ТСЗ. Украинцы же впитывали эти знания, как губка. Наши с коллегами навыки были ещё не такими развитыми, как сейчас, но они нашли отклик в сердцах украинцев. После месяца тренировок в одном из городов украинцы предложили: «Вы нас научили, теперь давайте проверим это на практике». И вот, в 2015 году, я приземлился под Писком, в конце взлётно-посадочной полосы Донецкого аэропорта, где всё ещё оборонялись «Киборги» Пидорги. Я оказался в знаменитом медицинском батальоне «Госпитальеры», который тогда был небольшим подразделением. Я не знал, как буду действовать под огнём в критической ситуации. Но оказалось, что я умею принимать быстрые и точные решения. После возвращения домой началось формирование новых подразделений, снова сборка техники, а затем последовала очередная поездка на фронт.

Для учебной миссии?

Подготовка всегда была первым этапом, за которым следовал неизбежный выезд на передовую. Мы работали на полевых медицинских пунктах и занимались медицинской эвакуацией. Тренировки проходили также на передовой. В свободное время мы находили

безопасное место — в подвале или в деревне, вдали от зоны боевых действий, где могли поделиться полученными знаниями.

И вот наступил февраль 2022 года.

В 2019 году я перестал заниматься из-за большого количества отвлекающих факторов. Со временем я привык к этому состоянию, и страх, который раньше был моим «спусковым крючком», стал ощущаться реже. Появилась рутина, и я подумал, что стоит остановиться. Однако утром 24 февраля я получил сообщение от своего сослуживца из полка «Азов». Он писал: «Если ты нам не поможешь, нас уничтожат». Он находился в «Азовстали».

Когда вы появились в Украине?

Уже 24 февраля мы начали подготовку. Я собрал группу людей, которые, как и я, имели опыт работы на передовой, хотя и в других ролях. Витек был журналистом, а Адриан — волонтером. Было ещё несколько человек, которые решили присоединиться к нам. Мы обновили свои знания и навыки и отправились на фронт. Там мы стали группой быстрого реагирования. Наша задача заключалась в оказании помощи пострадавшим на первых трёх этапах. На первом этапе, который был особенно опасен, — с момента, когда пострадавшего «задели», — мы должны были обеспечить его безопасность. На втором этапе мы должны были стабилизировать его состояние и подготовить к транспортировке, а на третьем — эвакуировать из зоны боевых действий. Там, где есть медицинская бригада с машиной скорой помощи или эвакуационным транспортом — пикапом или вездеходом. Поэтому сначала мы принимали пострадавшего, останавливали массивное кровотечение, обеспечивали проходимость дыхательных путей, следили за его состоянием и готовили к транспортировке. Всё это должно было быть сделано очень тщательно, потому что мы работали в режиме CASEVAC, или импровизированной медицинской эвакуации.

Какими были ваши первые поездки в те самые драматические времена?

Впервые я оказался в тех местах в феврале, когда российские войска стояли под Киевом. В то время мы оказывали помощь одному из подразделений территориальной обороны, предоставляя технику и проводя обучение. Затем, на Пасху, мы были в Николаеве и оказывали помощь в городе, который подвергался постоянным обстрелам. В основном мы занимались спасением мирных жителей, которые попадали под огонь. В Страстную пятницу мы стали свидетелями ужасной сцены: вокруг церкви были разбросаны тела. Это была Русская православная церковь Московского патриархата, и погибшие, вероятно, направлялись туда. Они погибли из-за использования русскими кассетных боеприпасов. Мы предположили, что это могло быть русскоязычное население, возможно, даже пророссийски настроенное, но убитое русскими. Это была настоящая Голгофа, которую мы видели своими глазами. Позже, когда подразделение, с которым мы работали, продвинулось вперёд, мы...

Вы отправляетесь непосредственно с войсками?

Мы идем с войсками - если нужно, то и на штурм. Когда они обороняются - мы с ними.

Вы постоянно работаете с одним и тем же украинским подразделением?

Я не хочу называть конкретное подразделение, с которым мы сотрудничаем. Наша работа строится на основе соглашений с украинскими военными. Мы также взаимодействуем с гражданскими лицами, которые выбрали оставаться в импровизированных убежищах. В зависимости от потребностей, мы работаем со специальными подразделениями, регулярными войсками Вооружённых сил Украины, Национальной гвардией или территориальной обороной.

На каких участках фронта вы работаете?

Район, где мы обычно выполняем свои задачи, представляет собой сложную местность, расположенную в Херсонской области на южном фронте. Там мы передвигаемся по грунтовым дорогам, которые в дождливую погоду становятся похожими на ледяную горку. Грунт в этом месте похож на глину. Местность, в которой мы находимся, открытая. Мы сражаемся за каналы, города и зеленые насаждения, которые здесь заменяют леса и кусты. Любой путь к укрепленному противнику проходит через открытые пространства. Перемещение от одного безопасного места к другому напоминает плавание между островами, где в воде бродят акулы. В этом районе мы часто подвергаемся артиллерийскому обстрелу. Русские военные часто стреляют по нам. Однажды во время эвакуации нас преследовал артиллерийский огонь. В какой-то момент русские, вероятно, поняли, куда мы направляемся, и выпустили снаряд на опережение. Они могли бы сбить нас с курса, если бы я не перепутал дорогу и не свернул не в ту сторону.

Значит, они координировали огонь с помощью беспилотника?

Да, они делают это очень хорошо. Русские учли опыт Киева и теперь применяют его на практике. Они по-новому используют танки, активно задействуют беспилотники и научились противостоять украинским беспилотникам. У них есть системы РЭБ. Нельзя воспринимать их как неумелых крестьян с Кавказа, которые гонятся за палкой. Конечно, такие люди тоже есть, но они служат лишь фоном для тех российских подразделений, которые действуют на юге. Украинские войска часто сталкиваются там с ВДВ — элитными подразделениями, обученными и завербованными в Крыму. Они очень мотивированы.

Значит, они сражаются за свою землю, а не как другие русские?

Это так. Говорят, что под Херсоном ведутся наступательные операции, но каждый метр захваченной земли там стоит дорого. Мы видели, как русские укрепились в бетонных укрытиях, которые были укреплены землёй. Если бы там проводились атаки, они бы

привели к массовому уничтожению украинских войск. Однажды подразделение, с которым мы действовали, было выведено из-за того, что его четыре дня жгли фосфором. Артиллерия, кассетные заряды и фосфор — всё это применялось против наших солдат. В другой раз, когда мы проводили разведку, мы заметили, что русские сделали в кустах скамейки и обозначили места для выжигания. Если на передовой следят за тем, чтобы окурок попадал в импровизированную мусорку, а не был брошен на землю, это говорит о том, что мы имеем дело с серьёзным противником, который выполняет приказы.

Это большая разница, учитывая найденные под Киевом русские окопы...

Значительно. Кроме того, в наши руки попало снаряжение - хорошие куртки goretex, грелки, упакованные комплекты термобелья. Видно, что у этих войск есть логистика, есть возможность собирать новые средства, все это было в камуфляже, это не было собрано добровольцами.

Сколько людей вы вытащили из-под огня?

Трудно дать точный ответ, так как мы не ведём статистику. В разное время одни люди занимаются штурмовой охраной, а другие — обороной. Нас всего пять человек, но мы можем с уверенностью сказать, что спасли множество жизней. Были те, кому удалось помочь, а были и те, на кого мы были вынуждены закрыть глаза и сообщить коллегам, что не в силах помочь. Из-за риска быть услышанными русскими мы не можем говорить о конкретных потерях среди украинцев. Однако не секрет, что они, безусловно, несут большие потери. Наша цель — сделать так, чтобы число погибших среди них было минимальным.

Правильно, потому что многие под влиянием новостей из Сети смеются над русскими, им кажется, что они - неумелый противник. Это снижает успехи украинской армии?

Это своего рода способ создать иллюзию. Во время Второй мировой войны американцы тоже создавали мультфильмы, в которых Микки Маус и Дональд Дак сражались с японцами. Они были смешными, маленькими, глупыми и с большими зубами. Теперь же, когда появляются мемы о русских, общественность пытается высмеять их, чтобы уменьшить угрозу.

Что вы можете сказать об украинских медиках и фельдшерах сегодня? Как они обучены, как вам работаете с ними?

Мы активно сотрудничаем и обмениваемся опытом. Часто на позиции отправляются по два человека: один — украинский медик, другой — польский. Уровень подготовки украинских медиков достаточно высок, однако существует определённый дефицит. Профессиональные медики, такие как медсестры и врачи, служат в медицинских батальонах. На передовой же мы сталкиваемся с полевыми медиками, которые выполняют

свои обязанности на уровне роты. Если же они разбросаны по большой территории, то каждый взвод должен обучить и подготовить своего человека для выполнения этой роли. К сожалению, нет времени на профессиональную подготовку — знания должны передаваться от коллег и приобретаться непосредственно в бою.

Как выглядят больницы первой линии?

Здесь нет полевых госпиталей, которые мы привыкли видеть в фильмах — с палатками и контейнерами. Такие госпитали сразу же стали бы целью для русских.

В каком режиме вы работаете? Вы там постоянно или бываете время от времени?

Мы делаем это на добровольной основе и не получаем за это вознаграждение. Мы получаем финансовую поддержку от фондов, с которыми сотрудничаем. К сожалению, мы не можем постоянно находиться на фронте, поскольку нам нужно зарабатывать на жизнь в нашей стране. Когда мы возвращаемся, мы продолжаем работать, берем отпуск и снова отправляемся на передовую. После каждого возвращения домой мы занимаемся тренировками, собираем снаряжение, организуем сборы и берем неоплачиваемый отпуск, чтобы снова отправиться в путь. Это как замкнутый круг: возвращение домой всегда означает подготовку к следующей поездке.

Так это уже стиль жизни?

Я не хочу называть это стилем жизни. Мы не просто участники военных действий, у нас есть свои увлечения. Кто-то из нас любит путешествовать, кто-то — лазать, кто-то увлекается фотографией. Когда закончится эта война и мы осознаем, что выполнили свою миссию, то сможем посвятить себя этим занятиям. Возможно, мы даже создадим фонд, который будет помогать гражданским лицам в зонах конфликтов, где бы они ни находились.

Вы, конечно, видели ужасные вещи. Тяжелые травмы, смерти... Ранее вы говорили об опасной рутине, о десенсибилизации к опасности. Как это отражается на вас? На вашей психике?

Я не хочу говорить о наших слабостях, потому что наш противник тоже может их услышать. Дело не только в русских, в нашей стране есть люди, которые очень пророссийски настроены. Они тоже пытаются создать нам проблемы, использовать наши слабости и дискредитировать нас. Но никто из нас не является супергероем или Мстителем, у каждого есть свои слабости. У нас также есть свои способы борьбы со стрессом, и каждый находит свой индивидуальный подход. Для меня, например, это интервью — один из таких способов. Я не держу в себе то, что увидел, я делюсь информацией и позволяю этим эмоциям выйти наружу. У нас также есть профиль в Facebook под названием «Тем временем где». Мы публикуем там описания событий. Это оказывает на нас успокаивающее действие. Мы передаем знания и становимся свидетелями происходящего, что усиливает нашу мотивацию. Мотивация особенно важна, когда вы

сидите в темной норе, в 500 метрах от русских, а по вам стреляют танк, миномет или вражеский пулемет. Вам холодно, у вас нет своего спального мешка, и вы греетесь в мешке, оставленном русскими. Вы голодны, но не можете зажечь свою плиту и разогреть еду, потому что тепло — это индикатор для врага. А всего за час до этого вы смотрели в глаза солдату, которому не смогли помочь. Всё это может демотивировать. Но то, что мы говорим об этом, передаем эмоции, делает перезагрузку.

Не было ли у вас соблазна прекратить это делать?

Пока что я не испытывал сильного сомнения. Если это случится, то не здесь, а дома.

В связи с шушуканьем?

С улюлюканьем, с обвинениями в желании нажиться на всем этом, в ненадежности, в отсутствии патриотизма - мол, мы там, а не здесь. Есть много людей, которым неприятно, когда правда о войне выходит наружу.

Какие уроки мы должны извлечь из того, что происходит в Украине?

Я прошу вас оказывать помощь конкретным людям и организациям, которые занимаются полезной деятельностью. В Украине есть много людей, которые не принимают активного участия в боевых действиях, но при этом рассказывают истории и получают за это деньги. Эти средства могли бы пойти на поддержку поляков, которые участвуют в боях, или на помощь украинским военным формированиям. Также существует проблема с гуманитарной помощью и продовольствием, которые застревают в пунктах распределения на западе Украины.

А каковы уроки для Польши?

Конечно, важный урок, который мы можем извлечь из ситуации и перенести в Польшу, — это метод обучения. На наших полигонах мы привыкли к «теплым» тренировкам, которые проходят в комфортных условиях с использованием сушилок и обогревателей. Однако на востоке такие условия отсутствуют, и русские солдаты могут месяцами жить в земляных норах. Смогут ли наши бойцы проявить такую же стойкость?

Спасибо за интервью.

Борис Романько (из архива интервьюера)

2. "РУССКИЕ ОХОТЯТСЯ НА ПИЛОТОВ БЕСПИЛОТНИКОВ. ОНИ УСТРАИВАЮТ ЗАСАДЫ НА НАС".

- Интервью с Борисом Романько, пилотом беспилотника, инструктором, участником боевых действий в Украине. Интервью взял Михал Брушевский

Большая дальность полета беспилотника не всегда означает, что вы сможете находиться дальше от линии фронта. На самом деле, всё наоборот. Причина проста: вы хотите пролететь как можно дальше на своём беспилотнике, чтобы нанести удар в тыл противника. Так вы сможете достичь менее замаскированных объектов противника. Если вы охотитесь на русских с помощью беспилотника, вы хотите ударить там, где они концентрируют свои силы, а не на линии фронта, где фронтовики уже знают, что им нужно маскироваться от таких атак. Вам нужно использовать килограммы тротила, бомбы и взрывчатку, чтобы уничтожить окопавшегося и спрятавшегося солдата. Например, в нашей части русские окопались так глубоко, что без двух килограммов тротила даже не имело смысла сбрасывать на них что-либо.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ВЕСНОЙ 2024 ГОДА.

Борис является одним из пионеров и популяризаторов использования беспилотников в Польше. Его убежденность в правомерности применения дронов на войне, высказанная еще до начала СВО на Украине, нашла свое подтверждение на современном поле боя. Прежде чем предоставить слово моему собеседнику — выдающемуся эксперту в этой области, я хотел бы вернуться к своим размышлениям о беспилотниках, которые я высказывал еще в 2020 году. Эти мысли, которые появились много лет назад, стоит сопоставить с тем, что происходит в Украине в настоящее время. Четыре года назад, в подкасте с Мацеєм Шопой — соавтором этой книги — мы обсуждали современное оружие и пытались предсказать, как оно изменит поле боя. Тема зашла о беспилотниках, и мы начали обсуждать их еще до того, как это стало мейнстримом. «На мой взгляд, как во время Первой мировой войны бесспорным королем поля боя был крупнокалиберный пулемет, а во время Второй мировой войны — танк, так и сегодня королем поля боя является дрон — беспилотный летательный аппарат», — сказал я тогда. Эти слова были произнесены за месяц до вооруженного конфликта между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха, известного как Вторая нагорно-карабахская война. В Польше есть много экспертов, которые утверждают, что они что-то предсказали или их предсказания сбылись. Мы же просто цитируем себя из прошлого. Я уже много лет интересуюсь темой беспилотников. В январе 2021 года в еженедельнике «Солидарность» была опубликована

моя статья «Дрон. Беспилотный и неумолимый — новый король поля боя», в которой я писал: «Дрон перестал быть инструментом унитарной хирургической атаки. Он превратил технологическое преимущество в психологическое преимущество для конкретной армии». Беспилотники-камикадзе использовались для деконфликтинга рахитичной зенитной обороны армян. «Байрактары» атаковали ничего не подозревающих солдат на так называемой «второй линии», а затем эти атаки публиковались в СМИ. Внезапная гибель такого количества солдат стала шоком для общественного мнения — именно это мы могли видеть на опубликованных азербайджанских кадрах. Такое видео обнажает уязвимость и показывает отсутствие эффективной противовоздушной обороны. Танковая броня перестала быть укрытием и превратилась в стальной гроб немалых размеров». Действительно, «матерью» современной беспилотной войны стала азербайджанская военная кампания сентября 2020 года. Predator (General Atomics MQ-1) прошел боевое крещение в разведывательных полетах над Сербией в 1999 году. Отраслевая служба Air & Space назвала его одним из десяти самолетов, изменивших мир. Когда говорят «беспилотник» или «беспилотный летательный аппарат», на ум приходит Predator. Боевые беспилотники уже более двух десятилетий используются в крупнейших армиях мира. Теоретически беспилотные летательные аппараты были известны военным еще со времен Первой мировой войны. Однако это было другое. Даже современные беспилотники были «другими», потому что отличалась доктрина их применения. Дроны использовались для нанесения хирургических — эпизодических — авиаударов по целям, связанным с террористическими исламистскими организациями под черным знаменем так называемого Исламского государства или Аль-Каиды. Они использовались для уничтожения военного и политического руководства этих организаций. За четыре года — с 2020 по 2024 г. — беспилотники превратились из оружия помощи и поддержки в доминирующий инструмент боевых действий и пси-опса, или психологических операций. Во время моего пребывания на Донбассе в 2024 году мне самому приходилось прятаться от этих дронов, и только украинские солдаты говорили нам, когда мы можем уходить и продолжать путь. В том же году я снял документальный фильм «Война дронов — репортаж с Донбасса», который можно посмотреть на канале Defence24 в youtube. Когда вы приезжаете на восток Украины в наши дни, тема одна и та же: беспилотники, беспилотники, еще раз беспилотники. Есть меч, есть щит — повсюду инвестиции в беспилотники и РЭБы, как говорят в Украине.

В арсенале украинских вооруженных сил представлены различные типы беспилотников: от дальнобойных дронов до небольших квадрокоптеров. В декабре 2023 года Министерство стратегической промышленности Украины с гордостью заявило о производстве более 50 000 FPV-беспилотников. Однако, согласно статистике, опубликованной в СМИ, каждый месяц украинцы теряют около 10 000 беспилотников. Хотя это вызывает определенные трудности на современном поле боя, нельзя не признать, что беспилотная война стала ключевым преимуществом для Киева. Украинцы проявили необычайную изобретательность в использовании беспилотников, став пионерами в этой области. Часто это связано с отсутствием других средств воздушного нападения, но, кажется, на Украине нет предела возможностям в этой сфере. В результате появились новые тактики ведения боя. 5 декабря 2022 года украинцы атаковали авиабазы Энгельс и Дягилево на территории Российской Федерации, используя устаревшие разведывательные

беспилотные комплексы Ту-141 "Стриж", которые были переделаны в беспилотники-камикадзе. Украинские беспилотники атакуют цели в Санкт-Петербурге, Москве и даже в Мурманской области. Возникает вопрос: кто сможет преодолеть большее расстояние? Официальная дальность полета беспилотника "Бобер" составляет 1000 км, а AQ-400 "Коса" — 750 км. Однако генерал Кирилл Буданов, глава военной разведки ГУР, заявил, что у украинцев есть беспилотники, способные поражать цели на расстоянии более 1800 км. Польские беспилотники WB Group — FlyEye и Warmate — также успешно используются украинцами. Однако, стоит отметить, что они представляют собой эквивалент ракет.

Однако у миномётов, артиллерии и ручных пусковых установок есть альтернатива — более компактные дроны, известные как квадрокоптеры. Большинство из них относятся к классу FPV (вид от первого лица), что позволяет пилоту видеть мир глазами дрона. Именно поэтому мы часто замечаем украинских солдат в очках, которые напоминают киберпанковские устройства. Изображение с камеры беспилотника передаётся на видеопередатчик и через беспроводную связь выводится на очки оператора. В настоящее время в Украине формируются специальные отряды пилотов беспилотников, и масштабы их использования становятся всё более значительными. Киев утверждает, что ежемесячно поставляет украинским вооружённым силам около 12 000-15 000 FPV-дронов. Однако эксперты считают, что этого количества недостаточно. Были проведены расчёты, согласно которым 50 бригад украинских вооружённых сил должны получать по 2 000 дронов в месяц, что составляет всего 100 000 беспилотников. Поскольку для украинских производителей беспилотников такие цифры — лишь мечта, им приходится организовывать собственные военные логистические комплексы. На помощь часто приходят польские гуманитарные организации, которые финансируют беспилотники для украинских вооружённых сил в рамках сборов. Такой сбор был проведён редакцией Defence24.pl или фондом "РЕАКТ". Многие войска сами предоставляют элементы конструкции, запчасти, аккумуляторы и ретрансляторы. В Украине созданы специальные академии для пилотов беспилотников, где они проходят обучение и получают необходимые навыки.

Михал Брушевский: Когда вы начали путешествовать по Украине?

Борис Романько, пилот беспилотника: В 2015 году я уже оказывал поддержку своим коллегам из Украины. В реабилитационном центре я познакомился с ранеными солдатами, которых направили на лечение в Польшу. Когда я встретил людей, вернувшихся оттуда, они рассказали мне ужасные истории о том, что происходит. Я понял, что должен что-то сделать, чтобы остановить Русских. В то время моя помощь была незначительной — обувь, рюкзак. Я организовывал помощь для отдельных людей. Также я ездил в Украину, чтобы быть рядом с семьёй. Когда всё началось в феврале 2022 года, я начал действовать с первого дня.

Чем вы занимались?

Я решил проверить, как дела у моих бывших коллег, и связался с ними. А потом всё закрутилось: начались поездки с медицинским транспортом, и с каждым разом они становились всё более дальними.

Думаю, я могу смело назвать дроны вашей страстью. Как это началось?

Всё произошло естественным образом, в своё время. Моё первое знакомство с дронами состоялось в 2016 году, когда я купил свой первый беспилотник и начал летать на нём в личных целях. Я много лет служил в Стрелковом полку и работал в организациях, занимающихся вопросами обороны, поэтому мы также использовали дроны на учениях. Уже тогда я понимал, что воздушная разведка по-прежнему будет играть ключевую роль на современном поле боя. Однако, несмотря на то, что я служил в польской армии и работал в этих организациях, у меня не было возможности увидеть себя сверху, как в настоящем фильме (улыбается).

Вы с самого начала увидели потенциал?

После покупки своего первого дрона я помню, как мы проводили тесты друг на друге. Я снимал своих коллег и себя, а затем мы вместе просматривали отснятый материал. Это были мои первые шаги в использовании дрона. Я был уверен, что использование дрона в военных тренировках было бы очень полезно. Я мог бы показывать солдатам, как они выглядят в масках, насколько заметны в различных ситуациях и как можно улучшить их боевые навыки.

Когда вы начали использовать эти знания в Украине?

В июне 2022 года я впервые отправился на длительную тренировку 47-го батальона. Там я стал свидетелем того, как они используют беспилотники на полигоне в боевых условиях. В качестве инструктора я участвовал в занятиях по общевойсковой подготовке. Меня поразило, насколько эффективными могут быть беспилотники, особенно в разведке. Этот опыт настолько увлек меня, что в сентябре я вернулся на Украину. Солдаты были очень благодарны мне за то, что я обучал их как доброволец, бесплатно, в то время как им не хватало инструкторов. Они считали мой приезд очень важным. В качестве награды я получил возможность пройти один из первых курсов по боевому применению гражданских дронов на поле боя, организованный компанией Victory Drones. На этом курсе украинцы научили меня, как использовать коммерческие дроны в бою с противником и как обучать этой тактике. Затем в течение месяца я сам проводил курсы. В то время я был единственным преподавателем, и на курсах было несколько сотен человек. Из-за войны не хватало ресурсов для обучения и времени. На этих курсах я познакомился с солдатами, которые вернулись с фронта. У них тоже был свой опыт работы с беспилотниками. По вечерам, после обучения, мы встречались и разговаривали. Я спрашивал их, хорошо ли я преподаю, и как это выглядит на передовой. Они делились со мной своими знаниями, и я

расширял свой кругозор. Victory Drones выпускает информационный бюллетень, в котором каждую неделю рассказывает о новых методах борьбы и о том, что происходит с дронами на войне. Кроме того, создано сообщество, куда приглашаются пилоты дронов, чтобы поделиться своим опытом. Это была теория, пока я впервые не отправился на передовую. Потом началась практика.

Когда вы попали на передовую?

Я принял решение уйти из профессии в феврале 2023 года. После этого я провёл несколько дней на передовой, а в августе отправился в длительную командировку.

Давайте вернемся в февраль 2023 года. Каковы были ваши первые наблюдения с фронта?

Я оказался в Соледаре.

Значит, при Бахмуте?

Мы не работали над Бахмутом, город находился примерно в 20 километрах от нас. Бои за Соледар уже подходили к концу, и вокруг нас были поля и деревни. Поэтому, когда кто-то говорит, что я был под Соледаром, это не значит, что я был под Бахмутом. Там, где я находился, всё выглядело иначе. «Парень дрался ни с того ни с сего» — нет, это неправда. Поверьте, мы иногда пролетали над такими нестратегическими местами, как оросительный канал (смеется). Поля, лесные просеки — никто и подумать не мог, что мы будем воевать за незначительные, неизвестные по названию территории. Но никто не сомневался, что есть смысл сражаться за ту единственную кучку деревьев.

В то время специалисты из группы Вагнера принимали самое активное участие в Бахмутской битве на стороне русских. Как бы то ни было, они захватили Соледар, как сообщил лидер русских воинов Евгений Пригожин. Господь видел их с небес.

Вы видите людей в грязной униформе. Они сидят, гниют в окопах. Подъезжают грязные машины. Это была смесь солдат. Часть из них определенно была вагнеровцами, потому что мы слышали, что их штурмовые группы идут, но вопреки всему они были неотличимы от других русских.

Как выглядит разведка с помощью дрона?

Во время ежедневных дежурных полетов человек наблюдает за врагом. Это кропотливая работа. Подвешиваешь дрон, делаешь зум здесь, зум там. Не готовят ли они атаку? Не пытаются ли они куда-то стрелять? Это наблюдение. Скучная, повторяющаяся работа, но нужно быть осторожным, чтобы хорошо замаскироваться.

Как я понимаю, противник тоже маскируется.

С этим все иначе. В то время, а это было примерно в марте 2023 года, русские еще не думали, что в небе будет много беспилотников. По опыту, их было не так уж и много. "Они мало жужжат" - как говорили раньше. Поэтому они позволили себе больше. Они выходили на улицу. Их можно было заметить. Они чувствовали себя в безопасности. Это показало мне, как легко их обнаружить - я мог видеть, из какой норы они выходят и куда направляются. Из-за нехватки артиллерийских боеприпасов, из-за отсутствия огневого воздействия иногда мы могли только наблюдать за ними. Мы могли их видеть, но иногда у нас не было возможности их поразить.

Помните ли вы первого русского воина, которого увидели с беспилотника?

Вид российских солдат не стал для меня неожиданностью, но запомнилось другое. В ноябре 2023 года, во время длительной командировки на линию Константиновка – Горловка, я увидел гражданских лиц по ту сторону фронта. Я летел на беспилотнике очень далеко за линией фронта и заметил гражданского мужчину, который возвращался из магазина с авоськой. Это заставило меня осознать, что за линией фронта тоже живут обычные люди. Этот опыт напомнил мне о том, насколько точно человек должен обозначать свои цели. Независимо от того, выступает он за Россию или нет, необходимо быть внимательным к тому, на что наводишь, ведь там может находиться мирный житель. Здесь мы поняли, что фронт – это не только лесные просеки и окопы, но и дома, и жители. Я видел, как парень возвращался с сеткой из магазина, а вокруг шла война.

Я не хочу никого обидеть, поэтому, если мои вопросы покажутся вам слишком личными, прошу вас воздержаться от комментариев. Как журналист, интересующийся военным искусством, я могу сказать, что это первый конфликт, в котором участвуют специализированные разведывательные группы беспилотников. Если можно так выразиться, это своего рода субкультура, которая, на мой взгляд, постепенно систематизируется, формализуется и обретает свои собственные рамки. Давайте попробуем описать работу оператора дрона. Какие опасности вы и ваши коллеги испытываете в своей деятельности?

Один из нас находился в зоне поражения всех видов оружия, включая минометы, артиллерию и автоматические гранатомёты, — всех более крупных калибров. Русские вели огонь по нам. Возможно, мы не были их прямой целью, но они обстреливали кого-то рядом с нами. Например, мы сидели в доме, а в 100–200 метрах от нас расположились бойцы с миномётами. Они несколько раз открывали огонь, но затем отступили. В ответ на это мы подвергались миномётному обстрелу с российской стороны. Осколки летели в нашу сторону и вдоль стен нашего дома, но с нами ничего не случилось. Однако мы слышали свист шрапнели. В другой ситуации наш танк выдвигался на позицию. Вероятно, русские заметили его и выпустили по нему две или три ракеты. Это было оружие крупного калибра.

Огромный шум и давление от взрыва проникли в наше окно, повредив мой вагус и вызвав проблемы с давлением.

Давайте объясним нашим читателям, что с вами произошло. Это была так называемая баротравма, да?

Именно так. Я месяц лечился от этого недуга. Принимал препараты, чтобы не ходить от стены к стене и не падать каждый раз, когда встаю со стула. Воздействие артиллерийских средств на фронте настолько сильное, что оно не могло не отразиться и на нас. Если вы не находитесь под землёй или не укрыты толстым слоем бетона, вы всегда открыты для обстрела.

Другие риски?

От других людей я слышал, например, о минах, которые русские устанавливали на подступах к нашим позициям. Они обнаруживали их с помощью беспилотников, а затем добирались туда и закладывали мины. Идя с батареями и беспилотниками, человек становится тяжёлым, как мул. В таком состоянии очень легко наступить на мину. Есть риск промахнуться, и тогда придётся ползти или перевязывать ногу. Также я слышал о засаде под Соледаром, устроенной на другую группу разведчиков. Они шли на задание, но русская диверсионная группа устроила засаду и расстреляла их. Противник точно знал, куда они идут и где находятся их летные позиции. Это очень драматично, когда вокруг поля и просеки, и негде спрятаться от беспилотников. Становится очевидно, где вы находитесь. Очень рискованно, потому что противник может угадать, откуда вы запускаете дроны. Другого укрытия просто не существует.

Это очень опасная служба. Некоторые считают, что это тяжелая работа, потому что можно погибнуть от взрыва БПДА при взлёте.

Дальность полета беспилотника не всегда означает, что вы можете находиться дальше от линии фронта. На самом деле, всё наоборот. Причина проста: вы хотите, чтобы ваш дрон мог пролететь как можно дальше, чтобы нанести удар в тыл противника и достичь менее замаскированных средств борьбы. Если вы охотитесь на русских с помощью беспилотника, вы стремитесь поразить их там, где они концентрируют свои силы, а не на линии фронта, где фронтовики уже знают, как защититься от таких атак. Вам нужно использовать килограммы тротила, бомбы и взрывчатку, чтобы поразить окопавшегося и спрятавшегося солдата. В нашей части был пример: русские зарылись так глубоко, что без двух килограммов тротила было бесполезно сбрасывать на них что-либо. А ведь чтобы добиться хоть какого-то эффекта, нужно ещё забросить эти два или четыре килограмма тротила через дыру. Поэтому мы стараемся залетать дальше в линию, когда противник не так хорошо окопался, и чаще проезжают машины. Где они закладывают боеприпасы и мины? И делают они это в тылу. Мне, как пилоту, приходится быть ближе к линии фронта, чтобы получить больший радиус действия. Бывали случаи, когда нам приходилось идти на первую линию окопов.

Вы отправляетесь в окоп к другому солдату, и как он реагирует?

Мы слышим: "Найдите другое укрытие" (смеется). Среди нас бытует мнение, что если пилоты беспилотников приходят в окоп это к беде: "мы пришли полетать", а солдат им: "ну-ну, я тут уже четыре месяца сижу пошли нахрен". У солдата лицо старого деда (смеется).

Как обстоят дела на передовой?

Это невероятно рискованно. Прежде всего, необходимо добраться до этого места, имея при себе оборудование и дроны. А затем лететь, подвергая себя опасности нападения.

В Украине я встречал выражение, что они летают на "птичках". Поэтому я и написал об этой субкультуре, потому что у меня сложилось впечатление, что для сообщества дронов-разведчиков даже создан отдельный язык или термин. Как вы сами себя определяете?

Пилоты — это те, кто управляет самолётами, поэтому в более профессиональном военном языке используется термин «операторы». Однако слово «пилоты» также применяется. Эти маленькие беспилотники занимают настолько низкую позицию в военной иерархии, что у них ещё не сложилась собственная номенклатура. В то время как у пехоты есть боевые уставы, известные уже нескольким поколениям, для беспилотников они только разрабатываются. До войны никто не мог представить, что в пехотном взводе один крестьянин будет атаковать противника с помощью беспилотника. Никто не думал, что он сможет поражать цели на таком расстоянии.

Каково это - летать с передовой?

Страх. Когда работа осуществляется близко к линии фронта, неизбежно возникает стресс. Вы можете быть обнаружены и обстреляны, когда достигаете позиций. Есть разница между относительным спокойствием на фронте и серьезными боевыми действиями. Когда обе стороны, находясь в окопах, имеют приказ защищаться, но при этом конфликтуют друг с другом, это одно. Однако, когда происходят перестрелки и штурмы позиций, когда речь заходит о захвате позиций противника, ситуация становится гораздо опаснее. Это совершенно разные "состояния" на фронте. Польский медик "Бур", который отправляется на фронт, выделяет два периода: время обороны и время штурмов. Всё полностью меняется.

Вы видели нападение с беспилотника?

К счастью, они напали на наших. Я видел это в прямом эфире. Наша пехота готовилась атаковать врага. Стандартная задача при обороне — летать и обнаруживать противника. Хорошая разведка похожа на работу детектива: ты ищешь следы врага, чтобы понять, куда он направляется.

Во время Второй мировой войны делали аэрофотоснимки и анализировали изображение. В наши дни это даже транслируется в прямом эфире. Вы можете это видеть. Это дуэль между вашим и русским разведывательным подразделением?

Это может происходить по-разному. Маленькие квадрокоптеры трудно заметить, так как они маленькие. Однако более крупный крылатый дрон, конечно, легче обнаружить, когда он взлетает. Поэтому размер и место посадки имеют решающее значение. Во время выполнения задания коптер может возникнуть из ниоткуда. Но главное правило — взлетать как можно быстрее, чтобы увести дрон как можно дальше.

Давайте воспользуемся моментом, чтобы прокомментировать этот материал, который доступен в интернете и раскрывает, каким огромным явлением является война с использованием беспилотников. Вы знаете об этом не понаслышке. Видели ли вы видео, на котором российский солдат замечает беспилотник и начинает убегать, оглядываясь назад, и бежит к месту сосредоточения своего подразделения, направляя украинцев на позиции в масках? Автор фильма поставил музыкальную тему из сериала "Бенни Хилл".

Я не видел этого солдата, но ситуация кажется идеальной (смеется). И, если серьезно, я отчасти понимаю этого человека. Ему было страшно. Если он провёл на фронте немного времени, иногда всего несколько дней, он уже знает, что такое, когда беспилотник обнаруживает его и следит за ним. Это значит, что ему грозит смерть. Украинцы немедленно нанесут удар всеми доступными средствами: прилетят беспилотники с FPV, посыплются минометные гранаты, ударит артиллерия. Смерть близка. Я могу понять, почему для поднятия боевого духа создают смешные видео. Люди легкомысленно относятся к своей ежедневной опасной службе. Мы сами смеялись над русскими, считая их глупыми. Но нужно смотреть на ситуацию и с человеческой точки зрения: как мы боялись, так и они испытывали страх. В этом состоянии, находясь в бессознательном состоянии, человек мог наделать много глупостей. В обычный день, в трезвом состоянии, он мог бы этого не делать, но сейчас он просто не знает, что делать, и ведёт себя абсурдно. Он боится смерти.

Мы видим кадры, на которых русские замечают беспилотник и начинают стрелять по нему. Мы не слышим ни звука, но видим дым, выходящий из ствола автомата, и пальцы, направленные на него. Они стреляют очередями.

Беспилотники "Мавики" (разновидности DJI Mavic - прим. ред.) или FVP длиной около 7 дюймов видны невооруженным глазом с расстояния в несколько сотен метров. Их также можно услышать. Они "жужжат", но хорошего оператора дрона обнаружить невозможно. Пехота на линии фронта догадывается, что за ней наблюдают беспилотники. Русские стреляют по беспилотникам.

Есть записи, показывающие это даже с двуствольными ружьями.

Как ни странно, их не так много, потому что существует проблема логистики. Им нужны боеприпасы для них. То есть вопрос не в том, есть ли у них дробовики, а в том, есть ли у них боеприпасы к ним. Вот с чем у них проблема. Речь идет не об одном дроне, а о ежедневных съемках. Сбить беспилотник в воздухе из "Калаша" или дробовика очень сложно. Мы сами практиковались в Украине, это высшая школа. Хороший оператор может с этим справиться.

Как обстоят дела с глушением беспилотников у русских?

Беспилотники становятся всё более мощными. Новые антенны, изменение частоты сигнала, улучшение качества связи — всё это неизбежно оставляет позади любые системы, способные глушить их. Это гонка вооружений, в которой каждый стремится превзойти другого. Русские всегда будут отставать. Но даже если у них есть какие-то преимущества, существует тактика, позволяющая обходить их защиту. Их оборона всегда будет реактивной, и нужно быть настороже, чтобы не попасться в ловушку, которую могут устроить русские для беспилотников.

Когда вы узнаете о подавлении?

Картинка пропадает, сигнала нет, мы теряем контроль. Но, вопреки ожиданиям, и это может сойти вам с рук.

Что используют русские?

Они стремятся заглушить сигнал. Это означает, что они хотят создать настолько мощные помехи, чтобы дрон воспринимал их сигнал, а не наш. У них есть два вида глушилок: направленные и всенаправленные. Последние создают купол помех, но у них ограниченный радиус действия. Направленная глушилка должна излучать сигнал прямо в сторону обнаруженного дрона, и с этой задачей они пока не справляются.

Перейдем к самым зрелищным действиям, а именно к атакам камикадзе. Есть кадры, на которых видно, как оператор дрона FPV врывается в кузов военного грузовика с солдатами, причем делает это во время его быстрого движения. Или дрон влетает в ангар, заполненный российской техникой. Вы можете увидеть хирургическую точность в действиях украинских пилотов беспилотников.

Применение этих гражданских беспилотников изменило два важных аспекта. Солдаты на фронте, стремящиеся увеличить дальность поражения и наносить удары по врагу, теперь имеют для этого все необходимое. Если они обладают достаточным интеллектом и прошли курс обучения по использованию беспилотников, то могут продемонстрировать отличные результаты. В военных кругах использование беспилотников уже стало обычным делом.

Однажды я задался вопросом, кто стал первым, кто применил FPV-беспилотник, оснащённый взрывчаткой, в Украине.

А кто был первым?

Это было сделано двумя скучающими солдатами, которые находились в окопе. В километре от них располагались позиции врага, и они размышляли о том, как нанести им удар. Один из солдат до начала вторжения летал на беспилотниках, и они решили купить один, собрать его и прикрепить ручную гранату. Однако, когда они запустили беспилотник, он не долетел до русских позиций. На следующий день на поле прибыла группа французских журналистов с камерой. По стечению обстоятельств, они попросили показать им что-нибудь интересное. Солдаты сказали, что у них есть новая идея. Они снова запустили беспилотник, и на этот раз он успешно долетел до русских позиций. Граната упала на хижину, где находились русские, и раздался взрыв. Подразделение этих солдат называлось «Сигнум», и с тех пор такие операции стали обычным делом.

А какие бывают классы беспилотников? Одни бросают гранаты, другие атакуют в стиле камикадзе. Они разработали разные категории?

Хороший пилот делает все. И разведку, и сбросы, и удары камикадзе. Он может направлять. Он будет универсален. Он выполнит тысячи различных миссий.

Я читал, что огромное количество беспилотников теряется.

Пишут, что украинцы теряют около 10 000 беспилотников в месяц. Эта цифра завышена или занижена, все зависит от того, о каких дронах идет речь. Если обо всех классах, то это слишком маленькая цифра, а если об одном конкретном классе, то слишком большая. А как относиться к потерям FPV-беспилотников, которые уничтожают цели, а заодно и себя?

Украина знает, как дронить? (слэнгово спрашивает «как применять дроны»)

Они даже могут достигать целей на большом расстоянии в России. Давайте вспомним, что в этом нет ничего необычного. Даже в Польше были моделисты-рекордсмены, которые летали на дронах на расстояние 200-300 километров. До того, как я начал заниматься этим, мне это тоже казалось чем-то невероятным. Теперь я понимаю, что это вполне достижимо. Конечно, украинцы развили производство боевых беспилотников и использовали их в условиях военного времени. Меня также не удивляет, что они способны уклоняться от зенитных установок в России. Дальность и грузоподъемность беспилотников — это не какое-то «открытие Америки».

Пилоты беспилотников называют свои машины так же, как пилоты самолетов или экипажи танков?

Нет, мы теряем их слишком часто (смеется).

То есть привязываться не к чему. Пока у вас хватает терпения разговаривать со мной, я воспользуюсь этим и все равно спрошу вас о той последней поездке в Украину. Конец 2023 года.

В августе 2023 года я находился на линии Константиновка - Горловка. Это было разведывательно-боевое задание. Наносил удары по боевым средствам противника. В ноябре я вернулся сюда. Во время последней поездки, помимо разведки, я также использовал дроны FPV, дроны-камикадзе.

Как изменился фронт за эти месяцы?

Изменился ландшафт при смене погоды. Все больше и больше разрушений. Они заставили менять позиции.

Как выглядит поле боя с высоты?

Лунный пейзаж. Выжженная растительность. Фрагменты снарядов, после обстрелов.

Каково это - летать на беспилотнике над русскими и наблюдать, как артиллерия обстреливает вражеские позиции?

Разочарование, когда они не попадают с первого раза (смеется). Корректировка огня, и вы ожидаете, что они сразу же попадут (смеется). А когда они попадают, это радость. Я понимаю, что это война и убийство. Это чувство — я победил, а ты нет. Это может показаться странным или драматичным. Кто-то радуется чьей-то смерти. Но на поле боя, прежде чем приходит осознание, есть только радость. Мы выбили его! Мы наконец-то сделали это! Человек счастлив, что у него получилось. Позже приходят мысли о том, что мы сделали, что происходило. Я не смотрю на это через призму эвфемизмов. Война — это убийство, но это были люди, которые пришли на нашу землю, чтобы насиловать, грабить и убивать.

Я спрашиваю, а не осуждаю. У нас под Харьковом была такая ситуация, что рядом с нами упал артиллерийский снаряд. Нам сказали, что это потому, что над нами были российские беспилотники. А вы знаете, что над вами тоже висят вражеские беспилотники?

К сожалению, да. Мы знаем, какие тактики использовать, чтобы оставаться незамеченными, и предполагаем, что наши противники тоже применяют похожие методы. Однажды мы столкнулись с ситуацией, когда увидели FPV дрон, летящий прямо на нас. Мы быстро заняли все доступные укрытия, оказавшись в разрушенной хижине. Мы понимали, что если дрон влетит в наше окно, то нам не избежать гибели. Вопрос был только в том, кто летит — наши или враги. Нас охватило смятение, мы сидели и ждали. Дрон пролетел над нами, а затем снова над нашей позицией. Что же оказалось? Как выяснилось, это были наши враги, пролетавшие над нашими позициями (смеётся). Русские использовали различные беспилотники, такие как «Орланы», «Ланцеты» и «Суперкамы», летая вокруг нас. У меня сложилось впечатление, что русские хуже разбираются в беспилотной войне. В России формируется сообщество специалистов по беспилотникам, и это представляет большую опасность. Однако на данный момент они выглядят менее подготовленными, чем украинцы.

У вас есть украинские корни?

Часть моей семьи живет в Украине.

Я хотел бы спросить о баротравме, поскольку осведомленность об этом заболевании растет.

Танк был подбит ракетой крупного калибра, и ещё одна упала между нами и танком, примерно в ста метрах от нас. Она пролетела достаточно близко, чтобы меня ударило волной давления, и я оказался приклеенным к стене. Я не мог понять, что произошло. Мы уже слышали свист ракет, но в этот раз ничего не было слышно, только всплеск. После первого шока последовал второй взрыв. В тот день я снова был на дежурстве, и адреналин бушевал в моей крови. На следующий день мы отдыхали. Позже я был в штабе. Возвращаясь из штаба и поднимаясь по лестнице, я почувствовал головокружение и сказал коллегам, что у меня кружится голова. Может быть, это из-за перегрева? Август, каска, жилетка — было очень жарко. Когда я вернулся на базу, головокружение усилилось. В машине по пути на позиции я чувствовал, как всё вокруг вращается, и меня тошнило. Всё было плохо, но я собирался летать на дронах (смеется). В итоге я сказал ребятам: «Летайте, я не могу». Я начал опрокидываться. Командир сказал, что от меня не будет толку (смеется). Меня отнесли в кузов и поставили капельницу. В госпитале выяснилось, что я поляк и доброволец, поэтому меня отправили в другой госпиталь. Два дня я лежал в тылу, и за мной ухаживали пилоты беспилотников, которые спустились с фронта. Я понял, что не смогу участвовать в боях, даже врач сказал мне, что у меня травма от давления, и я буду лежать в постели месяц или два. Я просто занимал место. Я вызвал добровольцев, и ребята из «Валентин Групп» как раз собирались в Польшу. Они взяли меня с собой. Тридцать шесть часов я ехал на полу в автобусе с перегоревшим вагусом (смеется). На этих разбитых дорогах автобус то тормозил, то разгонялся — это было настоящее испытание. Один из худших моментов в моей жизни. В Польше меня отвезли в больницу, сделали томографию и взяли анализы. Я был в порядке. ЛОР-врач помог мне, выписал стероиды, и через три дня

мне стало лучше. Месяц я пролежал дома. Это были последствия травмы от давления. Даже сейчас, если я сильно поворачиваю голову, вагус как будто сходит с ума. Всё остаётся на месте. Я прошёл много курсов в польской армии, но раньше об этом не говорили. Это появилось в Украине. Сегодня это самая распространённая боевая травма, которая случается на поле боя. Она заканчивается по-разному. Один из наших коллег до сих пор не видит цвета. Но есть люди, на которых это вообще не действует. У коллеги, который стоял рядом со мной в момент взрыва, баротравмы не было.

А где вы служили в польской армии?

Я прослужил шесть лет на Формозе, до этого служил на военном корабле. И закончил службу в Территориальных силах обороны.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Украинский боец-доброволец с автоматом семейства АК (АКС-74)

3. "РУССКИЕ НАМ НЕ ПРЕДСТАВИЛИСЬ".

- Интервью с польским добровольцем, сражавшимся против русского спецназа. Интервью с Мацеєм Шопой

Мы не использовали термин «специалисты», когда говорили о них. Мы называли их разведывательно-диверсионными группами, потому что они не представлялись, были ли они из войсковой разведки или спецназа более высокого уровня. Это были опытные бойцы, которые проникали глубоко на нашу территорию. Они использовали снайперский огонь и умение устраивать засады, чтобы помешать нашим передвижениям. Они хорошо сражались в ночное время, используя тепловизоры, чтобы максимально эффективно действовать в темноте.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ОСЕНЬЮ 2022 ГОДА.

Осенью 2022 года я взял первое интервью у польского комбатанта, который участвовал в боевых действиях в Украине. С первых же минут нашего общения я словно погрузился в самую гущу событий. Этот человек не был просто добровольцем, доставляющим грузы, или медиком — он действительно сражался и даже обучал молодых украинских добровольцев из вспомогательных формирований основам тактики и выживания на поле боя. По понятным причинам, личность этого человека не может быть раскрыта. Он воевал в формировании, состоящем преимущественно из украинцев, которое сотрудничало с подразделениями из стран Западной Европы. Бои проходили на территории Донбасса. Эти легковооружённые отряды, для которых пусковая установка управляемых противотанковых ракет уже считалась тяжёлым оружием, образовывали защитный рубеж между русскими и регулярными войсками украинской армии.

Интервью, которое было взято для Defence24.co.uk, было проведено в период, когда, с точки зрения жителей Запада, операция в Харьковской области шла успешно, а в Херсоне назревала ситуация, способствующая освобождению города. В это время преобладал оптимизм, и даже высказывались предположения, что зимой 2023 года российская армия нанесёт новый удар под Запорожьем, что приведёт к быстрому освобождению украинской территории и даже возможному окончанию войны, включая крах кремлёвского режима. В СМИ стали появляться поспешные прогнозы и рассказы о сражениях между «глупыми русскими» и «умными украинцами». Однако разговор с человеком, который на практике столкнулся с реалиями фронта, оказался гораздо более трезвым взглядом на ситуацию и на то, кто и как ведёт войну в Украине. Стало очевидно, что противник крайне компетентен, а его разведывательные группы и танки представляют серьёзную угрозу.

Мацей Шопа: При каких обстоятельствах вы оказались в Украине и в каком качестве? Почему вы решили поехать туда?

Конечно, я поехал воевать на Украину, чтобы сражаться за Польшу. Чтобы русские не могли приблизиться к нашим границам. Я предлагал украинцам то, что знал лучше всего, на тех участках, где мог им помочь. В итоге я оказался на передовой, потому что именно там я был нужнее всего.

На каком участке фронта это было?

Это был Донбасс, равнины, много полей, степи. Конечно, это были освоенные территории. Поля с лесополосами.

Это была территория, населенная русскоязычными людьми?

Да. Кроме того, это был район, где предполагалось, что часть населения поддерживает русских. Но я встретил там большое количество людей, которые хотели остаться с Украиной. Они помогали нам, и у нас были очень хорошие отношения с ними. Интересно, что даже если местные жители были ранены и находились на территории, контролируемой Россией, они переходили через линию фронта к нам, чтобы мы оказали им помощь. Они знали, что мы окажем им лучшую помощь, чем русские.

Вы были более готовы помочь или у вас было лучшее оборудование и навыки?

Думаю, и то, и другое. Наше медицинское оборудование было абсолютно превосходным, но дело было не только в этом... Они выбрали нас.

Значит, у населения есть возможность относительно безопасно проникать через линию фронта? Это не так, как, например, во время Первой мировой войны?

Относительно безопасно, включая различные странные ситуации. Например, мы были в центре атаки на русских в какой-то деревне, перед нами только что проехала боевая повозка русской пехоты... и вдруг с той же стороны, где исчезла повозка, выходят местные жители. Командир кричит: не стрелять! И они проходят и говорят нам, где русские. Это было под постоянным артиллерийским обстрелом, а они просто проходили мимо.

Были ли они шокированы?

Нет, это их повседневная жизнь. Повседневные вещи.

Анестезия?

В большинстве своем это люди, уже поселившиеся здесь и привыкшие к этому месту. Те, кто не имеет возможности ни физически, ни морально переехать в другое место.

Вы воевали в добровольческом формировании. В украинском или международном?

В основном это были украинцы, но было и несколько человек из других стран. Мы также работали с формированиями, прибывшими исключительно из стран Западной Европы.

Что вы можете сказать об этих людях? Украинцы, поляки, западники... Какая там была атмосфера?

Очень позитивно. Вообще, поляки с украинцами - как братья. Ты можешь говорить по-польски, и украинцы тебя понимают. Там было много казаков, которые говорили на суржике, и для общения с ними нужно было знать несколько русских слов, но проблем с общением практически не было. С ребятами с Запада все тоже было очень позитивно. Они знали, зачем приехали, хотели помочь и были там уже давно. Они относились ко всем по-хорошему, и все относились к ним так же. Каждый привносил в конфликт свой взгляд. Местные украинские парни отлично справлялись с местностью, менталитетом этой войны с русскими, обращением с постсоветским оборудованием, а также с тем, как выжить, как прокормить себя, где достать необходимые вещи. Парни с Запада, с другой стороны, часто были опытными солдатами и имели навыки обращения с более сложным снаряжением, например, с ПЗРК.

Какова была роль вашего образования?

Я служил в одном из них, который находился буквально на границе с русскими. Многие добровольческие формирования находятся на передовой. Они также помогают на контрольно-пропускных пунктах. Были и типичные медицинские добровольческие формирования, которые проявляли себя на разных уровнях и защищали нас комплексно.

Спецслужбы и спецназ Украины. В этом ли секрет военного успеха Киева в этой войне? Так ли защищались украинцы?

Это война разведывательных и ударных комплексов, а значит, в первую очередь спецслужб. Обе стороны очень активно используют спецслужбы и подчиненных им солдат, то есть спецназ, и это война, которая во многом зависит от них. Работая в таком районе, где некоторые люди поддерживают русских, мы постоянно находились под прикрытием Службы безопасности Украины (СБУ). Во время моего пребывания здесь СБУ арестовывала людей из местного населения, подозревая их в передаче сообщений русским. Я также знаю о действиях спецподразделений СБУ в борьбе с российскими группами, которые проникали на наш участок фронта. Если бы эти группы не были разбиты и придавлены, у нас были бы проблемы с поставками, инфраструктурой, работой в тылу, отдыхом, со всем.

Вас будут преследовать снайперы, минометный огонь и т.д.

Минометный обстрел велся постоянно, но, думаю, он был бы более эффективным, если бы СБУ не противостояло противнику в обработке источников информации. И это хорошо, что мы относительно спокойно отдыхали. Хотя у нас тоже были ситуации, когда солдат пропадал на нашей стороне. Поэтому нам было приказано всегда быть с оружием и находиться в большой группе. Это означало, что в этом районе действовали и русские

группы - будь то партизаны или спецназ. Русские также использовали свои спецотряды для разведки или для уничтожения наших инженерных препятствий. Я видел это своими глазами.

Что касается украинского спецназа, то об этом я только слышал. У них есть облегченная возможность действовать в глубинке противника, тем более что язык у них тот же, что и на территориях, где они действуют в тылу врага. Не исключено, что они выполняют весь спектр операций спецназа - от отслеживания важных людей, в том числе предателей, до снижения морального духа противника различными способами, получения информации, подрыва объектов или уничтожения техники и подразделений из засад. Но такие подразделения используются и в штурмовых операциях, и русские тоже этим занимаются. Обычно спецназовцы занимают позицию, а затем пехота захватывает ее и окапывается. Специалисты лучше умеют действовать ночью, проникать на "ничейную землю" и реагировать на ситуации, когда может произойти что-то неожиданное. Они также лучше умеют управлять техникой.

Какой уровень представляли собой эти русские "специалисты" - или, скорее, русские спецназовцы? Был ли это грозный противник, внушали ли они страх? Уверены ли вы в том, что, поставив перед собой цель, они ее достигнут?

Специалисты, не специалисты... мы их так не называли. Мы называли их разведывательно-диверсионными группами, потому что они не представлялись, будь они из войсковой разведки или из спецназа более высокого уровня. Это были хорошие группы, хорошие солдаты. Они очень глубоко заходили на нашу территорию. Снайперским огнем или умением устраивать засады они перекрывали наши передвижения. Они хорошо воевали ночью, умели маскироваться с помощью тепловизионного камуфляжа, насколько это было возможно.

Было ли у них какое-нибудь специальное оборудование?

Больше тренировок. Они просто использовали местность, чтобы исчезнуть и как можно меньше выдавать себя при тепловизионном обследовании.

Можно ли сказать, что их подготовка была на том же уровне, что и у их украинских коллег?

Мне трудно судить. Но у них была отличная огневая подготовка. Когда им ставили задачу, они старались выполнить ее. Они могли выходить в бой ночь за ночью и были очень последовательны в своей работе. Кроме того, они рискнули подойти к нам очень близко.....

Мы уже упоминали о СБУ. Как эту службу воспринимают солдаты и добровольцы с украинской стороны? Говорят, что она является нервной системой украинской армии.....

В Украине СБУ пользуется большим уважением и имеет очень сильные полномочия. Служба очень сильно чистит себя и очистилась от людей, которые не поддерживали украинское дело. Поэтому СБУ полезная, компетентная, очень быстро реагирует на

перехваченные материалы, радиостанции или информацию с российской стороны. Полученная информация обрабатывается сразу же, в любое время, чтобы мы могли ее использовать. В Украине я встречал очень разных людей, но ни у кого не было ненависти к СБУ, потому что, например, они им что-то сделали, плохо с ними обращались и т. д. Мне было очень приятно с ними встречаться. Так что к этой службе там относятся с большим уважением и почтением. Есть и некий страх перед ними, но это не неприязнь или ненависть.

То есть серьезные люди, к которым относятся серьезно. Нет ненависти, а значит, возможно, они не злоупотребляют властью....

Именно так. Война - сумасшедшее время, и во время нее случаются разные вещи. СБУ занимается не глупостями, а серьезными вещами, чтобы выиграть войну.

А что можно сказать об украинских линейных войсках?

У меня сложилось о них очень хорошее мнение. Когда в районе появлялись их группировки или мы знали, что где-то стоят их механизированные, бронетанковые подразделения, ты всегда чувствовал себя уверенно. Ты знал, что есть силы, которые могут поддержать тебя в любой момент. Иногда с нашего участка фронта было видно, что количество подразделений уменьшается, что они исчезают. Видно было, что это связано с необходимостью передислокации на другой участок фронта. Тогда чувствовалась нервозность, чувство потери со стороны украинских ребят, когда они понимали, что этой поддержки нет.

Десять лет назад вооруженные силы Украины во многом напоминали российскую армию. Как это выглядит сейчас, с точки зрения менталитета или царящей атмосферы?

Сама армия оснащена гораздо лучше, чем российская. Я не говорю о танках, боевых машинах и прочей более сложной технике, но базовая экипировка солдата, она у украинцев современная даже в добровольческих подразделениях, в территориальной обороне. У них есть современные каски, планшеты, очень много активных наушников, а также аптечки, которые хорошо укомплектованы, большая насыщенность очень современным малым противотанковым оружием. У нас в каждом самом маленьком подразделении был тепловизор.

По всей видимости, в начале войны на каждых двух солдат приходился один тактический гаджет. Сейчас этого оборудования достаточно. Если человек хотел и умел им пользоваться, у него был доступ к этим вещам. Что касается ручного оружия, то за время моего пребывания здесь увеличилось количество загонников и коллиматоров для АК-74. В каждой команде есть люди с коллиматорами, и это давало возможность вести более точный огонь. А при штурме деревни такая поддержка а-ля снайпер пригодится.

Связь была зашифрована, и шифры быстро менялись в случае потери оборудования. Работа ведется по электронным картам. В каждом подразделении у каждого командира был планшет, на котором имелись электронные карты с нанесенными на них своими и

вражескими позициями, что позволяло действовать эффективно. С помощью starlink'ов, а у нас их было много - сначала один, потом несколько, - мы могли иметь постоянную связь, когда захотим. С семьей, военными, и мы могли, например, проверять различные вещи на лету.

Starlink зашифрован?

Илон Маск заявил, что не обеспечивал безопасность StarLink, но для того и существуют военные системы, чтобы сообщение проходило в зашифрованном виде. Динамика поля боя также давала нам понять, что даже если какая-то информация шла быстро с плохим шифрованием, она все равно устаревала в мгновение ока.

Повседневная жизнь фронта. Как она выглядит, чем отличается от того, что вы видите в социальных сетях?

Условия, в которых мы жили, были очень хорошими, если не сказать комфортными. По крайней мере, на том участке, где мы находились, потому что мы расположились на окраине деревни, поэтому жили в ее зданиях. У тех, кто жил в более отдаленных местах, условия были гораздо хуже. Их подразделения регулярно меняются, они едут домой к своим семьям. Если они живут ближе, то остаются с родственниками дольше. Кроме того, есть праздники, возможность уладить свои дела.

На самом участке фронта мы просто дежурируем. Мы сидим на наблюдательных и подслушивающих позициях или в траншеях. Мы выполняем задания, которые необходимо сделать в этот день. Затем мы возвращаемся и отдыхаем.

Что это за задания?

В основном вы просто наблюдаете за определенным участком, заданными направлениями, передним планом и занимаетесь тем, что выкапываете траншеи, строите их, улучшаете, возводите укрытия. Построив их, вы обслуживаете технику и сидите в окопах, сменяя друг друга с коллегами. Если вы находитесь на наблюдательных и подслушивающих постах, то у вас есть секторное наблюдение. В напряженные периоды с вами находится больше людей. В более спокойное время часть из вас наблюдает, а другая часть страхует. Кроме того, мы проводили разведку местности, а также разведку точек, где может быть размещено различное оружие, разведку проходов.

Если есть информация о вражеском ударе, мы выдвигаемся к окопам и усиливаем их экипажи. Обычно это происходит вокруг окопов, где мы дежурируем ежедневно. Если атаку готовит наша сторона, мы концентрируемся на определенных участках и затем перемещаемся с них.

Были ли ваши действия скоординированы с линейными войсками?

Всегда есть командир района, который координирует все мероприятия. Было множество добровольческих подразделений, которые до сих пор делятся на более мелкие. Они поддерживают друг друга, ладят между собой, и у нас есть взаимная поддержка,

включая артиллерию. Разные группы координируют действия, вражды нет. Если кто-то просит о поддержке, она оказывается.

Чего вы больше всего боялись на фронте? Судя по тому, что можно наблюдать в интернете, страшнее всего, наверное, артиллерия...

Артиллерийский огонь — это обыденность. Иногда он становится постоянным, а иногда прекращается. Не обязательно, чтобы снаряды попадали в вас, но в радиусе нескольких километров вы всегда слышите взрывы и продолжающийся артиллерийский обстрел. Артиллерия наносит удары по вашим позициям, по тем местам, где вы живёте. Даже находясь в другом месте, вы знаете, что происходит там в этот момент. Конечно, самое страшное — это авиация. Вы слышите взрыв, и только через пять-восемь секунд что-то пролетает над вами. До этого момента вы даже не подозреваете, что это была атака авиации. Однако воздушные налёты редки — по крайней мере, с обеих сторон. Проблема заключается в технологиях. Если вы находитесь на переднем крае, работаете в блиндажах или находитесь в окопах, то такая техника может уничтожить вас с расстояния всего одного-двух километров. Вы едва успеваете услышать звук, а вас уже нет в живых.

Технология, т.е. танки и БМП?

Да, они будут стрелять по вам из пушки, из пушки или из орудия. Однажды ребята копали позиции на холме. Вышел танк, открыл огонь только из ПКТ - ранил, убил и спрятался. С тех пор с той стороны никто не окапывается, боясь этого танка.

Вы также стали свидетелем использования фосфорных боеприпасов. Выглядит красиво...

Очень хороший, красивый фейерверк. Когда я увидела его в первый раз, дым стоял столбом. Сами по себе они не ядовиты, так что вы можете даже не заразиться этим фосфором, но он все равно опасен для вас. Бывало, что регулярно ночь за ночью взрывался этот фосфор, вперемешку с патронами и классическими зарядами.

Помогли ли противогазы?

У нас были маски с фильтрами, их нам выдали. Сначала, во время первых атак, никто не хотел брать эти маски, но потом нам приказали, и командиры проверили, есть ли у нас эти маски, перед выходом на задачу.

Согласно имеющимся свидетельствам, беспилотники также вдохновляют на террор.

Дроны настолько вездесущи, настолько доминируют, что если вы сидите на наблюдательных пунктах или в окопах, вы можете часто их слышать. Их беспилотники летают, и наши летают. Конечно, мы их боялись, но не убегали, а просто старались быть незаметными.

Когда вы слышите гул, то стараетесь не обращать внимания ни на себя, ни на коллег, ни на то, что исполняется. Скорее так. Очень часто спрашивают, наш ли это дрон. Если

приходит информация, что это наш, наступает расслабление. Но на самом деле вы не знаете, точно ли это наш или летают два дрона - наш и их. Была ситуация, когда мы атаковали, а с нашей стороны летели три беспилотника - два артиллерийских и один тактический. Однако, должно быть, беспилотник был и с российской стороны, потому что как только мы двинулись, русские ушли в окопы и в засады.

Являются ли эти вездесущие беспилотники в основном военными моделями или гражданскими из магазина, так сказать?

Мы регулярно получали информацию о том, что над нами пролетает Орлан. Затем на некоторое время над нами замирали несколько БПЛА, но обычно это были коммерческие дроны. Русские также часто использовали беспилотники ночью, а это значит, что они должны были обладать большим количеством тепловизоров.

Мы говорили о российских специальных, диверсионных войсках. А как воспринимают линейные российские войска украинские солдаты или добровольцы? Это противник, который вызывает уважение или скорее презрение, неприязнь? Пропаганда высмеивает их как тупых, но каковы они на самом деле?

У украинцев очень высокий моральный дух, поэтому, говоря о русских, они упоминают их с различными уничижительными словами. Они смеются над русскими солдатами, в том числе над их аптечками и снаряжением. Но я не видел, чтобы они пренебрежительно отзывались о них. Когда летают российские беспилотники, они прячутся. Когда стреляет их артиллерия, они смотрят, куда летят снаряды, и, если нужно, прячутся в укрытиях. Если они идут воевать с русскими, они не действуют по принципу: хаха, они все равно по нам не попадут, они просто ведут себя нормально, тактически в контактной ситуации. Конечно, армия большая, и там, на нашем участке, в составе противника были воздушно-десантные части, и они вели себя не так, как, например, войска из Луганска. Но как бы то ни было, русская армия - это все же армия, формирование, которое эффективно в бою. Все высмеивают русских, но никто не пренебрегает своими обязанностями. Все выполняют задачи осмысленно, тактически. С уважением. Особенно против противника, у которого есть танки, боевые машины, которые регулярно видны, артиллерия, которая стреляет по нам чаще, чем мы по ним, и которая часто имеет большую дальность. Украинцы очень разумны и прагматичны.

Как украинцы представляют себе окончание войны?

Они верят, что Украина победит. Что вновь сформированные подразделения, новая техника, боевой дух и боеспособность позволят им переломить ход войны - в том смысле, что русские пришли врасплох, захватили определенные территории, а теперь они, украинцы, вернут себе эти территории.

Основываясь на своем опыте, как бы вы прокомментировали успех харьковской операции?

Видно, что украинцы отлично использовали полученную разведывательную информацию и очень хорошо провели удары. Похоже, что их потери были относительно небольшими, учитывая, сколько вражеских подразделений они заставили бежать и что они привели к потере их боеспособности.

Если реально сравнить силы в Харьковской области, то они были схожи, а украинцы все равно вытеснили русских и потеряли меньше людей и техники. Это очень большой успех. В то же время очевидно, что они не стали переходить реку Оскol перед укреплением вновь занятых территорий. Значит, они подошли к этому разумно, не рискуя и стараясь не понести больших потерь. Это также свидетельствует о прагматичном подходе к войне, что сулит им только хорошее.

Спасибо за интервью.

Артур из 110-й механизированной бригады (из архива интервьюера)

4. "Мы защищали Авдеевку до конца".

- Интервью с Артуром из 110-й отдельной механизированной бригады.
Интервью взял Михал Брушевский

Все, что у них было, они бросили в нас. Артиллерийский огонь. Авионика, или авиация, атаковала город бомбами. И беспилотниками. Их было очень много. После бомбардировок пехота шла на штурм. Мы их останавливали, потом русские делали паузу, и все начиналось сначала. Они оставляли своих раненых на поле боя. Повсюду валялись тела погибших русских. Им было все равно, и пошла вторая волна атаки, потом третья. Они превратили город в руины", - рассказывает в интервью Артур, ветеран битвы за Авдеевку.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В ФЕВРАЛЕ 2024 ГОДА.

Михал Брушевский (Битва за Авдеевку - исторический очерк): Я брал интервью у Артура вскоре после падения Авдеевки. Этот украинский город-крепость стал символом 2024 года, поскольку 17 февраля русские ворвались в него и захватили. Последствия Авдеевской операции под руководством России ощущаются на линии фронта и сегодня, поскольку наступление на Покровск стало ее продолжением. Один из русских воинов, специалист по связи, учитель для многих и просто хороший человек **"Мурз" (17 августа 1979 — 21 февраля 2024, быть воином – жить вечно)** опубликовал данные о потерях россиян в боях за Авдеевку. Сообщается, что они потеряли 16 000 солдат и более 300 единиц техники. Речь, разумеется, идет о потерях в наступательной операции 2024 г. Говорят, что вскоре после публикации этих данных в Telegram Мурз покончил с собой, хотя в эту версию никто не верит. Скорее всего, его посетили люди из Федеральной службы безопасности России. Русские без оглядки захватили Авдеевку. Хотя война в Украине ассоциируется у поляков с такими городами, как Мариуполь, Харьков и Киев, именно Авдеевка стала одним из важнейших театров военных действий. Это связано с тем, что бои за Авдеевку стали самой продолжительной битвой войны 2014-2024 годов, а возможно, и самой продолжительной битвой в истории войн вообще. Я сам военный историк и искал в анналах истории битву такой же продолжительности. Сепаратисты вошли в Авдеевку в июле 2014 года на волне русского восстания на востоке Украины, пытаясь захватить ее так же, как Донецк, Луганск (и пытаясь захватить Славянск и Мариуполь). Они были оттеснены. Когда Донецк оказался в руках русских воинов-освободителей, а Авдеевка — в руках украинцев, между городами естественным образом начала формироваться новая линия фронта. Это не значит, что бои за Авдеевку закончились и не возобновлялись до февраля 2024 года. Атаки на этот город регулярно происходили с 2015 по 2024 год, просто их интенсивность менялась. Напомним, что недалеко от Авдеевки находится Донецкий аэропорт, за который шли тяжелые бои. В первом бою за донецкий аэропорт украинские солдаты одержали победу, и к 28 сентября

2014 года это был последний участок города под их контролем. Во второй битве за аэропорт — между 28 сентября 2014 и 21 января 2015 гг. — продолжались ожесточенные бои, сдерживающие натиск сепаратистов. В конце концов «пидоргам» (так называли украинских защитников аэропорта) был отдан приказ оставить свои позиции. Аэропорт перешел под контроль сепаратистов. Мало кто знает, что из Авдеевки вдоль аэродрома вела главная трасса, так называемая «дорога жизни». Итак, если рассматривать битву за Авдеевку по методике военных историков, то сражение под городом длилось непрерывно, в течение десятилетия. Битва длилась десять лет. В непосредственных боях за Авдеевку мы различаем разные этапы.

В период с июля 2014 года по январь 2015 года сепаратистские войска активно пытались захватить город и его окрестности. Их успех был частичным: Авдеевка не попала под их контроль, но они взяли под свой контроль близлежащий аэропорт. Сепаратисты все же вошли в Авдеевку, но были отброшены назад, оставив много оружия. Они отступили под город. В 2015-2016 годах продолжалось укрепление позиций обеих сторон, сопровождающееся перестрелками и нерешительными попытками сепаратистов продвинуться дальше на запад. Это привело к тому, что так называемая Индустриальная зона, промышленный район города, была объявлена "буферной зоной". Таким образом, формально фронт войны пересек город. Окрестности Авдеевки стали линией фронта между так называемой Донецкой народной республикой и украинской антитеррористической операцией (известной под кодовым названием АТО, а позднее как зона проведения операции объединенных сил – ООС). С марта 2016 года украинские солдаты смогли занять более удобные позиции и укрепиться в упомянутой "буферной зоне". Артиллерийские снаряды, минометные мины и реактивные снаряды "Град", выпущенные сепаратистами, с различной интенсивностью обрушиваются на город и его окрестности.

Следующим этапом боевых действий стало наступление сепаратистов, известное в англоязычной литературе как Авдеевская битва 2017 года (The Battle of Avdiivka of 2017). В январе 2017 года бои приняли особенно ожесточенный характер. Несмотря на достигнутые «минские соглашения», известные как Минск-2 (второй раунд переговоров), сепаратисты подвели к городу тяжелое вооружение, что было запрещено этими соглашениями. Авдеевка имела стратегическое значение на этом театре военных действий, поскольку через нее украинцы контролировали шоссе, проходящее вдоль линии фронта с севера на юг. Это шоссе получило название «дорога жизни», и именно поэтому сепаратисты начали свое наступление.

29 января 2017 года миссия ОБСЕ зафиксировала усиление артиллерийских обстрелов со стороны сепаратистов. Жители Авдеевки остались без газа и водопровода, а суровая зима усугубила гуманитарную катастрофу. ЮНИСЕФ выразил обеспокоенность тем, что битва может привести к трагическим последствиям для мирного населения. По оценкам, на город упало около 100 реактивных снарядов «Град». Местная больница была эвакуирована. 1 февраля 2017 года сепаратистские войска предприняли две атаки на Авдеевку, используя танки и артиллерию калибров 122 мм, 152 мм и БМ-21 «Град». Эти атаки продолжались в течение шести дней. Потери сепаратистов составили 30 человек убитыми и ранеными, а украинцев — 14 солдат убитыми и около 70 ранеными. Среди

убитых сепаратистов, по слухам, был командир батальона «Восток». Следует отметить, что в ежедневных отчетах Киева указывалось, что сепаратисты открывали огонь около 25 раз в день. Когда я обращался к отчетам того времени, эта цифра — более 20 нарушений режима прекращения огня в день — до сих пор стоит у меня перед глазами. Как один из немногих польских журналистов (возможно, один из немногих в Европе), я освещал ситуацию в Авдеевке.

Я, как репортер, хорошо знаком с этим городом, так как посетил его в 2018 году. Уже тогда, задолго до полномасштабного российского вторжения, он стал главным украинским бастионом на Донбассе. Для украинских солдат Авдеевка была тем же, чем Донецк был для сепаратистов и Москвы — важным стратегическим пунктом. Солдаты были хорошо укреплены в этом городе. До 2014 года в Авдеевке проживало около 40 000 человек. Этот город находится в 6 километрах к северу от Донецка. Местный коксохимический комбинат и промышленная зона "Зона" обеспечивали работой многих жителей. Хотя официальные данные 2021 года, которые я нашел в интернете, утверждают, что до российского вторжения здесь проживало более 30 000 человек, я им не верю. В 2018 году, когда я работал в Авдеевке, жители отмечали, что с 2014 года туда вернулось только половина населения. Характерными для Авдеевки были многоэтажные дома, на которых граффитист нарисовал лицо учительницы украинского языка. Один из таких домов был наполовину пуст из-за артиллерийских обстрелов сепаратистов. В черных от снарядов окнах царила пустота, в то время как в соседней квартире ещё жили люди. Еще хуже пришлось жителям окрестных сел и городов. Вместе с гуманитарным конвоем Христианской службы спасения (ХСС) я ехал из Авдеевки в Писек, село, которое было линией фронта на юге. Я ехал по "дороге жизни" вдоль оккупированного сепаратистами аэродрома. Разрушенный остов башни управления воздушным движением все ещё возвышался над горизонтом. Меня предупредили, что на этой вышке сепаратисты разместили пусковую установку управляемых ракет. Когда мы проезжали мимо, на обочине лежали обгоревшие обломки автомобиля, на котором ехала предыдущая колонна ХСС. В машину попала ракета. Чудесным образом никто не погиб, так как все вышли из машины, чтобы помочь солдатам, чей грузовик сломался. Когда они быстро выскочили из машины и побежали к солдатам, в их машину попала ракета. В прифронтовых городах люди постоянно оставались без газа, воды и электричества. Некоторые деревни полностью перешли на систему самодельных убежищ в подвалах, где они жили годами. То, что произошло с Авдеевкой и окрестностями до 2022 года, в макромасштабе затронуло всю Украину в ходе полномасштабного российского вторжения.

В условиях военных действий жители Авдеевки оказались в наибольшей опасности 24 февраля 2022 года. В этот день они столкнулись с непосредственной угрозой вторжения. Следующий этап боев за Авдеевку начался накануне вторжения. Пока весь мир с тревогой ожидал, будут ли угрозы Путина блефом, Авдеевка подверглась российскому обстрелу. 21 февраля 2022 года и два дня спустя город был атакован ракетами. Парадоксально, но факт того, что Авдеевка находилась на линии фронта, была хорошо укреплена, а ее защитники имели боевой опыт, фактически защитил город от российской наступательной операции. Как заявил бывший глава квази-министерства обороны ДНР Игорь Гиркин, ныне

находящийся в российской тюрьме, сепаратистские войска были "направлены в Авдеевку под огнем тяжелой украинской артиллерии". Захватить этот театр военных действий было трудно, поэтому русские использовали тактику броска на прорыв теряющих силы войск, набранных из донецких ополченцев. В это время Авдеевка постоянно подвергалась обстрелам снарядами и бомбами. В период с февраля по май 2022 года Россия сосредоточила свои усилия на захвате города. 26 марта городские власти сообщили, что Авдеевка подверглась обстрелу с использованием белого фосфора, что привело к многочисленным пожарам. Среди прочего, сгорела школа, которую мне показывали в 2018 году, когда она только что была отстроена после атак сепаратистов. Кстати, тогда школа была частично восстановлена с помощью Польши. Авдеевка подвергалась интенсивным авиационным обстрелам, на город неоднократно сбрасывали белый фосфор и даже термобарические ракеты. Город также обстреливали из ракетных установок "Торнадо". Уже на этом этапе Авдеевка стала преимущественно военным гарнизоном, так как было приказано эвакуировать гражданское население. Около 6000 мирных жителей остались в городе, укрывшись в убежищах и подвалах. Постепенно, с возрастающей угрозой наземного удара, гражданские лица были эвакуированы.

Следующим этапом боевых действий стало так называемое наступление сепаратистов, которое продолжалось с июня 2022 по март 2023 года. Как уже упоминалось ранее, Россия ввела в бой «донецкие войска». В августе 2022 года Россия и военное руководство так называемой Донецкой Народной Республики объявили о захвате обломков Писка, о которых я уже упоминал ранее. Ополченцы ДНР при поддержке Вооруженных сил РФ взяли под контроль ряд населенных пунктов к северу и югу от Авдеевки. Это стало сигналом того, что Россия начала успешно противостоять функциональной системе украинских укреплений, которой она так опасалась. В марте 2023 года эксперты начали предупреждать, что Авдеевка может превратиться во второй Бахмут. На тот момент в городе оставалось менее 2 000 жителей.

В октябре 2023 года гарнизон в Авдеевке сообщил о начале ожесточенных боев за город. Началась финальная стадия сражения. Русские предприняли попытку взять город штурмом, но она провалилась. Поэтому операция в Авдеевке превратилась в удары с флангов и попытки окружения. К сожалению, последний натиск начал успешно окружать город. Южная ось наступления достигла окраин Первомайска (не путать с городом под Николаевом). Пали Писки, Опытное и Водяное — символы боев времен АТО и ООС — были в зоне боевых действий. С севера россияне наносили удары по Нечеретне. Угроза окружения стала реальной. Российские спецназовцы также пытались проводить диверсии. Одна из них, так называемая подземная десантная операция, оказалась успешной. Они перебросили часть своих сил через городские трубы, выйдя в тыл украинским позициям в городе. Падение Авдеевки стало вопросом времени. Россияне бросили в Авдеевскую операцию объединенные силы, включая 30-ю мотострелковую бригаду 2-й общевойсковой армии, 35-ю, 55-ю и 74-ю мотострелковые бригады, 90-ю бронетанковую дивизию, 1-й армейский корпус (силы бывшей так называемой Донецкой народной республики) и другие подразделения. В атаках также участвовали так называемый штурмовой отряд Z

(состоящий из уголовников, или «зеков»), а также подразделения 55-й горно-стрелковой бригады. За Авдеевскую операцию отвечал генерал-лейтенант Андрей Мордвичев, которому подчинялась Центральная армейская группа — армейская группировка в Донбассе. Город и его окрестности в основном обороняла 110-я отдельная механизированная бригада имени Марка Безручки, известная как «Авдеевская» из-за того, что с 2022 года она составляла ядро гарнизона города. Ее поддерживала 47-я механизированная бригада (на вооружении которой были, в частности, M2A2 Bradley и M1A1 Abrams) и, в качестве арьергарда на заключительном этапе боев, 3-я штурмовая бригада «Азов». Финальная битва за Авдеевку продолжалась более четырех месяцев. По оценкам, российские потери составили около 16-17 тысяч человек убитыми, 30 тысяч ранеными и более 300 единиц уничтоженной или поврежденной техники. Потери украинских вооруженных сил неизвестны. Русские захватили руины Авдеевки 17 февраля 2024 года. Поспешная эвакуация украинских войск в последние недели сражения привела к нехватке транспортных средств, и часть солдат отступила на запад пешком. После этого начались бои за отступление. Судьба тяжелораненых украинцев, оставшихся в городе, неизвестна. Формально они числятся пропавшими без вести, но все указывает на то, что они были убиты русскими. После десяти лет сопротивления Авдеевка пала. В июле 2024 года я был с медиками из 3-й штурмовой бригады «Азова». Я спросил их, где было хуже всего. Они все ответили, что в Авдеевке.

Михал Брушевский: Где вы служили?

Артур, ветеран боев за Авдеевку: Я унтер-офицер - младший сержант - в 110-й отдельной механизированной бригаде.

Именно это формирование отличилось при обороне Авдеевки. Когда вы оказались в этом городе?

Я оказался там уже в феврале 2023 года. Меня перевели на некоторое время в другую часть Украины, но я попросил, чтобы меня перевели обратно, к моим коллегам, в Авдеевку, чтобы вернуться к моим людям, к моим братьям.

Как вы служили в Авдеевке в 2023 году?

Это был прифронтовой город, но до определенного момента он функционировал вполне нормально - для войны. Магазины работали, был даже общественный транспорт. Мы удерживали свои позиции. Ад начался позже.

Давайте восстановим заключительную фазу боев за Авдеевку. Когда вы почувствовали, что русские готовятся к масштабному наступлению на город?

Летом русские начали проводить пробные атаки. Мы уже чувствовали, что все начинается. В октябре начались беспорядочные обстрелы, которые не только не прекращались, но и становились все больше и больше. До самого конца обстрелы были очень интенсивными. Русские танки шли в атаку. Было известно, что они что-то готовят.

Что использовали русские против Авдеевки?

Все. Все, что у них было, они бросили в нас. Артиллерийский огонь. Авионика, или авиация, атаковала город бомбами. И беспилотниками. Их было очень много. После бомбардировок пехота шла на штурм. Мы их останавливали, потом русские делали паузу, и все начиналось сначала. Они оставляли своих раненых на поле боя. Повсюду валялись тела убитых русских. Им было все равно, и пошла вторая волна атаки, потом третья и так далее. Они превратили город в руины. Они превратили его в руины.

Что за солдаты были брошены российскими оккупационными войсками на Авдеевку?

В бою они вели себя как профессиональные военные. Они не были безоружными солдатами без формы. Враг учится на этой войне. Помните ситуацию с трубами?

Да, я читал об этом. Трудно представить, что они бросят мобиков (мобилизованных резервистов) на такое задание.

Говорят, что они "прошли" по городским трубам, но это не совсем так, они проползли по ним. Русские бросали в такие акции спецназ. Они использовали именно такие силы. Авдеевку атаковали солдаты, которые выглядели как профессиональные военные, а не любители. Но с другой стороны, они ведут себя как животные. Они ничего не признают. Они жестоко захватывают украинскую землю, они грабят, они не заботятся о своих раненых. Они одичали. Все понимают, что мы должны их остановить. Что касается этой акции с трубами, которую проводили русские, то мы тоже активно оборонялись. Мы проводили рейды по позициям противника. Русские занимали позиции в 300, 500 метрах от нас. Бой шел глаза в глаза.

В последние дни обороны Авдеевки 3-я штурмовая бригада "Азов" была брошена в бой в качестве арьергарда. Как вы это оценили?

Это произошло уже на таком этапе боевых действий, что не могло переломить ход сражения. Нам помогали "Брэдли" из 47-й механизированной бригады. Мы видели, как они работали, подъезжали и обстреливали русских. Мы знали, что один из "Брэдли" подбил русский Т-80, и это поднимало наш боевой дух.

Какими были последние минуты обороны города?

Мы покинули город по приказу. За несколько дней до того, как русские захватили Авдеевку, мы начали отходить. Мы еще пытались совершать ночные вылазки в здания Авдеевки, но войти в сам город было уже невозможно. Я очень горжусь своими бойцами. Они были очень храбрыми. Ни один из них не убежал. Это люди большой воли и большого героизма. Они все сражались до конца. Мы сражались до конца.

В общем, самый сложный момент на войне - это отступление. Как это выглядело в Авдеевке?

Мы задержали русских. Мы устраивали им ловушки. Мы уничтожили русскую БМП с помощью ПТРК. Некоторым солдатам пришлось отступать через поля, это было очень опасно, но мы справились. Нам удалось уничтожить три русских танка, но за ними последовали другие. Мы использовали магнитные мины. Они попадали в засады.

В СМИ всего мира, в том числе и в украинских, сообщалось, что в Авдеевке у боевиков возникла проблема с боеприпасами.

Вначале у них еще были боеприпасы из западных поставок, но они быстро закончились. Приходилось экономить патроны. А русские били по городу всем, чем могли.

Вы были ранены под Авдеевкой, как вы себя чувствуете?

Мои коллеги были тяжело ранены, многие из них погибли. Я называю это травмами, а не ранениями. Дважды русские били очень близко от меня. Во время последней атаки они беспилотником поразили машину, в которой мы ехали. Я оказался в больнице.

Пока мы говорим, в Украине снова обсуждают демобилизацию и резервистов. Со слов нового министра обороны Украины Рустема Умерова вернулась тема украинских граждан, уехавших на Запад. Что они должны вернуться, чтобы воевать. Как на это смотрит ветеран? Что делать с теми ребятами, которые уехали и не воюют?

С одной стороны, они были бы полезны для нас. Чтобы ротировать нас на фронте. С другой стороны, я не осуждаю их решение. Для войны нужны не столько крепкие физические кондиции, сколько крепкая психика.

Вы поляк из Украины?

У меня польские корни от дедушки и бабушки. Я этнический поляк. До путинского вторжения я жил и работал в Польше. Я вернулся, чтобы сражаться за свою страну, защищать свой дом и семью.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

"Липтон" после парашютного десантирования, все еще в форме Войска Польского

5. "Гостомель помню только я".

- Беседа с Михалом "Липтоном" Липским, командиром роты украинского штурмового спецназа. Интервью взял Мацей Шоп

По понятным причинам первым был выбран Гостомель. Как только в Киеве все успокоилось, нас переключили на контрнаступление, больше на житомирскую сторону, западнее Киева. Там мы отскакивали от житомирского маршрута и шли, скажем так, в сторону Чернобыля. После того как мы захватили два или три села за житомирским маршрутом, нас оттянули назад. Кто-то там продолжал наступать на Чернобыль, а мы перегруппировались и получили новую задачу: захватить Гостомель.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В ФЕВРАЛЕ 2024 ГОДА.

Мацей Шоп (Исторический очерк о батальоне ОПФОР)

Я познакомился с Михалом Липским, известным как «Липтон», случайно, через общих знакомых. Когда я пытался взять у него интервью, я и не подозревал, какой интересный собеседник меня ожидает. Оказалось, что «Липтон» все еще находится в Украине, на передовой, а именно на Донбассе под Бахмутом. Мы разговаривали по телефону дважды утром в течение двух дней подряд. В первый раз «Липтону» пришлось съездить на передовую, в окопы, так как он и его бойцы отправились забирать оттуда свои вещи. К счастью, за это время с ним не произошло ничего плохого, что было совсем не очевидно, учитывая огромную угрозу со стороны русских беспилотников. Это было в феврале 2024 года, в то время, когда американцы не могли принять дальнейшие пакеты помощи для Украины. Вскоре после падения крепости Авдеевка от украинского контрнаступления 2023 года остались лишь горькие воспоминания. Мрачное время. И разговор с Липтоном был похож на это. В отличие от других опрошенных мною поляков, которые активно сражались с врагом, Липтон не скрывает своей личности. До войны он был офицером польских воздушно-десантных войск. С украинцами он был знаком по совместным учениям в формате НАТО-Украина. Он появился под Киевом в первые дни после начала войны и вступил в спецбатальон ОПФОР — штурмовой спецназ, который является элитным механизированным пехотным подразделением. Он действительно служил там командиром роты. Два года Липтон воевал под Киевом. В Гостомеле он был свидетелем первых сцен той войны. Позже он со своим подразделением воевал в Харьковской области и на Донбассе. Во время обороны Бахмута и после падения этого города он стал свидетелем тяжелых, зачастую бессмысленных потерь, которые понесла украинская армия. Рассказ Липтона — это полная дебрифинг-версия этой войны. Это рассказ о повседневной жизни, смерти и растроченном потенциале солдат. Это также наблюдения участника боевых

действий, который является профессиональным военным и служил не рядовым, а командиром роты. Поэтому он смог увидеть и понять гораздо больше, чем обычный доброволец. Это также голос разума, призыв к Польше извлечь правильные уроки из происходящего в Украине и подготовить нашу страну к самозащите.

Мацей Шопа: При каких обстоятельствах вы оказались в Украине и почему решили туда поехать?

Михал Липски: Я всю жизнь служил в армии. Началась война. Где место солдата? Да "по инструкции". - На войне. Во мне всегда жило желание испытать себя, все то, на что были потрачены лучшие годы моей жизни. Однако это лишь одна из причин.

Второй аспект более глобальный. Он связан с пониманием геополитической ситуации. Если говорить просто, то мы находимся на следующем этапе развития событий. После того как закончат с Украиной, придут к нам. Возможно, не сразу, а через Прибалтику. И мы будем слишком наивны, если первыми поспешим на помощь. Мы не знаем, как поведет себя НАТО — это покажет только будущее. Поэтому лучше сражаться здесь, пусть и чужими руками, чем дома своими.

Такова же мотивация многих других людей, с которыми я разговаривал. А в каком формировании польской армии вы служили?

В Польше я ранее служил в 6-м воздушно-десантном батальоне в Гливице, был там командиром роты.

Как вы попали в Украину и в какое подразделение?

Мне было немного легче, чем другим. Еще в 2021 году от подразделения мы отправились в учебную командировку на Яворовский полигон в Украине. И там я работал с этими людьми, налаживал контакты. Когда началась война, они собирались ехать в Киев. И поскольку я знал их командиров рот, штаб батальона, командира батальона - я договорился, что поеду с ними.

Значит, это было линейное подразделение, а не какой-то добровольческий батальон?

Это особый, специального назначения батальон [214 отдельный спецбатальон ОПФОР, подразделение, сформированное в 2016 году из участников АТО - прим. ред].

Украинская армия похожа на российскую тем, что эти подразделения специального назначения - спецназ - имеют разную специализацию. О каком подразделении специального назначения идет речь в данном случае?

Да. Наше подразделение - штурмовое, а штурмовые подразделения здесь - это тяжелые подразделения. Есть и такие, как типичные коммандос, оснащенные легкой техникой. Но большинство штурмовых подразделений - это механизированная пехота, тяжелая пехота.

Почему вы не решили поступать в международные батальоны?

Они начали формировать этот легион, но я не очень хотел оказаться в нем.

Почему?

В армии мы уже долгое время работаем с американцами, с британцами. И это не те ребята, с которыми можно вступить в полномасштабную войну. С ними можно отправиться на "сафари" в Афганистан или Ирак. Там у вас есть все, а у противника - ничего. Это люди, которые действуют строго по правилам. Без всякой гибкости. Это не моя сказка. Я всегда предпочитал придумывать что-то сам, импровизировать. Устав тебе в помощь, но это не значит, что ты должен делать все по шаблону. Когда ты так поступаешь, значит, противник к этому готов. Англосаксы так не умеют, и их армии это убивает.

Кроме того, где-то в самом начале, до того как я отправился в Киев, 24 или 25 февраля, я встретил американцев и еще нескольких иностранных добровольцев. Я показал им, что они ничего не могут сделать. Там был парень "три года в морской пехоте". Он хотел чему-то научить, пойти воевать. Мы стояли в двух-трехэтажном жилом доме и разговаривали. Я его спросил: "А как бы ты вошел через эту дверь?". Как только он показал, я сказал ему: "Парень, ты не выживешь. Ты ничего не сможешь сделать". Идти с такими людьми, невеждами, которые думают, что они могут... слабая идея.

Значит, англосаксы привыкли, что у них хорошая логистика, поддержка и все по правилам?

Да. В Афганистане было так, что туда отправлялась рота при поддержке артиллерийской батареи, авиации, вертолетов и медицинской эвакуации. Вертолеты появлялись через пять минут после ранения. Здесь, может быть, все наоборот - у противника есть артиллерия, у нас не всегда и т.д.

Значит ли это, что у вас, в польской армии, были привычки, более похожие на украинские, что такой комфортной ситуации не существует?

При прыжках с парашютом ваш дом находится у вас на спине. Первое: вы ограничены объемом рюкзака. Второе: его вес. Когда вы отправляетесь даже на тренировочную площадку, вы принимаете решение о том, что вы берете, а что нет. Например, вы можете взять каримат и спальный мешок, но при этом у вас останется 20 процентов объема рюкзака. Нельзя брать все. Если вы возьмете все, то у вас получится 50-килограммовый рюкзак. А это вам не нужно. Здесь мы всегда работали на компромиссе, поэтому мы привыкли к таким худшим условиям.

Значит, речь идет скорее о воздушно-десантных войсках?

Да. Отличным примером была поездка на штурм под Харьков. На два дня. Мы должны были захватить деревню, закрепиться там и на следующий день передать позицию тому, кто шел за нами. Мы взяли одну деревню, они сменили нас и "перебросили" в следующую.

И так в течение 12 дней. Дошло до того, что где-то на девятый, десятый день мы остановили свой собственный танк (украинский) и набрали из него воды, потому что пить было нечего.

Вы сливали воду с резервуара? Что вы имеете в виду?

На танках вода служит еще одним слоем брони, иногда она тушит небольшие пожары при попадании. Кумулятивная пуля или шрапнель пробивают эти бутылки, и даже если что-то загорается, вода немного гасит огонь. Мы срывали ее с танка, когда он проезжал мимо нас, потому что пить было нечего.

Мы знали, что если нас отправят на два дня, то мы будем отсутствовать неделю, и готовились к этому. Но даже эта неделя прошла, а мы шли вперед, вперед, вперед. Не было ни воды, ни других средств ее получения. Ни колодцев, ни водотоков. Местные жители говорили, что для того, чтобы выкопать колодец глубиной 60 метров, средств не было ни у кого. А мы освобождали территорию, которая была оккупирована уже три месяца, поэтому вода, которую они набирали в бочки, была зеленой. Она была непригодна для питья.

И не было ли у вас фильтров (например, соломенных)?

В основном мы пользовались водой из бутылок. В начале войны было много проблем с поставками техники. К сегодняшнему дню мы накопили гораздо больше оборудования, чем было тогда. Вначале были проблемы с тепловизорами, не хватало приборов ночного видения. Были и другие проблемы. Со временем нам удалось их решить. У кого-то появились контакты и т.д. И так постепенно, через год, мы вышли на какой-то приемлемый уровень. Мы заканчивали оснащение к концу 2022 года.

И это несмотря на то, что вы были подразделением специального назначения?

Эта война показала некоторые недостатки в рассуждениях. Потому что у вас есть технология полного цикла - у вас есть БМП, несколько БТР. Но они не решают всех проблем. Да и на грузовике не везде проедешь. И вот началась "мода" на пикапы - маленькие, тихие, более гибкие. Можно что-то отвезти, что-то привезти, перевезти людей, и это не такая важная цель для врага, как военная техника.

Сливается с гражданским фоном?

Но дело не в этом. Пикап работает тихо. С какого расстояния вы услышите машину? 200-300 м. С технологиями речь идет о километрах. Так что вы можете относительно незаметно подъехать.

Куда вы попали после приезда на Украину и переговоров с американцами?

Сразу в подразделение в Яворове, о чем я и договорился.

Это подразделение, которое ранее проводило учения с НАТО?

Да.

И они сразу же бросили вас на фронт? На какой фронт?

По очереди на всех. Киев был первым, потому что нужно защищать столицу. Гостомель там, потом Петrivки, это северо-западный район Киева.

Какова была ваша роль там?

По понятным причинам первым был выбран Гостомель. Как только в Киеве все успокоилось, нас переключили на контрнаступление, больше на житомирскую сторону, западнее Киева. Там мы отскакивали от житомирского маршрута и шли, скажем так, в сторону Чернобыля. После того как мы захватили два или три села за житомирским маршрутом, нас оттянули назад. Кто-то там продолжал наступать на Чернобыль, а мы перегруппировались и получили новую задачу: захватить Гостомель.

Снова в то же место?

Местность была нам уже знакома, поэтому было разумно отправить нас туда снова.

Этот ваш первый контакт с "Гостомелем" состоялся уже в первые дни войны? Вы сражались вместе с ныне известным авангардом ВДВ?

Да.

Это ключевое сражение в этой войне.

Решающий, не решающий. Просто так получилось. Черный дрозд врезался в камень, и с тех пор русские были опустошены. Они шли на парад, а тут кто-то стреляет вслед.

Из того, что известно сегодня, там высадилась элита ВДВ. Сначала они пробились к территориальной обороне, а затем пришли украинские спецподразделения и начали их вытеснять.

Нет.

Это был ты?

Да.

Что мы можем сказать об этом столкновении? Действительно ли этот авангард ВДВ был настолько элитным?

Знаете, они были такой же элитой, как, допустим, и мы в Польше. Для мирного времени. Необстрелянные, без опыта. Они не совсем понимали, куда идут, вели себя как на учебном полигоне. И вдруг: вот они стреляют, вот гранатомет РПГ.....

И у нас, и у них никто не имел боевого опыта. Только у нас были хотя бы эти окопы и обитаемые здания. А они едут по главной улице на этих БМД. Едут как на параде, как на полигоне. И тут для них начинается настоящий ад, тела начинают падать с этих транспортеров. Даже тогда они не понимали, куда едут и что должны делать. Что это

настоящая война. Тогда они еще не понимали этого, было еще рано. Теперь все совсем по-другому...

Что случилось после "Гостомеля"?

Мы захватили Гостомель, провели две недели в Киеве и были переведены в Харьков. Там та же процедура: сначала акклиматизация, разведка, а потом вперед. К востоку от Харькова - села Циркуны, Русские Тышки, Черкасские Тышки, еще дальше на восток, Старые Салты, и так до самой российской границы. Это было в мае...

Позже кто-то решил, что в целом мы воевали на энтузиазме, но все время на расслабоне. Так нас и забросили в Киев в феврале. И нас вернули туда на доработку.

Значит, первые несколько месяцев вы боролись с частичными рамками?

Да. После того как нас доукомплектовали, нас бросили дальше. В Яворово мы были двухротным батальоном, а в июне нас уже единым организмом отправили на Донбасс. Мы оказались на западе Донецкой области, в Бахмуте. В то время это было еще 100 км от линии фронта - еще не было так модно.

Участвовали ли вы в Харьковской операции?

Где-то после месяца боев в районе Бахмута нас перебросили на север, немного подтянули, и мы отправились в Балаклею. Из Балаклеи буквально за неделю доехали до Козачьей Лопани, севернее Харькова, до границы. Там мы стояли в обороне, в общем, ничего интересного. Потом опять вернулись в Бахмут, на завод шампанских вин, а потом нас бросили в штурм Ямполья под Лайманом. Затем снова вокруг Бахмута и Соледача в конце 2022 года. С 93-й бригадой... Потом нас перебросили в Клищевку, где мы простояли полтора месяца. За это время "великолепная" 47-я бригада потеряла Соледар. В Клищевке нас сменили "Азовы" из "3-й нештурмовой", ТикТок армии....

Армия ТикТока? Не только кадыровцы так называются?

Они заняли у нас позицию, наши носители их вели, показывали, наша пехота выходила... Но когда мы ушли, нас догнали машины "Азова". Они за один день сдали село, которое мы удерживали полтора месяца. Они смеются над чеченцами, но чеченцы ничем не лучше. С ними есть все, потому что у них есть свой бренд. Реклама - это рычаг торговли. Они все знают, как все делать, но не делают работу. Они бежали из Ключевки, а нас вернуло командование. Но было уже поздно. Мы потеряли всего три-четыре человека убитыми и до десяти ранеными. В траншею мы не полезли, а пришлось вести разведку боем.

Вы также защищали Бахмута?

Да, и все же до конца Бахмут мы были... по крайней мере, в нашем собственном понимании... элитарными. Теперь я не вижу этой элитарности - она закончилась.

Из-за потерь?

Да, из-за потерь. И вроде как... некомпетентности высшего командования. Во многих местах нас использовали не по назначению. Пригожин 20 или 21 мая объявил, что они взяли Бахмут, и через день мы оттуда уходили. Там, где стоял памятник самолету, была наша последняя позиция. Бахмут показал несгибаемость высшего командования, которое требовало обороны любой ценой.

Говорят, что элитные войска использовались там наравне с обычной пехотой....

Защищать его было не так уж и плохо. Дождь не капает на голову, потому что ты сидишь под бетоном. Но хуже всего то, что большинство этих девятиэтажных домов они подготовили к подрыву. В каждый блок они заложили по 100-150 противотанковых мин. Знаете, сколько кварталов они взорвали? Один. Просто чтобы проверить, хватит ли такого количества мин.

А затем они вернули все остальные блоки в целости и сохранности. Почему? Потому что мы должны были обороняться до последнего. Плановый отход из квартала был невозможен. Ночью подъехали бы машины, забрали бы 50-70 процентов личного состава. Саперы проверяли, работают ли кабели. Если бы они работали, то машины забрали бы остальных людей, и бац! А мы бы уже ждали на следующих позициях.

Но нет: мы должны были сражаться до последнего. В идеале надо было еще взорвать себя вместе со зданиями. То, что было подготовлено для планового отступления, не было использовано вообще. Там наша элитарность угасла, а потом ее добила 17-я бронетанковая бригада, к которой нас потом приписали. Четыре месяца без ротации мы удерживали последний холм напротив Бахмута перед деревней Ивановское.

Иными словами, еще одна битва на истощение.

Этот холм был высотой в четыре или пять этажей. И над нами возвышались эти ничем не подкрепленные девятиэтажные дома. В течение четырех месяцев у нас была проблема со снайперами. Холм также легко обстреливался из танков и артиллерии. А 17-я бригада, как мы смеялись, была "безбашенной". Потому что у них есть танки, только никто из нас их не видел, и они использовали нас как простую пехоту для удержания участка.

В течение этих четырех месяцев нас доукомплектовывали, и новых бойцов после двух-трех дней обучения сразу же бросали на позиции. У нас было много раненых, убитых. Состав роты менялся два-три раза. О какой элитарности можно еще говорить? Из стариков, которые еще помнят Ключевку, в роте сегодня осталось... трое. И - допустим - я четвертый плюс один офицер. В общем, нас осталось пятеро.

Но "Гостомель", первую битву, многие ли помнят?

А Балаклею помнят двое из нас... Отмучились мы эти четыре месяца с 17-й "безбашенной", и нас перевели ближе к Богдановке. В 42-ю бригаду. Там повторилось то же самое, но хотя бы позиции чуть получше. Мы не так часто попадаем под снайперский огонь.

Так вы также работаете на позициях подразделения?

Теперь нет, потому что нас почти не осталось. В данный момент у меня 19 человек в госпитале, штатка говорит сама за себя, и 17 случаев самовольного оставления части, при этом у меня 60 пехотинцев в роте.

Но не слишком ли это рискованно?

Сейчас я уже не работаю, как раньше. Я больше работаю как инструктор. Эта война теперь другая... Как было раньше, с кем и за что, теперь это скорее удача, чем умение.

Артиллерия, беспилотники...

Артиллерия была всегда, проблема в основном с FPV дронами. Помню, в августе 2023 года мы сидели напротив Бахмута со снайпером в 600 метрах от города. Пролетел дрон, одного из наших немного зацепило. У него были повреждены руки осколками, но он мог ходить. Мы сказали: давай, ты сможешь. Ему нужно было пройти 600 метров леса. В Украине она называется посадкой и проходит вдоль поля. Парень идет, его догоняет второй дрон - он забегает в посадку. Дрон врезается в дерево - хорошо. Он продолжает идти, и тут появляется еще один дрон. Он снова натывается на посадку, дрон врезается в дерево - ок. А после посадки нужно было еще пройти 1,5 км по полю. Там ему уже негде было спрятаться. Его убил четвертый дрон. Четыре дрона на одного парня... Даже не знаю, как это назвать.

У него не было ни единого шанса, а когда у них что-то есть, они будут преследовать вас, даже если вы один. Мы всегда стараемся научить людей не ходить группами, а ходить на большом расстоянии друг от друга. Это снижает риск, минимизирует потери. Для обычной артиллерии они будут неинтересной целью. Но русские не соизмеряют ресурсы. Они могут подойти, например, к этим двум парням на расстояние 50 метров друг от друга, и все равно начнут обстреливать их из миномета. Потому что так хочется.

Они могут выпустить по два FPV на каждого солдата. Для них это не проблема. У них достаточно ресурсов, чтобы позволить себе это. Мы пытаемся минимизировать свои потери, но они все равно будут. Дело в том, что русские делают что-то, что не имеет смысла. А вы не можете планировать действия против того, что не имеет смысла.

Но на имеющихся кадрах видно, что украинская сторона также не щадит FPV, и также атакует ими отдельных российских солдат...

Только это немного другая ситуация. Ведь в тот момент, когда дрон с полезной нагрузкой уже выпущен, никто не хочет получить его обратно. Его полезная нагрузка нестабильна, при посадке она может взорваться. Так что если беспилотник уже улетел, он все равно потерян, и одного солдата могут даже преследовать по принципу то ли догонишь, то ли нет.

Но для нас настоящей целью является техника - танки, бронетранспортеры. А русские целенаправленно насаждают на пехоту. Были ситуации, когда их FPV-беспилотники постоянно висели над перекрестком одной дороги на Бахмуте. Пролетал один беспилотник, и если за это время ничего не проходило, он бил по дороге и взрывался.

Прилетал второй - и он снова зависал и кружил. Никакого разведывательного дрона, так называемого "мавика", только ударный беспилотник сразу. У них было столько беспилотников, что они могли постоянно контролировать этот перекресток. В конце концов мимо проедет машина, и они ее уничтожат. И за это время они потеряют три беспилотника, просто чтобы иметь контроль.

То есть потенциал высок, и говорят, что именно Украина имеет преимущество в дронах...

Русские как всегда: начинают войну слабыми, глупыми, а потом учатся и развиваются. У них были ракетные резервы, у них был потенциал оборудования, и они развернули производственные мощности. Они производят ракеты и беспилотники. Причем это беспилотники полного цикла, российская армия заказывает их у своей промышленности. А у нас в стране, как был ураганный оптимизм, так мы и едем на этом ураганном оптимизме. Потому что волонтеры mavic будут покупать, делать ударные беспилотники, а Запад будет давать ракеты. Государство, как бы, не участвует в войне. Пусть открывает заводы, даже за границей - в Польше, Румынии, Испании. Разве нет украинцев, которые могли бы делать эти беспилотники и отправлять их контейнерами? Есть, только на это нужны деньги.

Абсурдно, что артиллерийских снарядов нет вообще, и Украина с августа не купила ни одного снаряда, потому что ждет, что кто-то даст его бесплатно. Люди гибнут, потери растут, потому что нет артиллерийской поддержки. Мы дошли до ситуации, когда, как мы смеемся, маленькая советская армия воюет с большой советской армией. Потому что и в нашей стране теперь все делается с помощью людей.

То есть сейчас вы больше служите в качестве инструктора, чем командира на передовой?

Я постоянно занимался обучением, потому что у меня есть опыт в этом и способности. А методике я научился в Польше. Я уже учил людей в Киеве, еще до того, как мы штурмовали "Гостомель". Быстрое обучение, например, как штурмовать здания - по этим коридорам, комнатам. Чтобы научить их или напомнить. Позже, во время докомплектации, когда к нам приходили новые люди, они тоже попадали в мои руки. Теперь я в основном готовлю их здесь. Раньше я совмещал это с боевыми операциями. Когда подразделение находится в бою, пополнение не поступает, поэтому новых людей учить не приходится. А когда подразделение выходит из боя, появляются новые люди. Сейчас я предпочитаю обучать, но и здесь возникают новые проблемы.....

Какие?

Существует большая проблема с качеством подготовки и качеством людей, которые поступают к нам. Базовая подготовка, которая проводится на полигонах, настолько низкого уровня, что люди приходят к нам через месяц после призыва. Иногда они даже не знают, что у них есть прицел на винтовке. Например, была ситуация, когда я посадил парня стрелять из автомата, а он на 25 м вообще не попал в цель. Я говорю ему: "Стреляй еще раз". Он стреляет еще раз и ничего. Лист бумаги формата А4 на 25 м!

Я беру его винтовку и стреляю, он берет чуть ниже. Я говорю ему об этом, прошу выстрелить еще раз - ничего. Что же оказалось? Он стрелял, целился по мушке, но без использования целика - и пули на 1-2 м выше цели. Никто не объяснил ему, как работает прицел на винтовке. В учебном центре в течение месяца ему никто не рассказывал!

И что стоит за мотивацией этих новых бойцов?

Нет никакой мотивации. Мотивированные уже лежат на кладбищах.

Как и те, кого просто заставили прийти?

Это немного похоже на русскую бригаду времен восстаний XIX века. Они ловят людей на улице и привозят их на фронт. Это не плановая мобилизация, так как все боятся этого слова, но это откровенная облава.

Так же, как и русские?

Хуже того. Раньше над русскими призывниками смеялись за то, что они "мобики" и т.д. Так вот - с конца 2022 по начало 2023 года это действительно было так. У русских не хватало людей, и некоторых из этих "мобилов" отправляли сразу, без обучения. Но сегодня российский "мобик-чмобик" имеет, в худшем случае, 96 дней подготовки где-нибудь на российских полигонах плюс одну-две недели уже здесь, в зоне, в центре фронтовой подготовки.

У большинства их бригад, батальонов есть свои поля, где они стреляют, бегают, и вы можете выработать у этих людей определенные модели поведения, адаптировать их к своим стандартам. Так что у этого моба есть в общей сложности, скажем, 100-110 дней подготовки, прежде чем он отправится в бой. И это отличный вариант для него.

Лучший вариант - после этих первых 96 дней он попадает в подразделение, которое пополняется после ухода с фронта. Потому что русские ротируют всю армию. Если мобик попадает в дивизию, которая полгода находилась на фронте, чтобы получить пополнение, пройти обучение, сплотиться, у него есть еще полгода сверх этого. И тогда он получает в общей сложности девять месяцев обучения в лучшем варианте.

В общем, у мобберов сейчас от трех с половиной до девяти месяцев подготовки. А у нас призывнику отводится один месяц и - если повезет - три недели в прифронтовой зоне. То есть, скажем, два месяца. И в худшем случае бывали ситуации, когда ребята приезжали после базовой подготовки, мы их отводили на полигон, пристреливали винтовки, а они их забирали прямо с полигона. Потому что никого нет".

Так что "мобик чмобик" может пройти девять месяцев подготовки, а наш - 35 дней и не знать, что у него есть прицел на винтовке.

Таким образом, получается, что русские получают качественное преимущество....

Конечно, всегда было преимущество - в том числе и артиллерийское. Оно колебалось. Вначале оно было 17 к 1, на саммите НАТО по оказанию помощи - 3-4 к 1, а теперь снова стало более 10 к 1. В беспилотниках они начинают иметь преимущество. Почему? Потому

что эти беспилотники для них делает государство, завод государственный, и никто не считается с затратами. А в нашей стране на этот беспилотник нужно собирать деньги, поэтому возникает проблема. Тем более что уже нет того энтузиазма, который был в первый год войны. Раньше за пять пикапов можно было собрать деньги за две недели. А теперь приходится ждать "мавик" месяц, а потом его можно сразу потерять.....

Но, в конце концов, в Украине и других странах существует множество производств FPV-дронов.....

Да, но это все энтузиазм, волонтерство. Это не идет сверху вниз. Украинские оперативно-стратегические беспилотники, которые атакуют нефтеперерабатывающие заводы в глубине России и т. д. - это действительно государственное производство. Но беспилотники-камикадзе на передовой - это энтузиазм. С этим есть проблемы. Каждый беспилотник индивидуален, у каждого есть свои нюансы, потому что он вышел из-под другой руки. Подготовка боеприпасов для этого дрона - тоже проблема. В Украине есть завод, который производит выстрела для РПГ. Они не могут немного изменить производство, чтобы делать выстрела для РПГ в версии, предназначенной специально для беспилотников. И каждый раз солдату приходится брать плоскогубцы, молоток, отвертку и переделывать. Разбирать, долбить, тратить время и рисковать здоровьем. И нет никакой гарантии, что все получится, ведь солдат может допустить ошибку. Вот уже год, как дроны FPV используются, а штатных боеголовок больше нет. Для солдата лучше посидеть, посмотреть на YouTube, как это делается, и попытаться разобрать боеголовку.

Что еще можно сказать о русских? Что это за противник и как он изменился?

Это зависит от того, кого вы бьете. Когда мы бьем по луганчанам, у них нет мотивации. Они больше пытаются сбежать. А донецкие или зеки (пленные) в основном находятся под воздействием веществ. Они работают или не работают... Я не знаю, как это назвать. Они мотивируют их таким образом... если только они не дают парню какую-то подготовку, и он даже не знает, куда идет. Но он идет.

Есть хуже и лучше подготовленные подразделения. Там, где русские заботятся, они используют смесь. Менее подготовленные или, скажем так, "расходные" части используются в начале, чтобы измотать нас, израсходовать наши запасы. Затем идут подготовленные и слаженные подразделения.

Что такое расходные подразделения?

Ополченцы с оккупированных территорий - Луганска и Донецка. По данным нашей разведки, там уже почти нет людей. Есть также выходцы из всех тех республик, которые входят в состав России, - буряты и т. д. Все те, кто потенциально может угрожать властям. Потому что эти люди, когда они вернутся, обученные и с боевым опытом, возможно, пронесут оружие и начнут восстание где-нибудь в своей стране. А русским это не нужно. Они предпочитают их уничтожать таким образом.

То же самое происходит и с танками. Еще в 2023 году они отправляли на уничтожение Т-80, Т-90, а теперь Т-62 и Т-55. Эти новые танки отправляются в резерв, а не сразу на фронт.

У меня сложилось впечатление, что русские убивают трех зайцев одним выстрелом. Первое: насколько я могу судить, они могли бы спокойно прорвать фронт уже при имеющихся ресурсах, но по какой-то причине не делают этого. Они предпочитают тяжелую битву на истощение. Они дошли до того, что хотят не только оккупировать территорию, но и уничтожить украинскую армию и население. Это такой геноцид украинских солдат на передовой. Кто это делает? Те, кто из республик, те, кто "лишние". Это второе жаркое. Молодых, сильных людей из республик, которые могут быть опасны, бросают в мясорубку.

Есть ли у вас ощущение, что русские несут большие потери, чем вы?

Такого ощущения нет. Стрелковые бои - редкость. Они поднимают боевой дух солдата. Помимо того, что он сидит в окопе и терпит артиллерийский обстрел, атаки беспилотников, у него вдруг появляется ощущение самостоятельности, что он может что-то сделать с этой винтовкой. У него есть противник, он может в него выстрелить. Противник падает или убегает. Вы видите противника, стреляете в него - минус 1, 2, 3. Эффект налицо. Солдат доволен, что выполнил свою работу. А если ты месяц сидишь в окопе и смотришь, чтобы тебя не убили беспилотники, моральный дух падает. Здесь падает раненый сослуживец, там - убитый. Вы можете видеть только наши потери. Есть отличные видео, где мы сражаемся с русскими с беспилотником, и мы видим, как русские сами сбрасывают гранаты на наших раненых. Пока они не убедятся, что парень умер.

А что можно сказать о гражданском населении. Каковы ваши наблюдения здесь?

В Киеве, в самом начале, люди очень поддерживали нас. Ничего, просто помогали. Когда мы проезжали через этот город на БМП, нам махали, подбадривали, пожилые люди благословляли нас. В Харькове такого уже не было. Где-то кто-то изредка поднимал руку, махал. По принципу: едут, едут, нейтрально. А на Донбассе могут даже "фак" показать.

Я помню, как мы вошли в Донбасс, фактически в Бахмут. Это была еще безопасная зона - июль 2022 года. Ехала наша колонна - 10 бмп. Я ехал первым, на нем были польские и украинские флаги, а за мной девять коробок с украинскими флагами. Проезжаем деревню, заезжаем на холм, а там люди. Выходит мой бмп, и они начинают поднимать руки, аплодируя. Но выходит второй бмп с украинским флагом, и они опускают руки. Оказывается, когда они увидели на моем бмп польский флаг - бело-красный, - то сначала подумали, что это российский флаг. Белый, красный... а где же синий?

Да, и по сей день люди сидят там под обстрелом русских и ждут, когда их освободят. Это глупость. В Соledаре была такая семья: бабушка, сын, жена и двое детей. Они сидели, а за домом падали кассеты и пакеты "Града". В километре от соприкосновения с армейскими линиями. Дочь была ранена, медики хотели отвезти ее в больницу, отец не разрешил. Они перевязали ее на месте и продолжали ждать освобождения. Мне интересно знать, сколько в Польше таких немощных людей на пособии.

Весь наш разговор показывает безрадостную картину происходящего. Однако, несмотря ни на что, есть ли повод для оптимизма?

Еще до этого наступления, которое должно было состояться, был оптимизм. Потом были воспоминания о недавних успехах, об освобождении территорий, о том, что можно нормально воевать. А что будет теперь? В лучшем варианте - зона АТО 2.0, а в худшем - неизвестно что.

Итак, в лучшем случае успешная оборона с востока?

Скорее, замораживание конфликта. Что может быть лучше - ничего нет. Нет ни минометных выстрелов, ни артиллерийских снарядов. То, что наши танки и бмп стреляют, объясняется только тем, что где-то резервы успели накопиться сами по себе и не были израсходованы наскоком. Не расходовались без приказа. А были и другие части, которые, следуя советской модели, стреляли даже тогда, когда стрелять было не нужно и не во что.

Вы уже два года на войне, ситуация такова, какова она есть... Планируете ли вы вернуться на Родину?

Да, я потихоньку собираюсь. Просто не вижу смысла в этой работе. К тому же нудно возвращаться и подготавливать наших, чтобы они были хоть немного готовы...

Есть ли у этого перспективы?

У нас генерал на вершине не имеет полной картины. У него есть картинка, поступающая снизу, которая искажается на многих уровнях. В Украине в этом отношении она похожа на Польшу. Маленькая советская армия. Мы не говорим о проблемах. Мы пишем рапорт начальству, что все хорошо. Если мы напишем, что что-то не так, то там, выше в штабе, все уладят.

Так что и здесь я не оптимист, потому что знаю, как все устроено в нашей стране. В Польше тоже есть небольшая советская армия, только она находится под знаменем НАТО. Командиры не хотят ничего менять, потому что, в конце концов, во время учений им все сходит с рук. Например, Анаконда - когда там что-то идет не так, виноват организатор учений, а не командиры.

Это правда, к сожалению, именно так выглядят эти упражнения, или, по крайней мере, выглядели до недавнего времени.

В "Анаконде" есть сценарий, согласно которому 10 русских дивизий наступают от Кенигсберга. Мы обороняемся в течение двух месяцев, останавливаем их, и наша последняя дивизия за два дня отвоевывает эти 100 км до границы.

Я помню эти польские учения. Мы наблюдали за ними как журналисты, и сценарии были, мягко говоря, загадочными.....

Нам нужно проснуться. Но как может быть рефлексия у людей, которые "обречены на успех" в упражнениях? Не может быть. Я иногда общаюсь с людьми из моего бывшего подразделения в Польше. Там на уровне бригады был взвод беспилотников, скажем так,

разведывательный. На уровне бригады! Взвод! А мы здесь, на войне, пришли к выводу, что на уровне батальона должна быть рота беспилотников.

Мы все еще на два шага отстаем от того, что реально существует. Есть прорыв - и это хорошо, - но у нас здесь, на уровне бригады, их больше - хотя это реализуется на нештатной основе. Потому что здесь в батальоне есть взвод разведывательных беспилотников, но есть и второй взвод - только не разведывательный, а уже ударный.

Что еще нужно?

Взводы радиоэлектронной борьбы. Без этого пехота не выживет. Они разорвут нас на куски с помощью беспилотников. Хорошая глушилка дронов стоит 10-12 тысяч долларов. Мы получаем их от добровольцев, но не от армии.

То есть вы - самостоятельный батальон, и вас постоянно распределяют по бригадам?

Например, мы занимали эту должность более двух месяцев без ротации. В то же время бригада, в составе которой было восемь батальонов, держала два на фронте и шесть в резерве. Она регулярно меняла эти батальоны, а мы оставались на своём месте. Наконец, когда бригада провела смену, нам даже не сообщили об этом. В это время на нас напали, и мы потеряли свои позиции. Позже в Киеве было проведено расследование, чтобы выяснить, почему мы сдали позиции. До этого бригада докладывала, что мы мужественно держим оборону, и мы действительно удерживали свои позиции. Однако после неудачи сразу возникли вопросы: «Почему батальон сдал позиции?» Хотя мы не были заменены, от нашего батальона осталось всего 15 процентов личного состава. Это было нормально для такой ситуации. В соответствии с принципами военного искусства, существует назначенный элемент, который должен быть использован первым. Это касается не только отношений с украинцами, русскими или американцами, но и с любым другим противником. Однако, как и у любого другого подразделения, у батальона есть свой срок службы на позиции и ограничения по его использованию. Люди несут потери, устают и не могут находиться на позиции 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, особенно в условиях мороза и плохой погоды. Их необходимо заменять. Батальон, который плохо используется, вынужден сокращать численность, занимая позицию вдвое меньшим количеством людей. В результате он несет потери, но не может отправить больше людей. Пока раненые возвращаются из госпиталя, на их место приходят специалисты из разных рот и тыловых войск — зенитчики, минометчики, артиллеристы. Эти люди не обучены как пехота, но других вариантов нет. Бригада требует их участия, и среди этих специалистов также происходят потери.

То есть как отдельное подразделение, потому что как самостоятельная единица вы испытываете огромные трудности?

Да, но есть и другая проблема: нас используют не по назначению. Мы выполняем контрактные обязанности, как обычный механизированный, моторизованный или пехотный батальон. В таком батальоне обычно есть три-пять пехотных рот, рота управления, связи, разведки и беспилотники. Возможно, у нас есть минометы, но в основном мы специализируемся на пехоте, которую поддерживают охранные

подразделения бригады. Как и в Польше, у нас есть зенитная рота, артиллерия и другие специализированные подразделения, но в основном наши батальоны на 80-90% состоят из пехоты. Когда такой батальон несет потери, они в основном ложатся на плечи пехоты. В нашем отдельном батальоне пехота составляет, возможно, только 30% от штата. Остальные 70% — это специализированные подразделения. Когда вы сокращаете пехоту в нашем батальоне, на бумаге она всё равно остаётся укомплектованной на 70%. Теоретически, это всё ещё готовое подразделение, которое может воевать. Но на практике в бой вступают зенитчики, противотанкисты, артиллеристы и саперы. Это приводит к напрасной трате человеческих ресурсов и потенциала. Главная проблема заключается в том, что высшее командование не учитывает детали, не уважает и не понимает нашу специфику. Ещё один важный вопрос: готов ли минометчик сражаться как пехотинец? Нет, их обучают не так, как пехоту, и я их не готовлю. Я обучаю только пехоту, а специалисты не попадают в мои руки. И тогда они погибают. Нехватка специалистов очевидна, например, некому точно стрелять из минометов. Чтобы попасть в цель, новички должны сделать как минимум 20 выстрелов.

Я собирался спросить о некоторых анекдотических ситуациях, но, учитывая контекст, это, вероятно, будет неуместно....

Искаженное чувство юмора в нас... с такими потерями ни о каких человеческих рефлексах не может быть и речи. Мы стали десенсибилизированными, мы уже превратились в животных, мы не обращаем внимания на смерть. Происходят самоубийства. Иногда кто-то приходит к выводу, что больше ничего не хочет, и застреливается.

Такие проблемы, как посттравматическое стрессовое расстройство, безусловно, тоже существуют.....

Конечно, есть. Знаете, мне кажется забавным этот американский посттравматический синдром после Афганистана. Они ездили на сафари, а теперь у них посттравматическое стрессовое расстройство. Здесь же, стоит ему один раз выйти на позицию, и у него будет ПТСР в разы мощнее. За один день он увидит и испытает гораздо больше, чем за девятимесячную смену в Афганистане. Все хотели быть солдатами мирного времени, и этот менталитет нужно менять.....

В последние два года в польской армии наблюдается заметная волна увольнений. Возможно, это были солдаты мирного времени.....

Потому что здесь уже пахнет горелым мясом. Начинает вонять. С русскими все было так же, пока они не пересекли украинскую границу. Тогда они поняли, что все уже не так прекрасно, как им казалось. Что техника не работает, что боеприпасов нет, что все, что можно, подготовлено плохо.

Спасибо за интервью.

Роберт Пожого (из архива интервьюера)

6. "НАШ МЕД-РОТ БЫЛ ОБСТРЕЛЯН ШАХЕДАМИ".

- Интервью с Робертом Пожогой, главой фонда "Авангард", санитаром на поле боя, помогающим сражающейся Украине. Интервью брал Михал Брушевский

Русские пустили два "шахида" - один попал рядом с нами, другой - в центр, в то место, где мы раньше оказывали помощь раненым. Там находился наш склад. Они убили пятерых наших украинских коллег, трое из которых были убиты в комнате, где мы спали каждый день. Шестой наш коллега, стоматолог, который был водителем стоматологической машины скорой помощи, также был убит в тот день.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ВЕСНОЙ 2024 ГОДА.

Михал Брушевский: Битва за Бахмут: исторический очерк

В своем историческом очерке Михал Брушевский рассказывает о судьбе Роберта — одного из многих поляков, которые отправились на восток Украины. События 2023 года стали кульминацией битвы за Бахмут и действий знаменитой группы Вагнера, но борьба за этот город началась гораздо раньше. После сражений за Северодонецк-Лисичанск русские замедлили темп, и наступила оперативная пауза. Постепенно бремя так называемой специальной военной операции перешло к владельцу группы Вагнера Евгению Пригожину. Наемный корпус, состоящий из призывников и преступников, был менее затратным для Кремля с политической и финансовой точек зрения. Сочетание опытных офицеров спецназа и «зек», которыми окружил себя Пригожин, должно было стать решением проблемы неудовлетворительных результатов на фронте. Во время российского вторжения мы наблюдали острый конфликт между руководством российского оборонного ведомства (Сергей Шойгу) и наемным формированием (Пригожин). В 2023 году Путин поставил ЧВК Вагнер задачу взять на себя основную тяжесть операции. Впоследствии он отказался от этой идеи, но не будем отвлекаться от фактов. В августе 2022 года первые отряды наемников Евгения Пригожина после стремительного марша прибыли в Бахмут. 5 августа вагнеровцы ворвались в город, и один из офицеров Пригожина, «Терек», был убит в бою. Частичная мобилизация была объявлена Путиным только в сентябре, поэтому, когда вагнеровцы атаковали Бахмут, силы вторжения были охвачены катастрофой на фронте, которую пытались залатать резервными батальонами, Росгвардией и добровольцами. На тот момент группа «Вагнер» насчитывала несколько тысяч человек. Пополнение из российских колоний и тюрем позволило ей вырасти до более чем 20 000 человек и превратиться во фронтовой корпус, который продолжал расширяться. В группе Вагнера была создана

иерархия, включающая так называемый Совет командиров (офицеры с опытом работы в спецоперациях или армии), военные формирования второго уровня и штурмовые роты, состоящие из заключенных, которые использовались для печально известной буйковой разведки Красной армии. Почему именно Бахмут? С военной точки зрения, русские пытались захватить логистический узел за городом, в Константиновке. Как это часто бывало в этой военной кампании, сопротивление украинских вооруженных сил повысило статус Бахмута до города-символа следующей фазы войны. Поэтому Кремль приказал захватить его любой ценой. Битва быстро политизировалась. В Бахмуте также оформилась концепция войны на истощение, тотального сражения с украинцами, которое должно было измотать украинскую армию и уничтожить ее резервы. Отсюда и термин «Бахмутская мясорубка». Бахмутская битва длилась с августа 2022 года по 20 мая 2023 года. Более десяти месяцев российских атак превратили город в руины. СМИ окрестили Бахмут «новым Верденом», поскольку снимки из окопов под городом живо напоминали виды Западного фронта Первой мировой войны. К началу 1990-х годов в городе проживало более 90 000 человек. В 2021 году — 70 000. После вторжения Бахмут обезлюдел до 6 000 жителей, превратившись в город-призрак, подобных которому сегодня много на востоке Украины. Это море руин. По состоянию на март 2023 года потери группы «Вагнер» оценивались примерно в 40 000 убитых и раненых (американские источники даже называют цифру в 100 000 уничтоженных, но это кажется преувеличенной оценкой). Фронтальной группой «Вагнер» утратил боеспособность. Битва за Бахмут делится на несколько этапов. На первом этапе — с августа по октябрь — обе стороны пытались проводить маневренные операции. Русские безуспешно пытались обойти город с фланга или захватить его предместья. Затем, в ходе траншейного наступления с ноября по январь, они продвинулись вперед благодаря штурмам «зек» и уничтожающим артиллерийским обстрелам и бомбардировкам. К 25 января они захватили близлежащие Соледар и Ключевку, захватив северные и южные «ворота» города. Они попытались окружить Бахмут, вынудив украинцев вывести свои войска из руин города. 20 мая 2023 года группа Вагнера объявила о взятии Бахмута. Битва за город также вызвала споры в украинских СМИ — насколько упорная оборона имеет смысл? Правда, генерал Валерий Залужный использовал так называемую гибкую оборону (оборону в глубину), но все равно считалось, что оборона города неоправданно затянулась, а цена оказалась слишком высокой. Кроме того, сам Залужный, как говорят, был против столь длительной обороны. Непосредственно Бахмутом командовал генерал Александр Сырский — в настоящее время главнокомандующий обороной Украины в войне. Большое украинское контрнаступление, начатое в июле 2023 года, к удивлению многих военных экспертов, включало в себя и Бахмут. Судя по всему, оперативный план Киева на этом участке фронта заключался в том, чтобы отрезать российский тыл и взять Бахмут в окружение (российский план был обратным). Несмотря на интенсивные удары, особенно под Ключевкой на юге, реализовать эту задачу не удалось. В обороне Бахмута участвовали украинские подразделения: 24-я механизированная бригада, 57-я моторизованная бригада, 4-я бронетанковая бригада, 5-я штурмовая бригада, войска Поаза, 93-я механизированная бригада, 241-я бригада территориальной обороны, 80-я воздушно-десантная бригада, 61-я пехотная бригада. В каком-то смысле Бахмут предрешил судьбу и самой группы Вагнера. Евгений Пригожин не только владел наемным корпусом, но и создавал его.

Путин выступил в поддержку Шойгу, и политический конфликт разгорелся с новой силой. Пригожин опубликовал прокламацию, в которой, сидя на стуле с флагом наемников на стене и потягивая чай из нескольких пакетиков, оправдывал Владимира Зеленского, обвинял российских военных в преступлениях на Донбассе и нападал на Шойгу с ещё большей яростью. Он ясно дал понять, что готов подчиняться Москве, и распорядился провести «Марш справедливости». 23 и 24 июня 2023 года произошёл так называемый Пригожинский путч, также известный как восстание группы Вагнера. Пригожин, сопровождаемый наиболее верными ему войсками (войсками второго ранга, которых он защищал от уничтожения в окопах), двинулся на Ростов-на-Дону, где захватил базу Южного военного округа и город. Затем его войска направились к Воронежу и Москве. Благодаря закулисным политическим переговорам, восстание удалось подавить в зародыше. Сам Пригожин вместе с Советом командиров отправился во «внутреннюю» ссылку в Беларусь. Как и ожидалось, его жизнь оказалась недолгой. 23 августа — через месяц после мятежа — Пригожин, вместе с ближайшим окружением своих офицеров, погиб в авиакатастрофе над Россией. Вероятно, в самолёте была взорвана бомба. Как Пригожин, который мог ожидать покушения на свою жизнь, вообще оказался в самолёте? Как сообщали оппозиционные СМИ, безопасность полёта, вероятно, обеспечивал офицер связи Федеральной службы безопасности, которого Москва отправила в самолёт вместе с Пригожиным. Пригожина также называли «кремлёвским поваром» или «поваром Путина». Это связано с тем, что олигарх сделал своё состояние на контрактах по организации питания для российских учреждений, включая армию. Пригожин был «вором в ордене», то есть преступником, занимавшим положение в российском криминальном мире. Он отсидел десять лет в тюрьмах и колониях. Пригожин был частью ленинградско-питерской политической группировки, в которой начинал свою карьеру Владимир Путин. Его путч обнажил внутренние слабости России, так как вагнеровцы шли на Москву, по сути, ни о чём не заботясь. Его и его людей чествовали на улицах Ростова как рок-звёзд. Высказывались мнения, что Пригожин инсценировал путч и участвовал в интриге, возглавляемой Путиным, что это были срежиссированные события. Однако эту гипотезу опровергают такие факты, как потери правительственных войск в борьбе с вагнеровцами (сбито шесть вертолетов и самолёт), гибель самого Пригожина, а также смена альянса Рамзаном Кадыровым, который вышел из фракции Пригожина и встал на сторону Шойгу.

Михал Брушевский: Когда вы начали ездить в Украину и помогать?

Роберт Пожого, нынешний руководитель «Авангарда»: 24 февраля 2022 года я находился на дежурстве в ковидном госпитале на Национальном стадионе. Мы объединились в большую группу, собрались и отправились на Восточный железнодорожный вокзал, чтобы оказать помощь беженцам, покидающим страну в условиях войны. Вскоре после этого был организован эвакуационный поезд для гражданских лиц, и я отправился в путь в качестве медицинского работника. В то время я узнал, что из Польши приехали необычные люди (смеется). Им сказали, что они отправятся на украинскую сторону границы, где будут искать тяжелобольных детей и привозить их к границе. Позже мы эвакуировали этих детей на поезде. Мне очень хотелось познакомиться с этими людьми и помочь им. В конце апреля я узнал, что один из моих коллег — представитель этой легендарной команды — собирается в Украину для участия в

медицинской эвакуации. Я спросил, почему я не еду с ним, и он ответил, что у меня, вероятно, нет действующего паспорта. Однако у меня не только был действительный паспорт, но и он был со мной. Я достал его, и с этого момента всё началось.

Какой была ваша первая медицинская миссия непосредственно в Украине?

16 мая 2022 года я ехал в машине скорой помощи вместе с медиками. При поддержке фонда "Макдоналдс" мы отправились на машине скорой помощи, груженной лекарствами, во Львов. Мы прибыли в детскую больницу.

Итак, привычная схема - мы привозим помощь и эвакуируем раненых и больных в Польшу?

Да. Это были первые транспорты с ранеными и больными в Жешув. Затем мы отправились в Харьков, который осаждали русские.

Какова была тогда ситуация?

Мы въехали в Харьков ночью. В городе был объявлен комендантский час, и царил полный мрак. Наша задача заключалась в том, чтобы доставить медикаменты в город. Первоначально мы, как представители группы эвакуации из Польши, получили информацию от Министерства здравоохранения Украины о том, что в Черкассах находится раненый, которого необходимо эвакуировать. Из описания пациента следовало, что у него открытый перелом бедра. Мы сообщили, что направляемся в Черкассы. На месте мы узнали, что пациент — военный врач из Мариуполя, специалист по травматологии. Во время операции в его операционную упала ракета, и в результате взрыва ему оторвало ногу.

То есть это был не перелом бедра.

К сожалению, на войне описания ранений не всегда соответствуют реальности. Когда мы приехали по указанному адресу, оказалось, что наш пациент был так называемым зажившим ампутантом — его здоровье было стабильным, несмотря на потерю ноги. Его жена работала военным реабилитологом. Доктор сказал, что был бы рад приехать, но у него есть более срочное дело, которое нужно решить. Он уже организовал протезирование и реабилитацию в Германии, но рассказал нам о детях в харьковской больнице, поэтому решил спокойно ждать своей очереди. Мы позвонили в Министерство здравоохранения Украины, чтобы узнать, кого можно эвакуировать из Харькова. Нам сообщили, что есть девятилетняя девочка, которая двумя днями ранее шла с мамой за хлебом, и на них упала ракета. Осколок попал ей в правую лопатку, прошёл через плечо и застрял в шейном отделе позвоночника. В таких случаях транспортировка зависит от стабилизации состояния пациента, чтобы не навредить ему ещё больше. Мы приехали ночью и начали раздавать медикаменты. В детской больнице мы осмотрели пациентку, которая оказалась пригодной для эвакуации. К тому времени, когда приехали моя мама и медсестры, у нас был небольшой перерыв, и нам подали кофе. Мне нужно было в туалет, и я спросил дорогу к нему. Чтобы добраться туда, мне пришлось пройти практически через всю больницу.

Что происходило в больнице?

Дети без конечностей и глаз. Ни рук, ни ног. После ракетных обстрелов не было окон. Делали пластины. Мест уже не хватало. Это был переломный момент, когда я решил остаться и помочь.

Вы отвезли пострадавшую девочку в Польшу?

Мы отвезли ее в медицинский центр во Львове. И далее в Жешув.

Вы постоянно ездите и помогаете. Война продолжается. Что происходило в 2023 году?

В начале апреля 2023 года, незадолго до Пасхи, я вернулся из очередной поездки на восток. Мы с Касей и Анной планировали вернуться 25 апреля для очередной ротации на наш медицинский пост под Бахмутом. Однако из-за организационных проблем поездка была отложена. Вместо того чтобы поехать в составе «Авангарда», я отправился в путь вместе с друзьями, чтобы доставить гуманитарную помощь. Мы направлялись под Купянск, за Харьков, и я решил сделать исключение — не ехать в Бахмут. До войны врачи редко бывали в тех местах, где мы сейчас работаем, а помощь гражданскому населению казалась чем-то абстрактным. Во время войны это стало ещё более сложной задачей, и мы решили сосредоточиться на помощи на севере. На месте я узнал, что наш медицинский пункт «Бахмут» подвергся обстрелу со стороны российских войск с применением иранских беспилотников «Шахед». Было выпущено два дрона: один попал рядом с нашим пунктом, а второй — прямо в центр, где мы оказывали помощь раненым. Там же находился наш склад. В результате атаки погибли пятеро наших украинских коллег — трое из них находились в комнате, где мы обычно спали. В тот же день был убит ещё один наш коллега — стоматолог, который ехал в стоматологической машине скорой помощи. Несмотря на всю видимую безысходность, даже в прифронтовых условиях гражданская помощь продолжает оказываться. Однако и он стал жертвой атаки беспилотника.

Значит, вы могли бы быть там?

Я должен был находиться там во время нападения. Узнал об этом почти случайно, но как только мне сообщили, сразу же поспешил туда. Мне хотелось понять, чем я могу помочь, какие есть неотложные нужды. Ведь столь точное попадание не только убивает людей, что само по себе ужасно, но и уничтожает оборудование, с помощью которого спасают жизни, все медицинские принадлежности.

Это похоже на точную атаку русских. Они специально выследили вас и ударили?

Это было спланированное нападение на медицинскую базу. На ней оказывали первую помощь раненым, а также хранили медицинское оборудование. Если кто-то нуждался в медицинской помощи, он мог обратиться туда. Нападение на медиков было преднамеренным, и для этого использовались беспилотники. Есть информация, что Российская Федерация выплачивает вознаграждение солдатам, которые убивают польских медиков.

Значит, поляки попали в черный список Путина?

Мы оказываем помощь раненым в зоне боевых действий, по мере необходимости, находясь рядом с линией фронта. У нас нет контракта с Вооружёнными силами Украины, мы добровольцы. Никто не платит нам за нашу работу — мы волонтеры-медики. Наши команды работают очень эффективно, и украинские штурмовые подразделения ценят нас. Если ты хорошо разбираешься в своём деле, тебя не спешат отправлять в окопы, потому что потеря такого медика может означать смерть для раненых бойцов. Украинцы знают, что мы вернём их живыми, а не мёртвыми. До нападения с использованием беспилотников «Шахедов» в апреле–мае 2023 года мы обычно не работали в окопах. Мы сосредоточились на так называемом стабилизационном пункте — месте для оказания первой помощи раненым между линией фронта и полевым госпиталем. Однако после атаки беспилотников мы начали выезжать и на позиции, чтобы помогать там. В частности, мы поддерживаем 5-ю штурмовую бригаду, которая сражается в Бахмуте. Мы смеёмся с солдатами бригады, что их перебросили с другого участка фронта из Торецка в Часов Яр, так что отдохнуть им не пришлось (смеётся).

Вы помогали раненым, сражавшимся за Бахмута. Что они говорят о наемниках из группы Вагнера?

Что они ведут себя как животные. Вагнеровцев и русских солдат называют "пахарями", а кадыровцев - "банкоматами" (смеётся).

Почему?

Типичный кадыровец имеет при себе несколько тысяч долларов наличными. В их жилетах купюры засунуты в непривычно больших количествах. В общем, кадыровцы хорошо выглядят только на TikTok. Они плохие солдаты.

Как выглядит район Бахмута после нескольких месяцев боев?

Бахмут был небольшим городом, примерно таким же, как Седльце. Русские были уверены, что должны его захватить, как будто он имел важное стратегическое значение. Однако это было не так. Гораздо более значимыми были соляные шахты в Соledаре. Украинцы укрепились в городе и даже подкопались под него. Русские обстреливали Бахмут, как немцы Варшаву в 1944 году — здание за зданием, квартал за кварталом. По ночам они использовали белый фосфор и зажигательные боеприпасы. Это было похоже на сцены из американских военных фильмов, но на самом деле это был настоящий кошмар. Подъездные пути к стабилизационному пункту постоянно попадали под обстрел. В прошлом году появилась новая угроза — небольшие беспилотники-камикадзе. Раньше опасность исходила от артиллерии, авиации и крупных российских дронов, а теперь она исходит и от маленьких беспилотников с прикреплёнными взрывными устройствами. Если вы ехали на машине скорой помощи, а за вами летел такой дрон, спастись было невозможно. Нельзя было ехать колонной, только поодиночке.

Перевязывают ли раненых русских? Является ли это спорным вопросом?

Случалось, что на стабилизационный пункт привозили раненых русских военнопленных. Мы забирали их к себе на стол, а украинцы латали своих. Это не столько спорно, сколько практично, потому что спасенного раненого военнопленного можно обменять на украинского военнопленного, а значит, он имеет ценность. Украинская разведка может получить от него информацию.

Образ российского солдата в 2022 году - это упрямый человек с беспорядочно висящей на нем огромной формой. Кто оказался в вашем медицинском центре?

Все они похожи друг на друга. Они испачканы грязью, измазаны собственной кровью и кровью своих коллег. Форма потрепана. Так же, как и раненые украинцы, они вымазаны в грязи и крови. Однако если посмотреть на индивидуальное снаряжение, то можно увидеть различия. Украинец не возьмет в окопы то, что возьмет русский. Россиянин покупает китайское дерьмо на AliExpress, и это видно. У украинцев хорошая, приличная обувь, в то время как русские иногда бегают в резиновых сапогах, подвязанных скотчем.

Давайте поговорим об украинских травмах. Каковы случаи ранений на фронте?

Артиллерия. Чаще всего мы сталкиваемся с ранениями, полученными от обстрелов и шрапнели. Это заставляет меня задуматься о том, что мода на лёгкие бронежилеты с одной пластиной уже в прошлом. Идея защиты только сердца и лёгких, с надеждой на эвакуационный вертолёт, который может забрать тебя в любую минуту, осталась в фильмах. Сейчас необходимо защищать всё, что можно. Я видел парней с кевларовыми щитками на ногах. Иногда это выглядит как доспехи средневекового рыцаря. Всё это связано с артиллерийскими обстрелами и с тем, что если рядом взорвётся дрон, шансы выжить возрастают, если тело хорошо защищено. Шрапнель повсюду.

Что происходит под руководством Бахмута?

Они бьют по нам из миномётов — и, к сожалению, это стало нормой. В Бахмуте по медикам летят «Грады», ракеты С-300, беспилотники. Русские проникают на линию фронта, в тыл заходят диверсионные группы. Пока мы перевязываем раненых, слышим звуки стрельбы — значит, где-то рядом идёт атака. Русские могут загнать свои танки так глубоко, что они оказываются буквально под боком. Сейчас это уже битва за Часов Яр, а не за Бахмут.

Вы также побывали в Запорожье. Как там обстоят дела?

Русские очень хорошо там окопались. У них надежные укрепления. Они удерживают Суровикинскую линию. Они находятся в траншеях, так что это своего рода позиционная война. В Авдеевке, Бахмуте и Купянске, к сожалению, русские наступают. Не будем забывать, что на севере легионы типа "Свободной России" или Добровольческого корпуса переходят границу, так что там много чего происходит.

Кто-нибудь из русских, которых вы перевязывали, записался в проукраинский легион?

Я этого не знаю, но у меня была другая ситуация. В больнице в Виннице я встретил раненого россиянина, которого охранял украинский солдат. Парень был в инвалидном кресле. Я поинтересовался, почему его так тщательно охраняют (смеется). Солдат отвечает, что это его сослуживец из деревни. Один защищает Украину, другой перешел к русским. "Этот штопанный записался к русским, он военнопленный". - слышим мы.

Какие случаи были самыми сложными в вашей службе в качестве медика?

Я думаю, это снимки из детской больницы в Харькове. Истории первых людей, которым я помогал в Украине, были по-настоящему шокирующими. Рассказ украинской пары, которую мы эвакуировали в самом начале, потряс меня до глубины души. Всё их имущество уместилось в одну дорожную сумку. Они пытались бежать из Бучи вместе с сыном. Их ограбили, избили прикладами, застрелили сына, заставили раздеться и бросили. Ещё одна женщина, которую мы эвакуировали, раньше, видно, была очень красивой — типаж модели. Её лицо было всё в порезах. Её изнасиловали, но она сказала, что ей ещё повезло — потому что её изнасиловали половым органом, а её подругу — щёткой для чистки унитаза. Подруга не выдержала и покончила с собой. Она тоже покончила с собой.

Это очень сложный вопрос, но что же тогда думать?

Чтобы эта чертовщина не пришла к нам, я понял, что должен помогать больше. Кася уже была на фронте, Куба Блабан занимался мед. эвакуацией, а я находился на Западной Украине в качестве помощника, ожидая сигнала от них. Когда нам нужно было приехать и помочь, я отправлялся туда.

Как украинцы реагируют на медиков из Польши?

Некоторые люди знают об «Авангарде» из телевизионных новостей и им это очень нравится. Как правило, они оставляют только положительные комментарии. Однажды во Львове наш коллега стоял с раненым солдатом и курил. В ходе разговора выяснилось, что его выводили санитары из «Авангарда». Солдат даже не подозревал, что разговаривает с одним из нас. В другой раз наш друг подвозил солдата, и тот, разговорившись, начал хвалить медиков из «Авангарда», которые помогли его коллеге. Мы гордимся своей репутацией. Люди знают, чем мы занимаемся, и понимают, какие финансовые трудности нам приходится преодолевать, чтобы продолжать свою работу, приезжать и организовывать всё необходимое. Несмотря на все сложности, мы продолжаем выполнять свою миссию, и они это ценят.

В чем разница между помощью в 2022 и в 2024 годах?

Поляки испытывают большие трудности из-за войны, но помощь продолжает поступать. Мы не останавливаемся на достигнутом и продолжаем свои поездки. После нашего разговора я снова отправляюсь в Украину. Мы работаем не только как медики, но и как «Авангарды». В сотрудничестве с одним из польских фондов мы занимаемся распределением гуманитарной помощи в различных местах на линии фронта. Вы понимаете, что такое гуманитарная помощь. Теперь она направляется непосредственно

туда, где она необходима, а не на крупные склады на западе Украины. Мы не отправляем помощь на склад, где она лежит и ждёт неизвестно чего. Поляки вносят значительный вклад в поддержку Украины. Например, другой польский фонд доставил помощь в Херсон для мирных жителей. Существуют группы, которые обходят бюрократические препятствия, чтобы доставить помощь непосредственно гражданским лицам или солдатам. Тем украинцам, у кого есть деньги, голод не страшен. Однако есть семьи, которым приходится покидать свои деревни, расположенные вблизи линии фронта, чтобы получить хоть что-то.

Как можно судить о том, что есть богатые украинцы, которые уехали на Запад и не воюют, в то время как их сверстники сидят в окопах?

На них обрушивается гнев. Некоторые угрожают, что после войны "именно мы будем объяснять им, что и как". Это вопрос о законе о мобилизации. Будут ли бедные воевать, а богатые - что, смогут ли они избежать службы?

Являются ли украинцы храбрыми солдатами?

Очень. Временами это доставляет хлопоты медицинскому персоналу.

Каким образом?

К нам поступают раненые солдаты, среди которых есть и тяжелораненые. Большинство из них, как только получают морфин или фентанил, сразу же рвутся вернуться на фронт. Боль утихает, и они думают, что выздоровели, готовы снова воевать. Так происходит в 99 процентах случаев. И не имеет значения, кто он — солдат 3-й штурмовой бригады "Азов" или из территориальной обороны. Приходится объяснять ему, что теперь он не может вернуться на фронт. Иногда это доходит до настоящих дантеских сцен.

Каких например?

Одного из солдат, которого мы лечили, пришлось принудительно оставить в пункте стабилизации. У него было осколочное ранение в правое плечо, и он не мог продолжать сражаться. Он повторял: "Я хочу воевать". Но тут прибежала украинка из медицинского персонала и начала его подбадривать, посылая ему неприличные сообщения. Это помогло ему успокоиться, и он послушно лёг. Позже, под предлогом выйти покурить, он попытался сбежать в линейное отделение. "Ну ладно, я пошёл", — сказал он. Но ему не повезло (смеётся).

Он столкнулся с той украинской медсестрой?

Да, он снова услышал эту фразу (смеётся). Когда она говорила с ним таким тоном, даже командиры вставали по стойке смирно (смеётся). Если бы не она, он бы отправился на фронт. Она лично проводила его до машины скорой помощи, чтобы отвезти в полевой госпиталь, который находился в тылу.

А тяжелораненые тоже готовы отправиться на фронт?

Да, есть те, у кого нет руки или ноги, или в их теле есть дыры - как только наступает наркоз, они говорят, что хотят вернуться.

А украинские медики?

Там был украинский фельдшер, который привозил нам раненых, и он так устал, что не мог стоять на ногах. Он все время повторял, что возвращается, потому что там есть раненые коллеги и мы должны помочь. Командир приказал ему дать нам позаботиться о нем и выпить целую бутылку воды.

Фронтальный юмор - это способ борьбы со стрессом?

Конечно, я всегда вспоминаю ситуацию, которая привела к моему посттравматическому стрессовому расстройству. В нашем стабилизационном пункте коллега очень хотела приготовить блины, но была очень взволнована. Я предложил свою помощь, но она отказалась. Тогда я надел наушники, взял телефон, погрузился в игру и, лежа на кровати, наслаждался печеньем. Вдруг я увидел, что она стоит надо мной с яростью в руках, держа сковороду. "Уже блины?" — радостно спросил я. "Убирайся отсюда, потому что ты ешь это печенье так громко, что мой четвертый блин не получился!" — крикнула она. Вот так, оказывается, и в тылу тоже может быть нервно (смеется).

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Гаубица Д-20 калибра 152 мм. Это почти музейное орудие успешно использовалось, в частности, в боях за Донбасс летом 2022 года

7. "МЫ ПРИНЯЛИ РИСКИ И СОСРЕДОТОЧИЛИСЬ НА РАБОТЕ".

- Беседа с поляком, артиллеристом на фронте. Интервью с Мацеєм Шопой

Снаряд для Д-20 весит более 40 кг. Если добавить к этому вес заряда и гильзы, то общий вес составляет более 60 кг. Это было действительно изнурительно. При такой специализации занятия в тренажёрном зале очень помогают, и вы ощущаете это в спине. Подача 20 152-мм снарядов с грузовика, особенно если это только первая работа за день, — очень тяжёлая задача. После того как человек загрузил на грузовик целые ящики со снарядами, он добирается до места назначения и должен донести пусковой пакет до гаубицы. Если стрельба не прекращается, возможно, потребуются подать дополнительные снаряды.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ОСЕНЬЮ 2022 ГОДА.

Мацей Шопы (От медика до артиллериста — исторический очерк):

Осенью 2022 года мне посчастливилось взять интервью у поляка, который служил в необычной для наших соотечественников-добровольцев части. Волею судьбы, а скорее, по необходимости, он стал артиллеристом. В Украину приехало много спасателей и медиков, которые обучали украинцев и оказывали помощь на фронте. Однако не хватало опытных людей для выполнения типичных боевых задач, в том числе для управления украинской артиллерией, которая развивалась разными путями. У моего собеседника не было такого опыта, и он приехал в Украину, чтобы спасти жизни людей в качестве медика. Его история о службе на 152-мм буксируемом орудии отличается от многих других фронтовых мемуаров, которые вы найдете в этой книге. Примечательно, что одинокая гаубица Д-20 «работала» со своим экипажем на Донбассе летом 2022 года, во время наступления российских войск на Северодонецк и Лисичанск, вплоть до сентябрьской операции под Харьковом. В то время украинские позиции на Донбассе напоминали мешок, окруженный с севера, юга и востока русскими, а на украинскую армию ежедневно обрушивалось рекордное количество российских боеприпасов. В то время у украинцев появились первые «Крабы» и HIMARS, но большая часть артиллерии состояла из трофейных или полустаринных орудий, вытасканных с различных складов. Однако у них не было шансов — в их распоряжении была бесперебойная связь в виде «Старлинка», через которую операторы разведывательных дронов уже передавали им данные о позициях противника. Встречи с другой украинской артиллерией, взлетающие для удара по врагу ракеты «Точек», и в то же время тяжелая физическая работа гаубицы, подбор боеприпасов, бесконечная

череда: развертывание, залп, сборка. И все это с осознанием того, что в любой момент на голову может обрушиться вражеский огонь.

Мацей Шопа: Что побудило вас принять участие в боевых действиях в Украине?

Я приехал в Украину в качестве волонтера-парамедика в рамках проекта по медицинской эвакуации раненых на запад. Сначала мы доставляли их в больницы Польши, а затем эта деятельность расширилась до эвакуации в зарубежные больницы. Мы перевозили раненых на медицинских самолётах, которые приземлялись в Жешуве-Ясёнке. В конце марта – начале апреля я начал помогать украинцам, с которыми познакомился на месте. Я обучал добровольцев и военнослужащих тактике спасения. Что побудило меня отправиться туда? Желание подтвердить свои навыки, получить дополнительную практику и, самое главное, внести свой вклад в борьбу с общим врагом. К сожалению, война – это лучшее место для приобретения нового опыта, как медицинского, так и тактического.

Но в конце концов судьба забросила вас в артиллерию. Как это произошло?

Это было интересное совпадение. Когда я во второй раз приехал в Украину, то собирался участвовать в эвакуации раненых на востоке страны. Однако в то время в местах, с которыми у меня были связи, находилось много добровольцев. В то же время мне предложили стать медиком, который будет обеспечивать артиллерийскую поддержку. Я согласился, хотя на практике мне пришлось действовать как обычный артиллерист.

Так вы были грузчиком?

Я сменил несколько мест работы, и мои коллеги поручали мне различные задачи. Поначалу я просто ездил с ними на работу. Как медик, я обеспечивал их всем необходимым и одновременно наблюдал за их работой. Со временем мне стали доверять выполнение конкретных обязанностей, хотя, возможно, не всех, поскольку не все занимались настройками.

Какими были ваши фронтовые будни?

Наша база располагалась чуть дальше от линии фронта, в районе крупных городов региона. Мы старались выбирать маршруты, которые позволяли нам тратить больше времени на дорогу, но при этом снижали риск обнаружения и повреждения техники и склада боеприпасов. Это было большим преимуществом — после возвращения на базу мы могли восстановить боеспособность и отдохнуть. Однако опасность всё ещё оставалась. Город регулярно подвергался обстрелам как с воздуха, так и с помощью дальнобойной артиллерии. Военные цели уже были поражены, поэтому русские обстреливали в основном гражданские поселения. Интенсивность операций зависела от погодных условий. Если погода была не по сезону и из-за ветра и дождя не появлялись дроны, работы становилось меньше. Но иногда приходилось совершать по два вылета в день. В таких случаях мы начинали работу рано утром: сортировали боеприпасы по номиналам, грузили их в грузовик, готовили тележку и отправлялись на площадку ожидания. Там мы ждали, пока операторы беспилотников сообщат нам координаты. Из того, что мне запомнилось, это был взлёт дронов. Сначала мы увидели их на горизонте, они поднялись примерно в 5 километрах от нас. Затем они пролетели над нашими головами и, набрав скорость,

устремились в сторону России. Мы увидели их между облаками, и раздался звук. Это были две фигуры, они двигались в направлении к северу от Северодонецка. Сразу после этого рядом с нами пролетела авиация. А потом мы слышали звук приводных «крабов». Это было очень напряжённо. Мы также видели польские каски, польскую технику на блокпостах и польские боеприпасы, которые доставлялись из Польши на восток.

С кем вы работали, какими они были?

Я был единственным поляком в украинском подразделении, поэтому его нельзя назвать полностью интернациональным. В нашей команде были украинцы из разных уголков страны: востока, юга и запада. Возрастной диапазон варьировался от 20 до 60 лет и более. В целом, это было довольно разношерстное собрание. Атмосфера в подразделении была очень позитивной. Это было добровольческое формирование, состоящее почти полностью из таких же добровольцев, за исключением одного или двух контрактников, которых я знал. Эти люди были очень мотивированы и служили в артиллерии с самого начала войны. Насколько мне известно, это было уже третье направление, где сражалось наше подразделение. Можно было увидеть их искреннее желание сражаться и готовность рисковать своей жизнью ради общего дела.

А если говорить о культуре работы, было ли у вас ощущение, что вы работаете с западными людьми, или все же чувствовался постсоветский дух?

В ней присутствовала составляющая восточного фэнтези, связанная с уланами, но с точки зрения соблюдения правил и общего мировоззрения она была более близка к западным традициям.

Какой пушкой вы управляли?

Это была старая буксируемая гаубица Д-20 калибра 152 мм. Я не знаю, была ли она захвачена у русских или же поступила со складов украинских вооруженных сил. Насколько мне известно, грузовик был куплен в государственной коллекции. Управление самой гаубицей, буксируемой гаубицей, не представляло особой сложности. У неё есть несколько ручек и предохранителей для складывания и раскладывания опор. Однако гораздо важнее было оперативно реагировать на аварийные ситуации и заклинивания. Чистка, техническое обслуживание и разборка казенной части и всех компонентов стреляющей гильзы были жизненно необходимыми. Последнее требовало определенных знаний и навыков. Самым сложным было рассчитать параметры, учитывая отсутствие баллистических компьютеров. С другой стороны, имея готовые настройки, настроить пистолет было несложно.

Управление таким оружием - тяжелая физическая работа?

Снаряд для Д-20 весит более 40 кг. Если добавить к этому вес заряда и гильзы, то общий вес составляет более 60 кг. Это было действительно изнурительно. При такой специализации занятия в тренажёрном зале очень помогают, и вы ощущаете это в спине. Подача 20 152-мм снарядов с грузовика, особенно если это только первая работа за день, — очень тяжёлая задача. После того как человек загрузил на грузовик целые ящики со снарядами, он добирается до места назначения и должен донести пусковой пакет до

гаубицы. Если стрельба не прекращается, возможно, потребуется подать дополнительные снаряды.

Вы оставили гильзы или забрали их?

Если у нас было время, мы их убрали, потому что всегда есть возможность вернуться к ним позже. Если же времени не хватало, мы оставляли их на месте.

Вы упомянули операторов дронов, или операторов беспилотников. Они ехали вместе с вами?

Беспилотники были неотъемлемой частью нашего подразделения. С их помощью мы проводили собственную разведку, и полученные данные не поступали извне. Это обеспечивало нам независимость в действиях. Операторы беспилотников, напротив, работали вблизи линии фронта, всего в нескольких километрах от вражеских позиций. Мы же могли подобраться достаточно близко, чтобы стрелять по целям, которые находились глубоко внутри вражеских укреплений.

Какова дальность стрельбы гаубицы Д-20? Около 20 км?

Расстояние составляло примерно 17 километров, в зависимости от используемых боеприпасов. Иногда мы находились всего в нескольких километрах от линии фронта, а иногда — в десятке километров. Всё определялось глубиной расположения цели и общим замыслом поставленной задачи.

Вы знали, на что стреляете, или дроны просто давали вам настройки, куда стрелять?

Благодаря связи через терминалы Starlink, которые были нашим основным каналом коммуникации и живого общения, мы могли получить необходимые данные. В начале задания нам предоставили готовые начальные настройки, и всё, что нам оставалось делать, — это стрелять и вносить коррективы в боевую стрельбу. Голосовая связь была постоянной, поэтому мы могли получать поправки в режиме реального времени. Например, нам сообщали, что боеприпасы не взрываются, и нужно было установить другие детонаторы.

Удалось ли вам долгое время оставаться на месте после первого выстрела? Отсчитывали ли вы время?

Отсчет времени с секундомером в руках не велся, но мы старались сделать как можно меньше выстрелов. Несколько выстрелов и смена огневой позиции.

Приняли ли вы решение изменить себя?

Решение было принято на основе разведданных, полученных с беспилотников. В этот раз они сосредоточили свои действия на одной конкретной цели, и мы выпустили почти весь боезапас — более 20 снарядов — с одной позиции. К сожалению, нам пришлось оставаться на месте дольше, чем планировалось. Несмотря на повышенный риск в этой ситуации, мы смогли снизить вероятность контрбатарейной стрельбы, поскольку работали с одной гаубицей, а не с целой батареей.

Так что связь была ключевым фактором, вам не нужно было беспокоиться о многих вещах...

Да, если только мы не располагали антенну «Старлинка» слишком близко к пушке, и она не дестабилизировалась при стрельбе, теряя дальность. В таких случаях приходилось ждать, пока она снова подключится. В любом случае, вы должны знать, что при стрельбе вблизи зданий, расположенных в нескольких метрах за гаубицей, стекло может выбить из пикапа.

Обязательным условием было наличие защитных слуховых аппаратов.

Большинство людей использовали активные средства защиты слуха. Некоторые же, услышав команду «выстрел», просто затыкали уши и продолжали работу без специальной защиты. После стрельбы повсюду были грязь и пыль. Мы возвращались с позиций грязными и уставшими, особенно если день выдался жарким и сухим.

И, наконец, отдых...

Ночью еще чистили гаубицу, часто "при свете факела". Несмотря на усталость, нужно было готовиться к работе. Просто чистка ствола и текущий ремонт, так что особой философии здесь не было.

Как люди реагировали на вас, когда вы располагались рядом с их домами. Не боялись ли они контрбатарейной стрельбы, мести со стороны русских?

Это было необходимо учитывать при планировании, и это имело большое значение. Порой, когда мы обустраивались на новом месте, местные жители, жившие в соседних домах, подходили к нам и умоляли уйти, даже падая на колени. Иногда они ложились на дороги, чтобы остановить нас. Мы не могли подвергать их опасности и уезжали, не желая подвергать их риску. Также часто, когда мы въезжали в прифронтовые деревни и останавливались между домами, оттуда выскакивали несколько солдат и говорили: «Привет, ребята, вы предаете наши позиции, уходите в другое место». Мы уезжали, даже не подозревая о их присутствии. В отличие от них, гражданское население крупных городов было привыкло к армии. Жизнь там протекала вполне нормально. Однако чем ближе к фронту, тем чаще дома оставались только пожилые люди. Из-за возраста и привязанности к родному дому они не хотели его покидать. Молодые, более подвижные, уходили на Запад. А многих солдат можно было найти похороненными по всей деревне.

Стало ли для русских неожиданностью то, что вы водили одиночные гаубицы и были, как говорится, "малозначимой целью"?

Мы применяли классическую тактику рассредоточения сил, и она оправдывала себя. Нам часто приходилось проезжать мимо множества целей, которые казались нам не слишком важными: одиночные пушки и ракетные установки, которые сопровождалась машинами. Однажды рядом с нами проехала установка «Град». Мы даже не заметили, когда она остановилась, произвела короткий залп и уехала. Это событие произвело на нас впечатление. Обычно мы не сталкивались с таким контрбатарейным огнем. Несколько раз «Грады» падали рядом с нами, а однажды авиация атаковала что-то в этом районе.

С какого расстояния упали эти градины?

В 200–300 метрах от нас разорвался снаряд, но благодаря особенностям ландшафта и укрытию осколки не достигли нас. Следует отметить профессионализм командиров моего подразделения. Они тщательно спланировали и выбрали огневые позиции, максимально используя преимущества местности. Это учитывалось как при маскировке пушки, так и при планировании путей отступления на случай нападения противника. Все было тщательно продумано, и нам не приходилось искать случайные огневые позиции, которые хотя бы не обеспечивали нам маскировку.

Играл ли камуфляж большую роль?

Мы не использовали обычные маскировочные сети. Не знаю, почему. Возможно, из-за лени, а может быть, чтобы сократить время пребывания на позиции. Чтобы развернуть сеть, нужно несколько минут. А чтобы её стянуть, требуется не меньше минуты, и делать это нужно быстро. В любом случае, это было решение нашего подразделения. Но в нашем случае речь шла скорее о том, чтобы быстро покинуть огневую позицию.

Над вами кружили вражеские беспилотники?

Мы никогда их не видели. Во время установки оружия именно водитель отвечал за сектор «небо». С другой стороны, когда мы были готовы и ждали информации от дронов, на небо обращали внимание сразу несколько пар глаз.

Было ли в таком путешествии сильное чувство опасности? Стресс?

Управление буксируемыми орудиями требует от нас значительных физических усилий как в процессе работы, так и в решении вопросов логистики. Находясь на огневой позиции и передвигаясь без брони, мы осознавали, что любое огневое взаимодействие с противником в этом районе представляет собой огромный риск. Осознание этого риска было важным шагом на пути к успеху. Это позволило нам работать с полной ясностью ума, сосредоточившись только на поставленной задаче. Все это время мы слышали, как над головой пролетали артиллерийские снаряды, в том числе и наши. Солдаты быстро учатся определять, близко или далеко находится снаряд, приближается он или удаляется. Они знают, когда следует реагировать и укрываться.

Во время боев за Лисичанск говорили, что русские выпустили в 10 раз больше снарядов, чем украинцы. У вас была нехватка боеприпасов?

Я могу говорить с точки зрения подразделения, в котором я служил. Там никогда не было такого, чтобы кончились боеприпасы. Всегда был запас боеприпасов как минимум на один-два выезда или на несколько небольших задач. Боеприпасы поступали регулярно, в том числе и трофейные русские боеприпасы. В какой-то момент оборудования стало действительно много - его было больше, чем людей. Более серьезной проблемой, чем нехватка боеприпасов, были технические проблемы, особенно со взрывателями. Иногда они не срабатывали. Но у нас была оперативная информация от водителей беспилотников, и мы реагировали на это, заменяя их другим снарядом.

Каково было качество этих захваченных российских боеприпасов по сравнению с украинскими и боеприпасами из Центральной и Восточной Европы?

Я пробыл там слишком мало времени, чтобы дать достоверную оценку. Я своими глазами видел проблемы со 152-мм "западными" боеприпасами. Эти боеприпасы были старыми. Только в самом конце моего пребывания там появились российские. Проблема была в некоторых серийных польских взрывателях. При необходимости мы переделывали их на другую версию. Ребята сказали, что раньше были подобные проблемы с чешскими боеприпасами.

Было ли у вас ощущение, что русские доминируют, что вы почти окружены? В то время Донбасс был практически мешком, окруженным российскими войсками.....

Нет, не чувствовалось. В тылу, как и у нас, ездилa масса украинских частей... в районе Бахмута, Северска... Мы не чувствовали, что нас окружает враг.

Не было ли групп, проникающих на фронт? Вы не были защищены от такой угрозы?

В основном мы старались подстраховаться - настолько, насколько позволяло количество оружейных расчетов. Кроме того, мы выбирали позиции таким образом, чтобы ограничить пути подхода. Сами мы ни разу не зафиксировали такого случая. Более серьезной проблемой были гражданские лица, которые могли передать информацию противнику. Однако насыщенность войск в тылу была такова, что им было бы трудно проводить какие-либо операции.

Какие уроки мы можем извлечь для Польши из того, что вы пережили в Украине?

Во многих местах я видел или слышал о разнообразных волонтерских отрядах. От добровольцев, работающих в тылу и занимающихся сбором аптек и распределением гуманитарной помощи, до инструкторов — гражданских лиц, обучающих добровольцев. Их группы напоминают наши организации, занимающиеся защитой в действии. Я также встречал добровольческие подразделения, обычно действующие на фронте. Это не только Международный легион, но и украинские формирования, созданные снизу вверх. На каждом шагу можно увидеть, как всё государство защищает себя от агрессии, а не только военные как отдельный институт. Я думаю, мы должны признать, что в случае войны подобные подразделения будут созданы и в Польше. Появятся добровольцы, готовые сражаться, и те, кто хочет помогать в тылу. Армия должна разработать четкие процедуры и рамки для такого возможного сотрудничества, например, с добровольцами-медиками, чтобы в полной мере использовать их потенциал для блага государства.

Спасибо за интервью.

Хьюберт Кампа с волонтером CHSR

8. "Я вожу машину с 2014 года. У меня ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО, И Я ПОМОГАЮ ДРУГИМ".

- Интервью с Хубертом Кампа, польским волонтером, путешествующим по Украине с 2014 года, президентом фонда "В благословенном искусстве". Интервью брал Михал Брушевский

Мы заблудились и попали на блокпост сепаратистов. Мы очень испугались, что они могут нас расстрелять. К счастью, мы были одеты в обычную гражданскую одежду, и они поняли, что у нас нет оружия. В нашей машине была еда, которую мы везли как гуманитарную помощь. Больше всего меня поразило то, что неподалёку я увидел тело украинского солдата, подвешенное на проволоке между кабельными установками. Должно быть, его убило каким-то взрывом и так и оставили. Рядом с ним у дороги лежали ещё два трупа, и над ними кружили птицы.

Об этом он рассказывает в своём интервью.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ЗИМОЙ 2024 ГОДА.

Михал Брушевский: (Забытые сражения под Иловайском и Дебальцево - исторический очерк): Губерт Кампа — это волонтер, который работает в известной и уважаемой организации «Христианская служба спасения» (ХСС). В Украине она пользуется большим авторитетом, сравнимым с польским отделением «Каритас». В 2018 году я вместе с этой организацией отправился на Донбасс, чтобы оказать гуманитарную помощь и осветить военную ситуацию на передовой. Поэтому мотивы Хуберта мне близки. Его интервью на этих страницах особенно ценно, ведь польский волонтер знает войну не понаслышке — он участвует в ней с самого начала, с 2014 года. Конечно, масштабы боевых действий и уровень угрозы тогда были иными, но с точки зрения геополитики Кремля вторжение 2022 года стало лишь продолжением событий 2014 года. Поэтому стоит вспомнить такие забытые столкновения, как Иловайская битва или битва под Дебальцево, которые вновь оживают на страницах расшифрованной беседы Губерта. В Польше не до конца осознают, как эти поражения украинцев сказались на моральном духе общин вдоль Днепра и на восприятии антитеррористической операции, проводимой на востоке страны. Обращение к тем событиям также помогает лучше понять оперативную обстановку накануне российского фронтального вторжения 24 февраля 2022 года.

В августе 2019 года новоизбранный президент Украины Владимир Зеленский установил День памяти защитников. С тех пор каждое 29 августа украинские власти и общество должны были почтить память тех, кто отдал свои жизни и здоровье в борьбе с российской

военной операцией на востоке страны. Спустя несколько лет этот день стал менее заметным, так как его затмили события гораздо более кровопролитных сражений кампании 2022-2024 годов. Но почему именно 29 августа? С первых дней своего президентства Владимир Зеленский стремился положить конец войне на Донбассе. Это может показаться наивным в свете российского наступления 2022 года, но миссия Зеленского заключалась в том, чтобы попытаться остановить боевые действия и заключить мирные соглашения с Владимиром Путиным. Политика молодого президента в то время убедительно доказывает, что заявления Кремля о том, что именно Украина подталкивает к войне, являются необоснованными. Владимир Зеленский проводил свою политику с позиции суверенной Украины, а не капитуляции, и быстро понял, что из мирных соглашений ничего не выйдет. Одним из «тестов» на возможность договориться с Россией о мире стал проект «зон разграничения» на Донбассе. Он предполагал создание своеобразных демаркационных зон на обозначенных участках фронта, где войска по обе стороны должны были отступить. Сигналом к отступлению служил пуск сигнальных ракет. Ситуации возникали разные, и не всегда удобные для украинского лидера. Сегодня Владимир Зеленский признан во всем мире как великий полководец военного времени, имеющий прекрасные отношения с военными. Однако в дипломатическом плане всё было иначе. Чтобы обеспечить соблюдение «демаркационной зоны», Зеленский отправился в один из добровольческих батальонов, где произошла потасовка с солдатами — и это было показано по украинскому телевидению. Именно Иловайск стал символом военной кампании 2014-2019 годов для кабинета Зеленского: огромные жертвы солдат, ошибки военачальников и осознание того, что мир на востоке Украины достигается не на поле боя, а за столом переговоров. Сегодня мы знаем, что эти наивные прогнозы о возможности договориться с Россией были основаны на необоснованных ожиданиях. Однако, несмотря на это, День памяти защитников продолжает оставаться важным символом, напоминающим о том, что Украина всегда была и будет сильной и независимой страной.

В чём причина сражений за Иловайск и Дебальцево? Этот вопрос редко обсуждается в Украине и ещё реже в Польше. Однако он имеет большое значение. Если бы украинская армия смогла захватить эти города, то война была бы близка к завершению. Ведь самый важный приз для пророссийских сепаратистов — Донецк — оказался бы в окружении. План был очень удачным. Если бы удалось окружить сепаратистов в Донецке, это стало бы ударом по их престижу, финансовым ресурсам и, что самое важное, ополченцы были бы отрезаны от помощи из России. Речь идёт о событиях конца 2014 — начала 2015 года, поэтому удар был бы сокрушительным для сепаратистов в самом начале восстания. На тот момент фронт ещё не был определён. Захваченный Донецк, как ключевой транспортный узел Донбасса, стал бы отправной точкой для наступления на Луганск и освобождения второго города, контролируемого сепаратистами. По имеющимся данным, до 2014 года можно было доехать на автомобиле от Донецка до границы с Россией менее чем за час. Поэтому украинские военные планировали операцию по окружению Донецка, чтобы замкнуть кольцо. Для этого нужно было сначала захватить Иловайск и Дебальцево.

Военные действия пророссийских сепаратистов на востоке Украины начались 12 апреля 2014 года с нападения на Славянск. Этому предшествовали демонстрации в поддержку

России, что соответствовало так называемой доктрине Герасимова, направленной на создание политической неразберихи. Восстание быстро распространилось на восток, и сепаратисты взяли под прицел города от Луганска до Мариуполя. 13 апреля 2014 года украинское правительство начало антитеррористическую операцию. Военная кампания сепаратистов достигла пика в конце мая и начале июня, что стало известно как "вооруженная эскалация". В этот период обе стороны осознали, что начался настоящий вооруженный конфликт, и начали проводить операции в соответствии с военным искусством — с использованием стратегической глубины и осей атак. Стало ясно, какие сепаратистские ополчения имеют наибольшую поддержку со стороны России и какой у них потенциал. Правительственные войска, поддерживаемые "добровольцами" — волонтерами — эффективно оттесняли сепаратистов, но не со всех направлений. Киевская операция набирала обороты. Постоянными бастионами восстания стали Донецк и Луганск, и удары правительственных войск по этим городам были лишь вопросом времени. После первоначального шока от потери Крыма Украина начала укрепляться. В июне стало очевидно, что украинско-российскую границу пересекают бронетанковые подразделения Вооруженных сил Российской Федерации, но на территории, подконтрольной сепаратистам. Москва активизировала перевооружение сепаратистов. В качестве контрмеры украинское командование разработало смелый, но рискованный план "большого марша" — или "большого рейда" — для прорыва в приграничные районы. 95-я воздушно-десантная бригада при поддержке 30-й и 51-й механизированных бригад нанесла удар по недавно захваченным сепаратистским территориям. Рейд оказался успешным, и заблокированные украинские войска были освобождены. После этого стало ясно, насколько хорошо сепаратисты контролируют треугольник Донецк-Горловка-Луганск. Киев должен был как можно скорее разрушить этот план. Несмотря на хаос в действиях обеих сторон, через границу переходили все более плотные российские войска, вооруженные тяжелым оружием. По оценкам, за время Иловайского сражения русские собрали на границе около 40 000 военнослужащих для поддержки отступления сепаратистов. Если взглянуть на карту, то можно заметить, что в тылу Донецка есть два населенных пункта, через которые проходят нити дорог: Дебальцево на севере и Иловайск на юго-востоке. Киев хотел контролировать оба этих пункта, в то время как Москва стремилась помешать этому плану. Наступали месяцы, которые должны были решить судьбу войны. Наступление на Иловайск началось уже 7 августа 2014 года. Два батальона территориальной обороны пытались захватить город, но безуспешно. Отступать было некуда, и основную тяжесть боев приняли на себя добровольческие формирования — батальоны "Днепр" и "Донбасс". Наступление 10 августа также не увенчалось успехом. Киев продолжал подтягивать все новые силы. Наконец, удар 19 августа принес успех. Большая часть города была захвачена. Однако русские уже были готовы к контратаке. Батальоны "Восток" и "Оплот", снабженные артиллерией и "Градами" из России, двинулись на Иловайск. Атакующим удалось организовать лишь несколько танков для поддержки. Украинские добровольцы компенсировали недостаток подготовки решимостью сражаться, и начались ожесточенные бои за вагон-дом. "Донбасс" оборонялся в редуте в здании школы № 14. 23 августа бой стих. Границу с Россией пересекали компактные батальонные группы, используя маскировочные костюмы. Украинцы хотели взять Донецк в котел, а русские окружили Иловайск. Контратака украинцев, предпринятая для оказания помощи,

провалилась. 2014 год прошел под знаком переговоров с сепаратистами о прекращении огня. Солдаты из Иловайска должны были уйти по безопасному гуманитарному коридору. Однако россияне начали обстреливать колонну украинских солдат, покидающих город. В бою погибли 366 солдат. Сотни были ранены или взяты в плен. Битва стала шоком для украинского общественного мнения. Но это не означало конца. Окружение Донецка требовало от украинских штабистов поддержания "клина" с севера. Поэтому украинские силы в Дебальцево нужно было удерживать любой ценой. Сепаратисты, зная это, нанесли удар и там. 14-18 января 2015 года прозвучал последний аккорд украинских шансов на быструю победу в войне. Как и под Иловайском, украинские войска в Дебальцево попали в окружение. В качестве одной из форм эвакуации были проведены переговоры об очередном гуманитарном коридоре, которые, как и в Иловайске, закончились расправой над украинской колонной. Под Дебальцево погибло 267 украинских солдат. В результате обоих поражений линии фронта укрепились — сепаратисты сохранили подконтрольные города, а украинцы укрепились в своих. Сформировалась новая линия фронта, которая — с небольшими корректировками — продержалась до 24 февраля 2022 года.

Михал Брушевский: Когда вы впервые побывали на востоке Украины?

Хуберт Кампа, волонтер: 28 ноября 2014 года я уезжал из Киева. В то время я был директором Международного пленэра иконописцев, который проходил в столице. Этот пленэр был связан с Майданом, он проводился спустя год после его начала. В Андреевском православном храме я увидел Библию, привезенную с Востока. Её держал обгоревший солдат, и его пальцы оставляли следы на страницах. Батюшка Сергей предложил отправиться на восток, и я впервые отправился в это путешествие. Так я оказался в районе Волновахи, на Донбассе.

В 2014 году вы уже ездили в зону боевых действий. Каковы были ваши первые впечатления от войны?

В то время армия была рассредоточена из-за первых штурмов. Я также не знал, где нахожусь. Мы ехали ночью, и я не очень хорошо ориентировался на территории Украины, особенно в восточной её части. Мы прибыли в место, где находились солдаты, на бывший склад боеприпасов. Меня поразило то, как они были одеты, а вернее, как они были экипированы. Была зима, и стоял ужасный холод, но некоторые из них были в кроссовках. У кого-то была форма, а у кого-то её не было совсем. Среди них было много молодых людей, у которых не было никакого снаряжения. В то время нужно было всё. Мы привезли с собой икону «Не бойся», которая и по сей день известна своей чудотворной силой. Мы вручили её солдатам, и двое из них расплакались. За несколько часов до нашего приезда произошёл обстрел, в результате которого один из солдат попал под удар, а его сослуживцы погибли. Плачущий был единственным выжившим, и он был в ужасе. Для него было важно, чтобы мы вернули ему эту икону. Во время своего первого визита на фронт я осознал, насколько армия нуждается в помощи. Ей нужно было всё. Вторым открытием стало то, что духовная поддержка также была необходима солдатам. Они нуждались в молитвенной помощи.

Помните ли вы свою реакцию на первые звуки войны?

Мы находились примерно в километре от первой линии фронта, где шла интенсивная стрельба. Всё это выглядело и звучало как праздничный салют, но на самом деле было пропитано смертью. Земля сотрясалась от взрывов, и хуже всего было слышать визг стреляющих "Градов". Я был раздражён. Нам запретили выходить на улицу, чтобы покурить. Это был приказ, который, как мы думали, поможет нам выжить. Я воспринял его с неохотой. Мы случайно наткнулись на санитарную машину с ранеными. Впервые я увидел человека, пострадавшего от осколков, и это было для меня настоящим шоком.

В то время мнение о войне в Польше было иным, чем сейчас. Ее не так широко комментировали и уж точно не так поддерживали, как это было после февраля 2022 года. Майдан существовал в польском сознании, а вот бои за восточную Украину - уже нет. В Польше многие относились к войне как к внутреннему столкновению, как к низовой борьбе русскоязычных граждан Украины - такие были мнения. Что это украинская драка, в которую не стоит вмешиваться. Что говорили вам украинцы, когда вы там были?

У меня всё ещё были языковые трудности. Я прожил в Украине четыре года и лучше всего говорил на львовском украинском языке, но здесь некоторые люди общались на русском. Я старался понять, что происходит, кто на кого нападает, и кто такие сепаратисты. Мне было интересно, что это за война и не отделятся ли Силезия от Польши, как здесь? Мне объяснили, что сепаратисты — это люди, присланные из России, а также те, кто живёт здесь и поддерживает их. Меня предупредили, что на востоке Украины сложно понять, кому можно доверять. У украинцев уже был опыт с Крымом, поэтому они знали, что сепаратистские бои — это попытка присоединить восточную Украину к России силой. Постепенно, когда я больше путешествовал и общался с украинцами, стало ясно, что по ту сторону фронта находятся российские военные. У них было оружие, артиллерия и боеприпасы из России. Я уже тогда понимал, что это война с Россией. Больше всего меня поразила нищета жителей восточной Украины и самих солдат. Однажды я вёз подарки для детей на акцию, а в другой раз — для солдат. Мы путешествовали с украинскими солдатами и раздавали помощь детям в их домах. Для солдат было важно, чтобы дети с востока Украины ассоциировали армию не только с канонадой и стрельбой, но и видели человеческое измерение, измерение помощи. По реакции родителей можно было понять, как они реагируют на войну. Однажды у нас была ситуация, когда мать кричала своим детям, чтобы они не принимали помощь. Она кричала: «Бандеровцы идут, бандеровцы идут!» Я ответил: «Здравствуйте, я не бандеровец, я из Польши» (смеётся). Но в доме нам не были рады. Работала российская пропаганда.

Если вы вернулись на фронт, то где и когда?

Сразу после новогодних праздников, в 2015 году, я снова отправился на восток Украины. На этот раз мой визит был недолгим — я приехал на Рождество в 30-ю бригаду, которая носит имя князя Константина Острожского. Священник отслужил литургию для солдат, и у нас была возможность пообщаться. Именно тогда я познакомился с будущим генералом Сергеем Собкой.

Это первое Рождество для украинцев на фронте. Как оно выглядело?

Солдаты старались создать в своём жилище атмосферу уюта и тепла. Они получали много еды от своих семей, и некоторые родственники регулярно навещали их. Солдаты украшали рождественские ёлки белыми голубями — символом мира. Впервые на Рождество они получили книжки-раскраски и открытки от детей. Особенно их обрадовало появление гостей из Польши. Они были очень рады видеть, что кто-то помнит о них и находится рядом с ними. Солдаты пытались заглушить боль от того, что не могут быть дома в Рождество. Вы могли видеть эту боль в их глазах. Затем они научили меня есть сало — блюдо, которое не встретишь в Польше. Я очень любил сало и сырой чеснок (смеётся).

Известны воспоминания о Рождестве на Западном фронте во время Первой мировой войны. Там действовало перемирие, и между солдатами обеих сторон существовали братские отношения. Как это было на востоке Украины?

Сепаратисты усилили свои нападения на Рождество. Эта сторона не придерживается никаких традиций. Они также знают, что в украинских рядах наступило ослабление, и, вероятно, считают, что в это время им легче вести огонь и атаковать. Однажды я провел ночь с солдатами в подвале, откуда по рации доносились только сообщения о непрекращающихся боях. Сепаратисты атаковали, используя танки.

И куда вы отправились дальше?

В Польше я пытался организовать помощь 30-й бригаде. Мы несколько раз ездили туда, а на Пасху я снова отправился на фронт. На фронте я встретил Юрия Билака, украинского фотографа, который обычно живёт во Франции. Он сфотографировал для нас Тайную вечерю и Пасху. Эту фотографию потом разместили в аэропорту Борисполя, и на ней был изображён я. Меня поразило, как охотно украинские солдаты позировали и хотели рассказать о войне, о том, какая это трагедия и почему они здесь. Я старался их слушать. У меня был хороший контакт с генералом Собкой. Известно, что добровольцам не положено всё знать, и армия хранит свои секреты. Поэтому мы говорили о житейских вещах. Собко читает Библию, и мы обсуждали это. Интересно, что у него была пластиковая ламинированная Библия.

Чтобы страницы не намокли, верно?

Да, именно так. Чтобы её нельзя было уничтожить. Я сел рядом с ним и сказал: «Сергей, мне кажется, ты не читаешь эту Библию, потому что страницы не запачканы». И он на моих глазах окунул её в воду. И ничего! (Смеётся.) Я очень подружился с солдатами. Они разрешили мне управлять танком, но, конечно, только в тылу! (Смеётся.) Они показали мне практически всё, что нужно на войне.

Соблазн стать солдатом?

В то время я стремился помочь и, не имея официального разрешения на участие в боевых действиях, стал добровольцем. Я не был солдатом, но на себе ощутил, что такое фронт. Как доброволец, я мог доставлять помощь, а иногда и помогать вытаскивать раненых и погибших, если мне удавалось найти подходящее место. Я относил их в тыл. Конечно, я действовал на свой страх и риск вместе с моими коллегами. Однако мне

разрешили пройти дополнительное обучение по оказанию первой помощи на полигоне. Но я не мог стать солдатом или членом бригады, так как я поляк и у меня есть своя родина.

В чем заключалась ваша волонтерская работа?

В начале конфликта количество раненых и погибших было сравнительно небольшим, так как война не приобрела таких масштабов. Однако с августа 2015 года начался так называемый период осады и котла. Наиболее значимыми сражениями стали Иловайск и Дебальцево. В Дебальцево мы оказывали спасательную поддержку, находясь неподалёку. В то время 30-я бригада была в осаде, и я обязательно находился рядом, помогая выносить раненых. К Иловайску я приехал только в 2017 году, чтобы помочь в эксгумации погибших украинцев и вынести останки павших, которые были захоронены в специальных могилах или представляли собой лишь фрагменты тел.

Давайте вернемся к Дебальцевскому сражению. Как вы вспоминаете транспортировку первых раненых?

Моей первой встречей с тяжелораненым солдатом стала судьба человека, у которого были отрезаны обе ноги, и он висел на лоскутах своей формы. Это зрелище поразило меня. Я не был медиком, поэтому мог лишь помочь с транспортировкой и переноской. Однако, когда адреналин зашкаливает, человек перестает замечать все вокруг. Я не хочу и не имею права говорить обо всех ситуациях, с которыми сталкивался. Но общие размышления? Постепенно человек привыкает к тому, что видит. Конечно, очень плохо, когда я не могу помочь раненому, который испытывает ужасную боль и кричит. И ты не в силах помочь ему справиться с этим. Вы не можете ничего сделать. Также тяжело, когда раненый просит меня убить его. К сожалению, такое случается часто. Это тяжелораненые люди, которые испытывают сильную боль.

Именно это произошло в Дебальцево, да?

Среди прочих. Однако имейте в виду, что я не могу и не хочу давать точную информацию о месте и времени, даже спустя столько лет это может вызвать проблемы.

Что было самым страшным в тот момент в вашей работе?

Мы оказались в месте, куда не должны были заходить. Мы заблудились и наткнулись на блокпост сепаратистов. Мы очень испугались, что по нам откроют огонь. Однако, к счастью, на нас была гражданская одежда, и они убедились, что у нас нет оружия. В нашей машине находилась еда, которую мы везли в качестве гуманитарной помощи. Больше всего меня поразило то, что неподалёку я увидел тело украинского солдата, подвешенное на проволоке к кабельным установкам. Должно быть, его убило взрывом и забросило туда. Рядом с ним у дороги лежали ещё два трупа, над которыми летали птицы. Я спросил у своего коллеги, можно ли их забрать. Он ответил, что в том месте охотятся снайперы, и они только и ждут, чтобы кто-то попытался это сделать. С этими телами у сепаратистов была особая тактика.

Не хоронить их?

Да, по принципу - либо ты с нами, либо твое тело сгниет в поле у дороги.

Это тогда у вас появилось посттравматическое стрессовое расстройство?

Во мне кипел гнев от того, что подобные вещи происходят в 21 веке. Даже на войне есть свои правила и традиции, но здесь русские не придерживались ничего. Посттравматическое стрессовое расстройство возникает не из одного события, а из множества факторов. Однако этот случай стал для меня особенно тяжелым. Вскоре после него нас обстреляли сепаратисты в машине, и я думаю, что эти два события слились воедино. Мы ехали на машине, когда раздались выстрелы. Я не совсем понимаю, что тогда произошло, потому что спал. Мы направлялись в Киев, и водитель в панике съехал на обочину. Там он наехал на камень, который отбросил нас, и машина перевернулась три раза. Я сильно разбил голову и очнулся только тогда, когда машина уже летела в воздухе. После этого я выжил в больнице на востоке Украины. Сегодня я смеюсь над этим (смеется). Однако в то время было совсем не до смеха.

Как вы попали в больницу?

К нам подошли украинские полицейские и провели допрос. Увидев мой польский паспорт, они испугались и уехали. Мы были в недоумении: что происходит? Оказалось, что они отправились за своим начальством, которое вскоре прибыло на место и даже взяло в руки прибор для измерения аварийности на дорогах. Я показал им, что у меня разбита голова, и они вызвали "скорую". Ночью приехала скорая помощь, и меня посадили в окровавленную машину. Фельдшер попытался сделать мне перевязку, но сказал, что меня нужно отвезти в больницу. Я не помню названия города, куда меня привезли, но больница напоминала польское учреждение сорокалетней давности: скрипучие двери, ковры, тряпки, сохнувшие на радиаторах, и ужасный запах. Было семь утра, когда я сидел там. Ко мне подошёл врач, у которого тряслись руки. Возможно, он ещё не успел выпить, но я не знаю. "Господи Боже, он собирается меня зашивать," — подумал я. Врач отправил меня на второй этаж. Я всё ещё был на связи, потому что смог вычислить, что их второй этаж — это наш первый. Я пришёл на рентген. Женщина начала кричать на меня, спрашивая, зачем я пришёл. Она резко спросила: "А плёнку вы купили?" Какую плёнку? — подумал я. Но она заметила, что я поляк, и не стала со мной церемониться. Она сделала рентген моей головы. Этот рентген был в таком состоянии, что я боялся до чего-либо дотронуться. Женщина сказала мне, что я не должен рассказывать людям в Польше о том, каково здесь. Я ответил, что, конечно, просто зашейте меня. У них были какие-то новые материалы — раскатанные одноразовые простыни. Много нового, потому что для анестезии они принесли старый большой шприц с плёчатой иглой. Такие шприцы использовались во время Второй мировой войны. Пришёл доктор, руки у него всё ещё тряслись, но он как-то зашил меня. Я ничего не ел, поэтому был слаб. Наконец, я выхожу из больницы. За дверью стоит полиция. "Вы пройдёте с нами," — слышу я. Меня отвезли в полицейский участок. Там я встретил коллег, с которыми ехал в машине. Полицейский набирал на клавиатуре старого компьютера одну букву за другой, записывая показания. У меня появилась слабость. Я встаю, ухожу. Они кричат на меня. Я говорю им, что сейчас упаду в обморок. Мне сказали

зарегистрироваться, но я сказала, что ничего не понимаю, и не стала. К счастью, коллега перевел мне, что теперь у них есть показания, что меня не били в отделении милиции. В Киеве выяснилось, что меня очень хорошо зашили, голову продезинфицировали, и кожа сходитя. Но когда я вернулся в Польшу и мне сняли швы, врач спросил меня, не зашивал ли я себя "тем плотом". Я был удивлён. Я сказал ему, что в Украине врачи зашивали меня подобным образом, на что доктор ответил: в Польше мы не используем такие нитки даже для зашивания животных. Кроме того, была ещё одна ситуация, которая повлияла на моё посттравматическое стрессовое расстройство.

Какая?

Рядом с нами раздался обстрел из «Градов». В этот момент я оказался в ситуации, которую часто показывают в военных фильмах: я потерял слух. Я видел людей, но в голове стоял непрерывный писк, и я не мог с ними общаться. Они что-то кричали мне, но я был словно в другом мире. Через час я пришёл в себя, но из-за того, что события наложились друг на друга, у меня развился посттравматический шок. Если вы переживаете нечто подобное, это может стать причиной такого же состояния.

Можете ли вы рассказать, с какими осложнениями ПТСР связано в жизни?

У меня начался депрессивный эпизод. Уровень кортизола повысился, и я почувствовал, что отключаюсь от окружающего мира и погружаюсь в свои мысли. Одновременно со мной были очень сильные чувства агрессии и тревоги. Меня раздражали звуки, особенно высокочастотные. Крики детей, фейерверки и грохот вызывали у меня сильное раздражение. Даже люди, которые улыбались, казались мне неприятными. Это началось, когда я приехал в Польшу, сел в самолёт до Вроцлава и вышел в Нижней Силезии. Там я увидел улыбающихся людей в кафе, которые пили кофе и не делали ничего плохого. Мне захотелось напасть на них, чтобы они проснулись, потому что я чувствовал, что там, где я нахожусь, люди умирают, а здесь они просто пьют кофе. Как можно улыбаться в кафе, когда вокруг идёт война? Я ощущал разницу между мирами. Моя голова словно находилась на войне, где царил стресс. Это вызывало усталость. Я не мог спать, и ко мне возвращались лица людей, образы, которые вызывали страх и воспоминания. Это было очень изматывающе. От внутреннего стресса я убежал из дома. Поскольку я живу за городом, то побежал прямо в лес. Моя семья вызвала полицию и скорую помощь. Я встретил хорошего полицейского, который знал, как со мной разговаривать, и понимал моё состояние. Он сказал мне: «Месье Юбер, поезжайте в больницу». Только врачи могли сказать, повреждена ли моя психика или это просто реакция на определённые события. Он признался, что тоже принимает таблетки (смеется). В больнице мне объяснили, что происходит. Для меня терапия не была чем-то новым, поэтому я знал, что нужно слушать врачей. Мне назначили лекарства, и в течение трёх месяцев ситуация была взята под контроль.

В 2015 году прошло несколько лет с тех пор, как польские солдаты прошли Афганистан и Ирак, и посттравматическое стрессовое расстройство уже не является такой запретной темой. Врачи называли это посттравматическим стрессовым расстройством?

Врачи всё ещё опасаются ставить диагноз посттравматического стрессового расстройства. Некоторым людям легко навешивать на людей ярлыки «психически нездоровых». У ПТСР есть определённые симптомы, но также могут быть и другие, индивидуальные проявления. При обследовании этот диагноз часто возникает, когда пациент рассказывает о своих тяжёлых переживаниях. Однако в Польше этот термин до сих пор стараются не использовать в официальных документах, предпочитая описывать симптомы. Я не был военным пациентом, но я понимаю, что ПТСР может возникнуть не только в ответ на войну или оскорбления, но и в результате совершенно других событий, таких как предательство, избиение, несчастный случай и так далее.

В одном из предыдущих разговоров вы сказали, что от этого не избавишься, это просто прилипает. Это всегда остается в человеке.

Все наши травмы, которые мы пережили, остаются с нами. Они хранятся в нашей памяти и могут проявляться в различных ситуациях. В моём случае, когда я долго остаюсь голодным, я чувствую повышенную тревожность и агрессию. Но разве это можно назвать посттравматическим стрессовым расстройством? На всю жизнь мы остаёмся более чувствительными к окружающему миру, но в то же время приобретаем устойчивость к войне. Падающие пули и бомбы уже не так сильно влияют на нас. Мы понимаем, что с нами происходит, и знаем, как правильно реагировать.

Вы прошли курс лечения и вернулись в Украину?

Да, я сразу же захотел вернуться. Меня словно тянуло обратно. Не знаю, то ли это было привыкание, то ли что-то ещё (смеется). Я понимал, что должен вернуться и помогать детям. Я помню маленького Вову, который получил набор фломастеров и впервые увидел, как много цветов на свете. Его радость была безграничной. А его родители не могли ничего изменить в ситуации, вызванной войной. Это тронуло меня до глубины души. Я решил, что если не смогу помочь армии, то хотя бы смогу помочь этим детям. И с тех пор я не переставал приходить к ним.

В какие регионы восточной Украины вы попали?

В посёлке Пионерский, который находится недалеко от Мариуполя, я встретился с представителями Христианской службы спасения. Там же был реализован проект «Ковчег», в рамках которого дети, находящиеся на линии фронта, смогли вернуться к мирной жизни.

Каким вы помните Мариуполь тех лет? Была линия фронта у Широкина...

С 2017 по 2022 годы Мариуполь активно развивался. У него был замечательный мэр, благодаря которому в городе появились детские площадки и ухоженные парки. Я был в восторге от Мариуполя. Это было замечательное место. Сам город напоминал Киев, с множеством посткоммунистических зданий. Меня восхищала его организованность. Несмотря на близость фронта, в городе функционировали торговые центры, кинотеатры и городские пляжи. Уровень жизни был очень высоким. Я неоднократно проезжал мимо завода «Азовсталь». Он работал на полную мощность, демонстрируя огромную мощь мариупольской промышленности. Мариуполь и близлежащие посёлки Приморский и Пионерский были бедными, но служили морскими курортами для детей. Люди жили

обычной жизнью и развивались, как могли. Атмосфера и диалог с местными жителями были полны сочувствия. Не было отторжения, а лишь понимание того, что такое война. Я скучаю по Мариуполю и Пионерску. До 2022 года я был сосредоточен на помощи детям из приюта «Ковчег». Этот приют находился в центре линии разграничения, где с одной стороны были военные, а с другой — мирные жители. Мы сотрудничали с украинскими военными, и без их поддержки проект бы не состоялся.

Что представлял собой Ковчег?

Оксана и Владимир — супружеская пара из Киева, у которой не было своих детей. Они решили посвятить свою жизнь помощи детям на передовой. Их целью было не только облегчить страдания юных граждан, но и поддержать солдат. Володя провёл на фронте один целый год, а затем к нему присоединилась Оксана. Вместе они смогли собрать вокруг себя детей, пострадавших от войны. У некоторых из них были семьи, но они были очень бедными, поскольку в тех местах было сложно найти работу. Кроме того, среди них были дети из неблагополучных семей, страдающих от алкогольной зависимости и других проблем. Дети приходили к Оксане и Владимиру, чтобы делать уроки и заниматься. Тогда у них появилась идея создать центр для этих детей, который они назвали «Ковчег». В этом центре могло разместиться до 200 детей, но не все из них оставались здесь на постоянной основе. Многие из них воспринимали «Ковчег» как своего рода школу, приходя сюда только учиться. Среди них были дети, потерявшие родителей во время войны. В итоге около 20 детей остались в «Ковчеге» на постоянной основе, а остальных привозили из других деревень.

Каковы были истории детей Ковчега?

В нашем приюте жили два мальчика, которые стали свидетелями гибели своего отца, наступившего на мину. Ещё один мальчик был из семьи, где отец был убит, а мать страдала от алкогольной зависимости. Мы забрали его из разрушенного дома, где царила пустота. Его мать целыми днями лежала на кровати, утопая в алкоголе, и вскоре покинула этот мир. В нашей группе также был ребёнок из Мариуполя, который отставал в развитии. Шестнадцатилетняя девочка приходила к нам, чтобы нагнать упущенное и сдать экзамены. Ещё один мальчик смог преодолеть линию фронта и оказался на украинской стороне из оккупированных сепаратистами районов. Он заявил, что хочет остаться в нашем приюте и не вернётся домой. Оксана и Владимир усыновили его. В одной семье было три мальчика, которые формально считались братьями, но каждый из них был от разных отцов. Однажды один из них пришёл к нам с синяком под глазом. Оказалось, что его избили мать и отчим. Для этих детей наш приют стал местом, где они могли развиваться и находить поддержку. Здесь была создана часовня, где раздавали гуманитарную помощь и куда приходили взрослые. Кроме того, Ковчег был центром евангелизации.

Что случилось с этими детьми, когда в феврале 2022 года началось фронтальное вторжение?

За два дня до начала полномасштабной войны солдаты ясно дали понять, что лучше всего эвакуироваться вместе с детьми. Тех, кого можно было забрать, собрали и перевезли в Мариуполь. Володя продолжал ходить по домам, чтобы получить разрешение на вывоз

детей, у которых формально были родители или законные опекуны. Эвакуировать можно было только тех, у кого не было ни опекунов, ни родителей.

Когда вы сказали о депортации детей в Мариуполь, меня пробрала дрожь. Мы знаем, что случилось с городом после этого.

Да, но как раз в тот момент, когда началось вторжение, все автобусы с детьми уже покидали Мариуполь и направлялись в Киев. Им удалось вывезти 25 детей вместе с их семьями, включая некоторых родителей. Последний автобус с детьми в бронежилетах уже отправился в путь, когда по ним стреляла артиллерия.

Значит, гуманитарный транспорт в последнюю минуту?

Все дети были эвакуированы в Польшу. Когда ситуация под Киевом стала напряжённой и появилась угроза нового наступления русских, было принято решение вывезти детей в безопасное место. Во время эвакуации из Мариуполя дети были одеты в бронежилеты, чтобы защитить себя от возможных опасностей. По пути следования колонна встречала войска, готовые к бою: как российские, так и украинские военные были настроены дать отпор.

Где вы тогда были?

За месяц до начала военных действий я уже находился в Польше, когда узнал о том, что мне должны прислать из Украины доски от ящиков с боеприпасами, на которых я смогу написать иконы. Их планировалось продать на благотворительном аукционе. Доски прибыли 23 февраля 2022 года. На рассвете 24-го мне позвонила монахиня и сообщила о начале войны. Я напомнил ей, что в Украине война уже идёт семь лет. В ответ я услышал, что на Киев наступают, а Мариуполь бомбят. Не в силах оставаться в неведении, я решил поискать информацию в интернете. Прочитав новости, я сразу же связался с друзьями, чтобы узнать, всё ли у них в порядке. Мой друг Владимир позвонил мне и сказал, что им нужны деньги на топливо, так как возникли проблемы. Я поспешил им помочь.

Значит, в январе 2022 года вы все еще находились на востоке Украины?

Да, я был в Мариуполе, помимо других мест. Мы закупили 10 тонн пеллет, чтобы обеспечить теплом детей на зиму. Польский посол оказал финансовую поддержку в приобретении пеллетной плиты для «Ковчега». Таковы были наши планы и действия на тот момент.

Было ли в то время ощущение, что может произойти вторжение?

Ковчег находился в десяти километрах от линии фронта. Мы были хорошо знакомы с солдатами — снайперами, которые часто ходили на передовую, и бойцами, служившими на блокпостах. Они постоянно участвовали в боях, но мы не осознавали, что готовится что-то настолько серьёзное.

Вторжение начинается, и какова ваша первая мысль?

Я хотел помочь, желательно в качестве спасателя. Однако знакомые генерал и полковник сразу же запретили мне это делать. "Вы умрете здесь. Из Польши ты нам больше

поможешь", — сказал мне полковник. Мы начали собирать информацию о том, что нам нужно. Я не концентрировался на том, где находится армия и как идут боевые действия, а занимался благотворительностью. Также я общался с поляками в Украине, включая тех, кто живёт на востоке страны. В марте я отправился в путь с двумя автобусами пожертвований. Когда мы прибыли на пограничный переход Краковец, нас поразило огромное количество беженцев. Они стояли в длинных очередях и мерзли на холоде. Чтобы добраться до нужных складов помощи, мы проехали через Украину под прикрытием украинской армии. Это было очень приятно, потому что мы сразу же получили разрешение, без каких-либо бюрократических проблем. Мы ехали по сигналам и везли медикаменты и другие грузы на сумму 300 000 злотых. Повсюду были люди с оружием. Затем я связался с Христианской службой спасения, и поездки стали регулярными — раз в два месяца, в восточную Украину. Было трудно оставаться в стороне, когда многие знакомые и друзья там борются. Я также хотела передавать пожертвования напрямую, потому что боялась, что они могут не дойти.

Я сам помню, что существовало неписаное правило: пожертвования не оставлять во Львове, а отвозить как можно ближе к линии фронта, потому что именно там они попадут к тем, кто в них нуждается.

Когда мы были уже под Львовом, то, если и оставляли кому-то помощь, то только доверенным людям, которые, как нам было известно, доставят её по назначению. На обратном пути мы забирали этих людей. Нам приходилось ехать как можно дальше, потому что сразу же поступали сигналы о том, что подарки не доставлены и заблокированы на складах.

Какие направления вы выбрали в 2022 году?

Я был в разных местах: под Одессой, под Запорожьем, на востоке Украины и под Киевом — в Буче и Ирпене. Мои друзья служили в разных бригадах, и мы отправлялись туда, куда они могли нас взять. В числе прочего, я был на знаменитой дамбе на Днепре, которую потом взорвали русские. Мы также помогали в районе Кривого Рога и Днепра. К сожалению, я не могу точно назвать все места, где мы были.

Вы были в окрестностях Херсона?

Город был уже захвачен русскими, но мы продолжали двигаться в сторону Херсона. Наша задача заключалась в оказании помощи солдатам. Они передавали нам собранные вещи, чтобы мы отнесли их жителям окрестных деревень, поскольку у армии не было времени на такие дела из-за необходимости сдерживать наступление русских. Иногда люди в панике прогоняли нас, опасаясь, что мы можем вызвать обстрел. Они были настолько напуганы, что даже не замечали наш автобус. В некоторых случаях нам приходилось просто останавливаться на дороге и ждать, пока кто-то придёт на помощь. Я могу сравнить эту ситуацию с ситуацией в Херсоне, поскольку был рядом с городом, когда русские прорвали дамбу. Кстати, когда они стреляли за Днепром, они подтвердили наличие у них запрещённых снарядов «Град», которые наполнены шрапнелью — гвоздями, заканчивающимися дротиками. Это многое говорит о них. Мы помогали как жертвам наводнения, так и жертвам войны. Когда я говорю «мы», я имею в виду всю киевскую Христианскую службу спасения, которая стала огромной гуманитарной организацией.

Что говорили люди после освобождения Херсона?

Мы увидели ферму, на которой русские организовали свою базу. Это было что-то вроде ангара для свиней. Они привезли туда всё наворованное: холодильники, стиральные машины, бытовую технику и даже нарезанную еду. Лагерь русских не был подготовлен должным образом. Они даже не убрали за собой. И в этом же месте они спали, служили и жили.

Они не успели забрать бытовую технику?

Им пришлось бежать, а тащить холодильник — это довольно тяжело (смеется). Среди них были и более чистоплотные солдаты, потому что мы видели окопы, в которых сушились выстиранные трусы (смеется). Отступая за Днепр, русские оставляли всё. Они просто убегали. Проезжая через этот район, вы видели разбитые дома, церкви, здания, неразорвавшиеся ракеты, воткнутые в землю. Не было ни воды, ни электричества. Русские даже выносили в окопы манекены из магазинов. Мы даже находили в окопах шахматные фигуры. Они вывозили всё. Это было ужасно.

Вы смотрели на все это и что вы думаете?

Жестокость, проявляемая русскими, вызывает изумление. Как можно быть настолько бесчувственными? Такие места, как Буча, напоминают нам об этом. Люди становятся тихими и не хотят ни с кем разговаривать. Они молятся, чтобы это никогда не повторилось и не коснулось нас. Под Херсоном, в одном из освобождённых сёл, украинский военнопленный нацарапал на стене в подвале молитву «Отче наш». Его держали там и подвергали пыткам. Если в человеке есть вера и любовь, они будут проявляться в нём до конца, несмотря ни на что.

Давайте поговорим о более поздних месяцах войны. Большая битва в конце 2022 - начале 2023 года произошла за Бахмут. Вы путешествовали и туда?

Да, настолько близко, насколько это было возможно. Мы отправляли туда медикаменты и бинты. Бахмут запомнился мне невероятной волей и мужеством украинских солдат, которые отстояли это место и оттеснили русских. С одной стороны, это было зрелищно, а с другой — это было серьёзное испытание. Русские разрушили этот город. Я видел неопубликованные кадры с беспилотника, на которых бои были запечатлены почти в реальном времени. Это было ужасно. Я восхищаюсь героизмом таких людей, как Дамиан Дуда, которые находились там и помогали.

Вы - светский военный священник. Как бы вы охарактеризовали таких людей?

В Христианской службе спасения вы можете стать капелланом, не обязательно имея священническое образование. В целом, вся служба делится на несколько подразделений: спасатели, миротворцы, врачи и молитвенники. Задача капелланов — оказывать духовную поддержку через молитву и личное присутствие. Это также первая помощь в виде бесед, в которых нуждаются солдаты, даже если не учитывать их евангелизационные цели.

Что это за ситуации?

Позади нас, на фронте, проезжала машина с так называемым складом или магазином. Вдруг я заметил на мосту мальчика — украинского солдата. Он был без оружия, но в полном обмундировании. Мы поняли, что он собирается прыгнуть с моста. Командир спросил нас: «Что же теперь делать?» Я схватил конфету, выскочил из машины и побежал к нему, крича: «Музик, не фыркай, у меня есть конфеты для бабушки!» Я хотел отвлечь его от мрачных мыслей. В руках у меня были «ромашки» — мои любимые конфеты из Украины. Он был озадачен, посмотрел на меня и взял конфеты. Мы видели, что он хотел покончить с собой, и таких людей было много.

Страдают ли украинские ветераны посттравматическим стрессовым расстройством?

Украинские солдаты звонят нам, когда оказываются в критической ситуации. Иногда они уже держат пистолет у виска и говорят, что не могут продолжать. В такие моменты мы стараемся отговорить их от мыслей о самоубийстве. К счастью, мне ещё не приходилось сталкиваться с тем, чтобы кто-то покончил с собой после подобного звонка. Однако таких звонков становится всё больше, и оказание психологической помощи на месте становится всё более сложной задачей.

Вы тоже прошли через посттравматическое стрессовое расстройство, так что, думаю, вы лучше понимаете этих парней.....

Я применяю те же методы, что и на том мосту. Необходимо прервать порочный круг негативных мыслей. Человек, находящийся в плену этих мыслей, должен отвлечься. Порой это может быть сложно. Можно попросить солдата проверить, есть ли в присланной ему помощи необходимые вещи, и ему придётся действовать и заниматься делами. Или же можно поручить ему пересчитать боеприпасы. Но самое важное — это изменить его мышление. Нельзя вступать в диалог с этими мыслями. «Не совершай самоубийство, потому что ты мне дорог» — такие слова не помогут. Необходимо твёрдо потребовать, чтобы он сосредоточился на чём-то другом. Не нужно утешать его, говоря: «Ты выдержишься, ты справишься». Важно переключить его мысли на что-то другое. Если ситуация становится критической, следует связаться с его начальником, чтобы тот был в курсе происходящего в подразделении. Необходимо убедить солдата обратиться к своему командиру, чтобы ему приказали заняться чем-то другим. Это поможет предотвратить накопление негативных мыслей.

По каким причинам украинские солдаты могут сломаться?

Причины могут быть разными. Некоторые люди не могут справиться с тем, что их подруги или жены не понимают их. Бывает, что женщина звонит мужу и говорит: «Ты не прислал мне денег на то-то и то-то». А муж в это время сидит в 50 метрах от врага и должен стрелять. Это огромный контраст. Или же они видят, как умирают их коллеги. Когда они сталкиваются с этим впервые, это очень тяжело. Затем наступает истощение. На войне, в зоне боевых действий, невозможно нормально спать. Это очень утомительно для человеческого организма. Эмоции работают гораздо сильнее, человек голодает, недосыпает и нервничает. А когда его выводят в тыл, он не может спать и нервничает ещё больше. Они подавлены и думают об отставке. У офицеров есть традиция: они не могут

показать слабость перед своими солдатами. Поэтому, если они и плачут, то только в глуши, чтобы никто не видел.

В течение 10 лет вы наблюдали за поколениями украинцев, служивших в окопах. Как бы вы их охарактеризовали?

В первом военном поколении часто встречались солдаты, которые уже давно служили в армии, воспринимая её как работу. Они приходили в часть в определённое время, а потом уходили домой. И вот началась война. Я познакомился со многими офицерами, такими как генерал Собко и полковник Ганганчарук. Они были настоящими профессионалами, посвятившими себя войне. В хорошие дни было видно, что они готовы к любым испытаниям, и война не сломила их. Однако были и те, кто пришёл в армию по призыву. Среди них были молодые добровольцы, которые компенсировали недостаток подготовки своим патриотизмом. А некоторые стали солдатами по воле случая. К 2022 году украинская армия сильно изменилась. Было очевидно, что она справилась с поставленной задачей. Появилась новая организация, техника и вооружение. В 2022 году в бой шли хорошо обученные солдаты, а рядом с ними — добровольцы, которые хотели воевать и защищать свою страну. В 2024 году, во время мобилизации, ситуация изменилась. Подготовка сократилась до четырёх недель, тогда как по стандартам НАТО она должна составлять минимум четыре месяца. Молодой человек, который раньше думал только о дискотеках и девушках, попав на фронт после такой подготовки, может оказаться в двух группах: «Фанатики» — те, кто тренируется, задаёт вопросы, общается с командирами и старшими товарищами, учится военному делу. «Дежурные» — те, кто считает, что раз они в армии, то будут делать то, что велят. Боевой дух солдат падает, когда они читают о скандалах со взятками и другими проблемами. Это тяжёлая ситуация для них.

Чем вы сейчас занимаетесь в Украине?

Для чего я нужен. В Польше я провожу аукционы икон, созданных на ящиках с боеприпасами, и собираю средства для нуждающихся. В Украине я посвящаю своё время солдатам, разговариваю с ними и стараюсь оказать им поддержку. Сейчас моя работа заключается в основном в посещении, слушании и молитве. Иногда я даже помогаю подготовить тела погибших к их последнему пути, когда они возвращаются домой в гробах. И, конечно, я оказываю максимальную поддержку нашим «мариупольским детям», которые уже вернулись в Украину из Польши. К сожалению, в последнее время мои поездки стали менее частыми из-за снижения финансовой поддержки подобных акций.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Якуб Балабан, основатель движения Humanosh Med Evacuation

9. "МЫ БЫЛИ МЕДИЦИНСКИМИ ПАРТИЗАНАМИ".

- Беседа с Якубом Балабаном, первым организатором польской медицинской эвакуации в Украине. Интервью с Мацеєм Шопой

Каждую неделю в аэропорт Жешув-Ясёнка прилетал один из самых больших в мире самолётов для медицинской эвакуации — А310, принадлежавший Люфтваффе. За один раз он мог принять около 40 пациентов. Чтобы перевезти 40 больных и раненых из Украины в Польшу, нам требовалось не менее 20 автомобилей. Во время работы в Украине мы неоднократно встречали иностранные команды, которых мы называли «Международная команда». Когда работаешь вместе на улице, быстро заводишь знакомства и друзей. Поэтому мы начали координировать деятельность всех команд. В апреле и мае в автоколоннах участвовали польские, украинские, чешские, немецкие, французские, британские и американские машины скорой помощи. Они следовали под нашей эгидой и под нашей координацией.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ОСЕНЬЮ 2022 ГОДА.

Мацей Шопы (Первая польская группа эвакуации в Украине — исторический очерк):

История Якуба Балабана — это не обычная история человека, который отправился в Украину, чтобы воевать или оказывать медицинскую помощь в прифронтовой зоне. Однако это не менее захватывающая история о создании движения, которое и по сей день спасает сотни, если не тысячи жизней. Мой собеседник — основатель фонда Humanosh Med Evacuation, который только за первые месяцы 2022 года перевез более 2000 раненых из Украины в аэропорт Жешув-Ясёнка. Эти люди — гражданские лица, пострадавшие от бомбардировок, и солдаты — зачастую не имеют шансов на лечение в Украине. Однако доставка в Ясинку, к ожидающим самолетам, означала быструю транспортировку в специализированные больницы по всей пострадавшей от войны Европе и доступ к высокотехнологичной помощи. Всё началось с небольшой группы работников скорой помощи, которые, реагируя на происходящее, смогли собрать средства на первую машину скорой помощи и начали перевозить тяжелораненых в Польшу. Это история растущего движения, которое со временем стало международным, и вместо отдельных машин раненых стали доставлять целыми колоннами к ожидавшим их большим самолетам. Изначально движение забирало людей из госпиталей на западе Украины, но со временем переместилось ближе к фронту и создало подразделение медицинской эвакуации "Авангард", которое спасало жизни в прифронтовой зоне и проводило обучение украинских медиков. Это интервью, взятое для сайта Defence24 в рамках проекта "Осень 2022", охватывает период с февраля по сентябрь.

Мацей Шопа: При каких обстоятельствах вы начали заниматься медицинской эвакуацией в Украине? Что послужило толчком?

Якуб Балабан: Когда началась российская агрессия против Украины, я работал в авиационно-спасательном и координационном центре временного госпиталя Министерства внутренних дел и администрации в Варшаве. Спустя несколько дней мы организовали поезд MSWiA для перевозки раненых украинских граждан на территорию Республики. Я сразу же осознал, что возникнет проблема с доставкой пациентов в наши польские медицинские учреждения. В условиях вооруженного конфликта большая часть медицинского, спасательного и санитарного транспорта направляется в зону боевых действий, где происходит наибольшее количество жертв. В результате в тылу ощущается нехватка транспортных бригад, к тому же медицинскому персоналу запрещено покидать границы своей страны. Поэтому я принял решение создать группу добровольцев для проведения медицинских эвакуаций. Я не мог оставаться в стороне от ситуации, которая разворачивалась так близко к границам моей родины.

Сложно ли было организовать такое мероприятие?

У меня не было опыта в гуманитарной помощи и волонтерстве, но я был полон решимости изменить ситуацию. Прежде всего, мне нужны были средства на покупку машины скорой помощи. Мои близкие друзья и подруга поддержали меня и связали с фондом Orlen. Они поручились за меня, и фонд выразил готовность пожертвовать 100 000 злотых на эти цели. Однако, как частное лицо, они не могли предоставить мне деньги напрямую. Тогда я обратился в фонд Humanosh, который уже имел опыт в оказании гуманитарной помощи Беларуси и Украине. Мы быстро пришли к соглашению о том, что я создам медицинское подразделение в рамках фонда. Благодаря этому соглашению, фонд "Орлен" выделил необходимые средства, и я смог приобрести две старые машины скорой помощи. Хочу также выразить огромную благодарность фонду, который постоянно предоставляет моей группе новые машины скорой помощи.

А вы сразу поехали в Украину?

Да, 10 марта мы впервые пересекли границу. Мы не были уверены, что нас ждёт за ней, и не могли скрыть своего страха. Мы общались только с одним человеком из Львова, который должен был предоставить нам жильё. Но одно я помню точно: я никогда не был так решительно настроен. Когда мы перешли границу и увидели, что происходит на той стороне, я понял, что принял верное решение.

Кто был с вами в той первой поездке?

В моей первой поездке меня сопровождал коллега из ЛНР, а также врач с большим опытом работы в условиях боевых действий, участвующий в медицинской эвакуации.

Вы знали, на кого идете?

В нескольких километрах от границы мы получили звонок от фонда «Humanosh». К ним обратились люди, которые сообщили, что в гражданском автомобиле из Киева во Львов везут мужчину, упавшего с балкона. У пациента был паралич нижних конечностей, и он

находился в септическом состоянии. Требовалась срочная доставка в больницу. Мы аккуратно закрепили пациента и перевезли его через границу. Вызвали польскую службу скорой медицинской помощи и вернулись во Львов за другим пострадавшим.

А для второй машины скорой помощи кого вы взяли?

Человек, страдающий от гемипареза в результате инсульта. В машине скорой помощи очень важно иметь достаточно свободного места, ведь мы перевозим не только пациентов, но и членов их семей. Часто это не один человек, а супруги, дети, а иногда даже собаки. И, конечно, багаж. Я бы никогда не стал заниматься такой работой в Польше, потому что там всё по-другому. Там происходят трагедии, затрагивающие целые семьи. Правила, стандарты и процедуры, к которым я привык, не всегда работают в условиях войны. Приходится импровизировать, адаптироваться к ситуации и стараться понять наших пациентов. Сопереживать им. Я бы тоже отказался от медицинской эвакуации, если бы бригада скорой помощи не взяла на борт моего верного пса. Разве я могла бы оставить его на улице? Позволила бы ему умереть от тоски? Никогда. А наши пациенты иногда теряли целые семьи и дома. Помню, как мы забирали девочку после ракетного обстрела. Ей ампутировали конечности, а мама тоже получила ранения. В больнице у неё был только один пластиковый пакет. Я спросила, всё ли это, потому что у меня был ещё один багаж на примете. Она ответила: «Это всё. Это всё, что у меня осталось». Она посмотрела на свою дочь и на один пластиковый пакет с личными вещами.

Вы прогнали их, и что дальше?

С каждым днём количество заказов, которые мы получали, стремительно росло. У нас не было государственного финансирования, но фонд «Humanosh» привлекал средства от различных учреждений и частных доноров. Когда нам удавалось собрать больше денег, мы покупали дополнительные машины скорой помощи. К концу марта у нас уже было пять таких автомобилей. Я создал в Украине польскую базу медицинской помощи и наладил неофициальное сотрудничество со Львовской службой скорой помощи. Каждый день мы получали информацию о необходимости транспортировки раненых в польские госпитали. Эти данные поступали как из структур Министерства здравоохранения Украины, так и с территории Польши. К нам обращались различные учреждения, и информация о том, что мы занимаемся медицинской эвакуацией, быстро распространялась. Это было невероятно напряжённое время. Мы были вынуждены постоянно действовать, принимать решения и реагировать. Мы почти не ели и не спали. Всё наше время было посвящено транспортировке раненых.

Откуда вы берете пациентов? Только из Львова или вы выезжаете и в прифронтовые районы?

В нашем бизнесе есть несколько структур, которые реализуют разнообразные проекты. Самый крупный из них — это массовые медицинские перевозки из Львовской области. Львов — это медицинский центр, куда раненых доставляют поездами и машинами скорой помощи. Из львовских больниц пациентов перевозят в аэропорт Жешува, где приземляются эвакуационные самолёты из Европы. Они доставляют пациентов в больницы

в странах ЕС и за его пределами. Ещё один проект нашего фонда — это работа медиков в зоне обстрела. Они занимаются медицинской эвакуацией и стабилизацией.

Значит, у вас есть и боевые спасатели, которые отправляются в зону боевых действий, чтобы обеспечить безопасность военнослужащих в районе операций. Эти люди также подчиняются вам?

Наша группа является настоящим образцом многообразия, что особенно важно в условиях войны. Мы обладаем всеми необходимыми навыками для оказания первой помощи, включая работу парамедиков, фельдшеров, медсестёр и врачей. Некоторые из наших специалистов имеют боевой опыт. Из числа этих опытных бойцов я сформировал группу спасателей, которая работает в жёлтой и красной зонах. Эта группа получила название «Авангард». «Авангард» тесно сотрудничает с местными властями, собирая информацию о том, где наши силы и средства наиболее востребованы. Они поддерживают связь с местными и передовыми подразделениями, согласовывая их потребности. Если в подразделении возникает необходимость в медицинском сопровождении, «Авангард» готов прийти на помощь. В случае, когда требуется транспортировка раненых солдат в ближайший полевой госпиталь, медики «Авангарда» выполняют свою работу на автомобилях. В прифронтовой зоне это уже не привычные машины скорой помощи, а пикапы, внедорожники и фургоны, такие как VW T4.

Эти боевые медики находятся там постоянно?

Несколько недель, а иногда и месяцев.

Сколько человек участвует в вашей деятельности?

В нашей группе сейчас около 70 человек. Ситуация усложняется тем, что у многих из нас есть семьи и профессиональные обязанности в Польше, и мы должны как-то совмещать всё это. Поэтому мы организовали дежурства на львовском вокзале с понедельника по субботу. В каждой команде по два человека, плюс координатор перевозок. Мы стараемся осуществлять одиночные перевозки или другие медицинские мероприятия. Если возникает необходимость организовать более крупный транспорт, конвой, мы отправляем дополнительные команды из Польши. Они находятся в режиме ожидания каждый день и прибывают на станцию во Львове, откуда разъезжаются по Украине.

В режиме ожидания, то есть эти люди будут жить и работать в обычном режиме?

Да.

Вы также делитесь своими знаниями на местном уровне? Проводите ли вы медицинское обучение?

Я хотел бы подчеркнуть, что мы приехали туда как гости. Мы не занимаем там лидирующие позиции. Мы помогаем, если об этом просит хозяин. Поэтому, когда возникала необходимость в обучении, мы незамедлительно предоставляли свою помощь. Мы организовали множество курсов для военных подразделений, которым требовалась

поддержка в использовании современного медицинского оборудования и мануальных техник.

Как быстро развивался ваш бизнес?

Очень быстро мы достигли значительных успехов. Настоящим прорывом стало наше участие в проекте по эвакуации онкобольных и нефрологических детей. Все больше людей обращались к нам за помощью, и мы формировали одну или две автоколонны в неделю, в которых участвовало до десяти машин скорой помощи и десятки пациентов. Кроме того, мы занимались транспортировкой практически каждый день. С ростом числа пациентов нам требовалось все больше машин скорой помощи и квалифицированных медиков для их перевозки. В этой связи я начал сотрудничать с коллегами, управляющими службами санитарного транспорта, а также с фондами, связанными с парамедицинским сектором. Мы договорились, что они предоставят нам свое оборудование и специалистов, а мы компенсируем их расходы. Так ко мне присоединились такие организации, как спасательно-поисковая группа "Легион Герард", Фонд "Первый помощник", Фонд поддержки спасателей РК, Силезская медицинская миссия, Medyk 24 и ATMA. Кроме того, мы сотрудничали с Nord Ambulans, Integrated Rescue Service, Fortior Foundation, Folkowisko Foundation, OSP Zielonka и Search Group S12. На постоянной основе мы взаимодействуем с Medical Mission EU/UA. Из этого сотрудничества возникла компания Humanosh Med Evacuation.

Все это время это была некоммерческая деятельность?

Что касается финансирования, то все расходы были покрыты фондом Humanosh. В то же время мы вели переговоры с Всемирной организацией здравоохранения о нашем сотрудничестве и, соответственно, о финансировании. Однако, как известно, если крупная международная организация хочет дать нам деньги, мы должны соответствовать определенным требованиям. Поначалу наша деятельность напоминала медицинскую партизанщину. Переговоры с ВОЗ длились около трёх месяцев. И вот, наконец, с 9 сентября фонд Humanosh не только собирает деньги, но и значительная часть суммы перечислена нам ВОЗ. Я хотел бы подчеркнуть, что с 10 марта по 9 сентября все медики работали как волонтеры. То есть в течение шести месяцев. Шесть месяцев напряженной работы в зоне вооруженного конфликта — это невозможно себе представить. Я с уважением и благодарностью отношусь ко всем людям, которые последовали за мной, чтобы доставить медицинскую помощь в Украину. Я хотел бы воспользоваться этой возможностью и поблагодарить их за то, что они сделали и продолжают делать.

Вы работаете исключительно с поляками?

В апреле мы приступили к организации крупных конвоев по заказу Министерства здравоохранения Украины. Раз в неделю в аэропорт Жешув-Ясёнка прилетал один из самых крупных в мире медицинских эвакуационных самолетов A310, принадлежавший Люфтваффе. За один рейс он мог принять около 40 пациентов. Чтобы перевезти 40 больных и раненых из Украины в Польшу, нам требовалось не менее 20 автомобилей. Во время работы в Украине мы часто встречали иностранные команды, которых мы называли «Международная команда». Когда люди работают вместе на улице, они быстро заводят

знакомства и становятся друзьями. Поэтому мы начали координировать деятельность всех команд. В автоколоннах, которые мы организовывали в апреле и мае, участвовали машины скорой помощи из Польши, Украины, Чехии, Германии, Франции, Великобритании и США. Они следовали под нашей эгидой и координировались нами.

Что случилось с пациентами, оказавшимися в самолете?

Их направляют в больницы в странах ЕС и за его пределами. Этот процесс осуществляется в рамках международной программы CESIS, которая находится под контролем Европейской комиссии по гражданской обороне и других учреждений ЕС, а также Всемирной организации здравоохранения.

Как случилось, что вы стали главой этой межнациональной конвойной группы?

Возможно, я был скорее координатором, чем руководителем, но именно в тот момент, когда нам впервые было поручено перевезти почти 40 человек к немецкому самолету, я осознал свою роль. Я собрал все доступные машины скорой помощи: свои, друзей и международную команду. В назначенное время мы подъехали к госпиталю во Львове. Там нас ожидало 20 машин скорой помощи, а также 40 пациентов и их семьи. Я понял, что для эффективной работы нам необходим координатор. Необходимо было выяснить, у кого какие травмы, какие медицинские процедуры им требуются, как подготовить пациентов к транспортировке и какая машина скорой помощи лучше всего оборудована и укомплектована необходимыми медиками. Я помню, как принял решение перед больницей и произнес: "Хорошо, я буду проводить первичный осмотр и передавать вам пациентов в машины скорой помощи". Все согласились. В нашей команде были профессионалы, которые понимали, что только так мы сможем справиться с задачей управления колонной из десятков машин скорой помощи. Нам был нужен лидер, и я стал им.

В чем заключаются самые большие трудности и риски?

Самая большая сложность — адаптация наших профессиональных навыков к медицинским операциям в зоне боевых действий. Многие медицинские процедуры, которые успешно применяются в Польше, могут оказаться неэффективными в условиях конфликта. Мы должны быть готовы к тому, что военные условия могут меняться. Мы не можем быть уверены, что всё, что хорошо работает в Польше, будет столь же эффективным в Украине. Однако мы приобрели ценный опыт и стремимся поделиться им с нашими соотечественниками.

Что это за опыт?

Мы сталкиваемся с необходимостью переоборудования и адаптации техники. Наши перевозки занимают несколько часов, и мы путешествуем в колоннах, насчитывающих около 20 автомобилей. Пересекая границу, мы выезжаем в колонне, но это не похоже на ситуацию в Польше. В Польше дороги безопасны, прямые и без выбоин, что позволяет нам двигаться быстро. Мы формируем колонну по принципу «левый-правый», чтобы водитель скорой помощи имел больше пространства перед собой. Однако в Украине это не всегда возможно, поскольку если один водитель попадает в яму, в неё может въехать другая

машина скорой помощи. И таких нюансов очень много. Знаете ли вы, как проехать через блокпост в Польше? Почему в польских городах сегодня нет таких учений? Почему водителей не учат, что при приближении к блокпосту ночью нужно выключить ближний свет фар, включить освещение кабины и положить руки на руль? В такой ситуации нет оправдания тому, что мы ведём машину скорой помощи или гражданский автомобиль. Мы должны вести себя именно так. В целях безопасности. Кто-нибудь в Польше заклеивает скотчем полосу светового сигнала машины скорой помощи в колонне? Световые сигналы ночью ослепляют водителя в течение семи часов движения. Это может привести к аварии. На российской границе, напротив, мы заклеивали на ночь ближний свет и габаритные огни. Также стоит упомянуть о логистике. Когда мы заезжали в Бучу или Ирпень, топлива по дороге не было. На борту медицинского отсека у нас есть по две-три полные канистры. Кроме того, у нас есть инструменты, с помощью которых мы можем отремонтировать проколотое колесо. Ведь по дороге нам никто этого не сделает. Эвакуатор не приедет. Мои медики должны не только безопасно управлять машинами скорой помощи, иногда по несколько часов подряд, чтобы оказать медицинскую помощь. Они также должны знать, как ремонтировать машины скорой помощи. Ещё один важный вопрос — как правильно вести себя во время ракетной тревоги? Где остановиться, где занять позицию, где найти укрытие? Этих тем много, но самое главное — это сотрудничество с местными властями, территориальными подразделениями, полицией и солдатами. Я должен подчеркнуть, что во время инспекций реакция на наше присутствие всегда была очень позитивной. Мы находимся там уже семь месяцев, и каждый раз местное население и силовые структуры помогают нам, благодарят за приезд и просят продолжать нашу деятельность.

Это доверие, которое вы заслужили.

Конечно же, это так. На первой встрече всегда есть элемент неопределённости. Мы не знаем, сможем ли доставить пациента и надёжно его закрепить. Но всего через несколько недель мы доказали, что выполняем свою работу на высоком профессиональном уровне. На сегодняшний день, согласно официальным спискам пациентов Министерства здравоохранения Украины, мы перевезли около 1500 человек, а также около 800 в рамках деятельности фонда. Каждый пациент был доставлен в целости и сохранности.

Никто не знает, когда закончится война. Что дальше?

Мы стремимся к расширению наших возможностей, чтобы организовывать медицинские перевозки из разных уголков Украины, а в будущем и из других зон боевых действий. С приближением зимы критическая инфраструктура находится под угрозой. Нет ни электричества, ни отопления, ни горячей воды. Это касается и больниц. Ситуация будет ухудшаться в течение зимы, и я прогнозирую, что вскоре нас попросят организовывать более крупные конвои на большие расстояния. Возможно, нам придется эвакуировать целые больницы. Это будет сложнее. Мы знаем об этом и готовимся к этому. Но мы заверяем наших друзей в Украине, что не сдадимся. Мы с вами.

Спасибо за интервью.

Иллюстративное фото, Калиновский полк/Социальные сети Белвариорс

10. "ОТ РЕПРЕССИЙ В БЕЛАРУСИ К ОБОРОНЕ СЕВЕРОДОНЕЦКА".

- Интервью с Сяархеем, ветераном Калиновского полка. Интервью взял Михал Брушевский

В нас стреляли даже боевые вертолёты, и они начали обстреливать нас белым фосфором. Я думаю, что это были снаряды или гранаты, наполненные белым фосфором, а не ракеты или сброшенные заряды. Когда такой снаряд или граната падает, он выпускает белый фосфор, который, вспыхивая, сжигает всё на своём пути. Мы видели, как это происходит. Это было странное и завораживающее зрелище: стена белых облаков и искр, всё это мерцало. Однако мы не смогли долго наслаждаться этим видом, потому что начали задыхаться. У нас щипало глаза от дыма.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ВЕСНОЙ 2024 ГОДА.

Михал Брушевский (Битва за Северодонецк - исторический очерк):

Сярхей, белорусский оппозиционер, уже много лет живёт в Польше. Как и многие другие белорусы его поколения, он столкнулся с преследованиями со стороны режима Александра Лукашенко и решил бороться за свои права с оружием в руках. Сярхей вступил в легионы, сформированные его соотечественниками в Украине. Для белорусской оппозиции Киев стал естественным направлением политической эмиграции. В Украине они могут участвовать в борьбе с российскими оккупантами, с которыми сотрудничают нынешние белорусские власти. В 2022 году белорусские добровольцы привлекли внимание международной прессы благодаря Северодонецкой битве. Сярхей прошёл почти весь боевой путь сначала в Калиновском батальоне, а затем в Калиновском полку во время оборонительной кампании 2022 года. Однако больше всего в нашей беседе мы говорили о Северодонецке. В апреле 2022 года русские решили сосредоточиться на ударах в Донбассе. Они только что проиграли Киевскую битву и отдали приказ об отступлении из-под столицы Украины. Они потерпели поражение на северном фронте и пытались наверстать упущенное в Донбассе, который казался им более лёгкой добычей. Мариуполь к тому времени находился в полной осаде, а у местного гарнизона заканчивались боеприпасы и медикаменты. Капитуляция города была лишь вопросом времени. Похоже, что в конце февраля – начале марта Кремль пересмотрел свои оперативные планы, чтобы поглотить всю Украину (или, возможно, оставить только украинский "Пьемонт" – кадуцейное государство на западе Украины). Вооружённое сопротивление Украины подтвердило нереальность амбиций Владимира Путина на этом этапе войны. Однако это не означает,

что в долгосрочной перспективе Кремль отказался от этих планов. Основные военные усилия России были сосредоточены на востоке Украины. Более того, Кремль поспешно искал пропагандистский успех на фронте. Целью Москвы было заявить всему миру о полном контроле над Луганской областью. Поэтому русские усилили наступательные действия на Северодонецк, Попасную, Рубежное и Славянск. 19 апреля они захватили Кременную, а через неделю – Рубежное. Население Северодонецка перед войной составляло около 100 000 человек. Там располагался химический завод "Азот". Битва за Северодонецк длилась с 6 мая по 23 июня, в ходе которой русские разрушили 90% городских зданий. Город разделил судьбу Мариуполя с точки зрения его архитектурной структуры. Стратегия русских была схожей: они пытались окружить Северодонецк вместе с Лисичанском, который лежал за рекой Донец. Последний город они захватили 3 июля. Как и в других боях, для захвата Северодонецка русские собрали объединённые силы. В них вошли отряды так называемой Луганской народной республики, кадыровцы из формирования "Ахмат" и набирающая силу группа Вагнера. Оборона Северодонецка была интернациональной, сюда были направлены Международный легион территориальной обороны, батальон Калиновского полка и другие легионы, сформированные из иностранных добровольцев. Калиновский полк – это формирование добровольцев-белорусов. В основном он набирается из политических изгнанников, покинувших Беларусь из-за репрессий. Белорусские оппозиционеры активно участвовали в изменениях в Украине, таких как Евромайдан, а также воевали в 2014-2022 годах на востоке Украины. Покровителем формирования является Винцент Константин "Кастусь" Калиновский, офицер Январского восстания и польско-белорусский герой XIX века. В апреле 2022 года батальон объявил, что получил тысячи заявок. 21 мая 2022 года он официально вырос до полкового состава. В 2022 году в его состав вошли линейные батальоны "Волат" и "Литовец" – в честь погибших сослуживцев. Иван "Брест" Марчук, один из основателей батальона и офицер батальона, пал в боях за Северодонецк-Лисичанск. Несмотря на то, что в западной прессе появилось немало мнений, низко оценивающих международные войска в Украине, Калиновский полк отличается сильным чувством дружбы. Добровольческое формирование, о котором идёт речь, набирает только белорусов и полагается на отбор. Оно также вооружено западным оружием: британскими пусковыми установками NLAW, немецкими пулеметами MG3 и американскими 60-мм минометами M2. Бойцы формирования Калиновского сражались в самых важных битвах войны: обороне Киева, Северодонецка и Бахмута. При обороне столицы Украины погиб Алексей "Тур" Скобля. Президент Украины Владимир Зеленский посмертно присвоил ему звание Героя Украины.

Михал Брушевский: Многие белорусские добровольцы, оказавшиеся в Украине, ранее подвергались репрессиям со стороны режима Лукашенко. Вы начинали так же?

Сиархей, ветеран Калиновского полка: Я принимал участие в демонстрациях демократической оппозиции, в том числе против попытки властей осквернить мемориал убитых НКВД в Корпатах, расположенный под Минском. Александр Лукашенко хотел отдать эти территории застройщикам. Жертвами убийств в Куропатах были как белорусы, так и поляки — все они стали жертвами советского режима. В 2017 году меня задержали на сутки. Я уже тогда понимал, что становлюсь «нежелательной персоной» в Беларуси, и решил бежать. Я отправился в Польшу. С 2014 года Россия активно вмешивалась в дела

Украины. Я предвидел, что в конце концов начнется «горячая» война с Россией. Я знал, что Россия враждебно относится к Польше и Украине и не питает дружеских чувств к белорусам. Именно это побудило меня отправиться воевать на Украину.

Когда вы отправились воевать на Днепр?

Сначала я поехал в Польшу, но уже летом 2017 года понял, что должен принять участие в боевых действиях. Я присоединился к батальону так называемой Добровольческой армии и сражался на Донбассе против так называемой «Донецкой республики». Интересно, что в нашем батальоне, помимо украинцев, служили и иностранные граждане. Среди них были и поляки, но они были в других подразделениях.

Заслуживающей внимания темой, касающейся боевых действий с 2022 года и далее, является участие русских... в защите Украины. В эпоху Легиона Свободной России или Русского Добровольческого Корпуса нам даже кажется очевидным, что Украину защищают русские. Знаете ли вы, каковы их мотивы?

Бороться против диктаторского режима Владимира Путина. Это их главная мотивация.

Какова была ваша служба?

В Украине я получил навыки обращения с безоткатным орудием СПГ-9. В окопах я управлял этим гранатометом, сначала как заряжающий, а затем как наводчик. Бои в тот период не были такими интенсивными, как те, что я испытал позже, в 2022 году. Мы просто стреляли друг в друга, и нас обстреливала артиллерия. Это были позиционные бои. Помню, как во время так называемого обнуления к нам приехал польский доброволец, чтобы помочь нам. Я прослужил более шести месяцев. В феврале 2018 года я отправился в Киев, а затем вернулся в Польшу.

Как вы уже упомянули, с Россией идет так называемая горячая война. 24 февраля 2022 года началось полномасштабное вторжение России в Украину, в том числе с белорусской территории. Что вы думали в то время?

К концу 2021 года я уже ощущал приближение большой войны. 27 февраля 2022 года я прибыл в Киев. В это время там находились белорусы, и я связался с ними. Выяснилось, что в «Азове-Киев» формируется белорусское подразделение, в которое войдут ветераны боевых действий на Донбассе.

В то время батальон Калиновского защищал столицу Украины.

Сначала я служил в «Азове». Затем меня перевели в Калиновский батальон. Я прошёл интенсивную двухмесячную подготовку, после чего нас отправили в Херсонскую область. Там мы сформировали сплочённое подразделение из белорусов и украинцев, которое действовало на фланге.

О Херсонско-Николаевских сражениях 2022 года известно немного. Как они выглядели?

В то время я служил в штурмовом подразделении, вооружённом как лёгкая пехота. Мы выполняли задачи Главного управления разведки (ГУР) — украинской военной разведки. Наша тактика была следующей: мы подходили к российским позициям различными способами, например, бесшумно переправлялись через реки на понтонах. Иногда мы атаковали более классически, а украинцы оказывали нам артиллерийскую поддержку. У нас были свои белорусские командиры, а у украинцев — свои. Мы находились на одном фланге, а они — на другом. К сожалению, украинцы потеряли своего командира, который наступил на мину. У нас же не было убитых, только несколько раненых. Мы сражались за освобождение одной деревни. После одного из штурмов мне пришла в голову неожиданная мысль: я заметил, что акации зацвели (смеётся). Это казалось странным, ведь мы сражались с врагом, и здесь шла война. Мы захватили деревню, оставшиеся русские сдались в плен, а некоторые бежали. Мы прорвались через зелёную зону и направились к зданиям. У украинцев было больше потерь, они упорно продвигались к своим целям. В этот момент русские выпустили по ним управляемые ракеты.

Русские были удивлены тем, что попали в плен к белорусам?

В те времена русские не проявляли решительности в бою. Они рассказывали, что их командиры приказывали им: «Защищайтесь, братья, и держитесь», после чего отступали. Они бросали своих людей. Однако, судя по всему, они вызвали артиллерию и авиацию, потому что они атаковали нас.

С помощью чего?

Захватив деревню, мы заняли оборону на захваченных позициях. В ответ противник применил против нас все доступные средства. Даже штурмовые вертолеты вели по нам огонь, а затем начали обстреливать нас белым фосфором, находясь всего в ста метрах от нас. Я думаю, что это были снаряды или гранаты, начиненные белым фосфором, а не выпущенные ракеты или сброшенные заряды. Эти снаряды или гранаты падают и выбрасывают белый фосфор, который, падая, сжигает все на своем пути. Мы видели это зрелище. Это было странно и одновременно захватывающе: стена белых облаков и искр, мерцающая в воздухе. Однако мы не могли долго наблюдать за этим, потому что начали задыхаться и чувствовать жжение в глазах. Меня удивило ещё кое-что.

Что?

Когда я поступал на военную службу, я даже не подозревал, что это может принести доход. Моя мотивация была совсем другой — я хотел участвовать в борьбе с Россией. Однако, к моему удивлению, мне начали выплачивать жалование. Я узнал, что все иностранцы, участвующие в обороне Украины, также получают зарплату.

Шла ли уже битва за Северный донецк?

В то время нас временно перевели из Херсона в Киев и направили на оборону Северодонецка. Мы перебрались из Лисичанска в Северодонецк и заняли оборону на одном из заводов. Русские направили на нас танки и обстреливали наши позиции. Однако мы не были пассивными и только защищались. В Северодонецке мы пошли на штурм. В наших рядах были не только украинцы и белорусы, но и множество иностранных

добровольцев, например, из Англии, США и Польши. К сожалению, во время одной из таких атак нас обошёл с фланга российский танк. В нём погибли двое наших коллег — украинец и англичанин. Это продолжалось около двух-трёх недель, но возникла опасность окружения Северодонецка, и нас вывели. Затем был Лисичанск. Но события развивались по тому же сценарию, потому что Лисичанск тоже оказался под угрозой осады. Там погиб наш командир "Бреста".

Это очень харизматичная фигура, широко известная даже в Польше. Символ Калиновского полка. Это сложный вопрос, но что вы чувствовали в то время?

Это стало для нас настоящим потрясением. Он был человеком, за которым мы готовы были пойти в огонь и в воду. Его потеря привела нас в уныние. Мы понесли значительные потери, и нам было приказано отступить.

Вы уже вернулись на фронт?

Да, но в несколько ином качестве. В Северодонецке я был в штурмовой группе, а в Бахмуте — уже в подразделении поддержки. Я снова взял на себя ответственность за управление гранатомётами.

Итак, вернемся к СПГ-9?

Более того, у нас были трофейные русские противотанковые гранатомёты, а также гранатомёты, привезённые из Германии.

Вы сражались на разных участках фронта. Вы встречали самых разных солдат из России - и контрактников, и вагнеровцев, и мафиози. Как они воюют?

Вы видите явную разницу. Противники, называемые мобами, сдаются в плен или убегают, что свидетельствует об их слабом уровне подготовки. Однако, когда они сталкиваются с контрактниками, ситуация меняется. Вагнеровцы, контрактники и спецназ сражаются плечом к плечу, одерживая штурм за штурмом.

Я хотел спросить о "зеках", или мобилизованных преступниках. Правда ли, что перед штурмом их накачивают наркотиками?

Я не знаю, но они, безусловно, являются «пушечным мясом», которое отправили на убой. Это очевидно. Я столкнулся с вагнеровцами в Бахмуте. Они произвели на меня крайне жестокое и дикое впечатление, словно животные. Мне показали кадры с беспилотника, на которых я увидел, как двое вагнеровцев вместо того, чтобы добить своего раненого коллегу, добивают его топором. Они наносили ему удары, и это повторялось много раз. Среди вагнеровцев были и профессиональные бойцы, своего рода спецназ, которые были хорошо подготовлены к бою. Они даже могли переодеваться в украинскую форму и проводить диверсии.

Бахмут - это артиллерийский бой?

Мы заняли свои позиции, и вскоре русская артиллерия начала обстрел. Видимо, это были зажигательные снаряды, потому что наш импровизированный бункер, устроенный в подвале одного из разрушенных домов, загорелся. Бахмут стал последним сражением, в

котором я участвовал в Украине. После этого я тяжело заболел и был отправлен в Киев на так называемое восстановление. К сожалению, врачи посчитали, что моё состояние слишком серьёзное, чтобы я мог вернуться на фронт.

Вы воевали в 2017 и 2022 годах. Как изменилась война?

Внедрение в военных действиях дронов в массовом порядке коренным образом изменило характер сражений. Когда я был на передовой в 2017 году, никто даже не помышлял о таких технологиях. Разве что можно было вспомнить несколько крупных военных беспилотников, которые использовались на территории всего Донбасса. В то время самой передовой технологией была камера с зумом, которая позволяла нам лучше видеть сепаратистов. Сейчас же мы можем наблюдать за войной в режиме реального времени. Для наших подразделений с гранатометами беспилотники также предоставляют существенные преимущества. Россияне продолжают использовать тактику секторного обстрела, уничтожая целые сектора. Когда у вас ограниченный запас боеприпасов, беспилотник становится бесценным, позволяя вам наблюдать за целью сверху и незамедлительно корректировать огонь. В результате вы используете меньше пуль и гранат, что делает вас более эффективным в бою.

Как украинское население реагировало на вас, белорусских добровольцев?

В Киеве таксисты не брали с меня плату и угощали бесплатным кофе (смеется). Когда они узнавали, что я белорус и нахожусь здесь, чтобы защищать Украину, их отношение ко мне менялось в лучшую сторону.

Насколько важен для белорусских добровольцев покровитель - Константин "Кастусь" Калиновский?

Он является выдающейся исторической личностью, значимой для поляков, белорусов и украинцев. В Беларуси его фигура особенно символична. Выбор этого мецената оказался очень удачным, поскольку он олицетворяет борьбу за свободу и единство наших народов, которые объединились против российского разделения. Калиновский — герой Январского восстания. К сожалению, у нынешних властей Беларуси, другие герои. Каждый демократ и оппозиционер в Беларуси знает, кто такой Калиновский. Мы воспитаны на этой истории.

Каковы политические цели Калиновского полка?

Это очевидно. Мы не только защищаем Украину, но и боремся за свободную Беларусь. Свободную от диктатора Лукашенко и российской оккупации. Слава Украине! Слава Польше! В составе России! (прим. ред. переводчика)

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Иллюстративное фото, 17 отдельная бронетанковая бригада/Социальные сети

11. "НАШИ ПОЗИЦИИ БЫЛИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ".

- говорит в интервью "Каспер", унтер-офицер и ветеран боевых действий в Украине. Интервью брал Михал Брушевский

Сражение с русскими продолжалось непрерывно: мы занимали оборону на верхнем берегу реки, а русские атаковали с нижнего. Наш перекрестный огонь перемещался вверх и вниз по течению, не оставляя им ни единого шанса на успех. С самого начала было очевидно, что для русских это закончится катастрофой. Они сражались так, будто совершенно не имели представления о войне.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ОСЕНЬЮ 2024 ГОДА.

Михал Брушевский (Битва при Северски-Донеце - исторический очерк):

"Каспер", как и другие наши герои, не только наблюдает за историей, но и активно в ней участвует. Его история особенно примечательна тем, что он служил на реке Донец, где в то время произошла одна из самых впечатляющих побед над русскими войсками за всю войну. Эти события, получившие условное название "битва при Северском Донце", безусловно, заслуживают отдельной главы. В то время как в Северодонцке шли ожесточенные городские бои, русские попытались переправиться через Донец, чтобы выйти в тыл противника и окружить его. Однако под Белогоровкой они были успешно остановлены. 8 мая 2022 года русские начали строить переправы между Григорьевкой и Белогоровкой, используя дымовые боеприпасы и большую часть понтонного моста. Но они не знали, что ранее к реке Донец прибыли специалисты из украинской саперной армии. Тщательно изучив карты, топографию и лично обойдя местность, они заранее определили место, где будут переправляться русские. Оказалось, что место для операции было выбрано идеально. Украинская артиллерия уже имела точные координаты целей, и они были уничтожены. За один день русские потеряли около полутора тысяч военнослужащих и до 50 единиц техники. "Атлантический совет" даже подсчитал, что там было более 70 уничтоженных или брошенных машин. "Каспер" — ветеран самых значимых сражений в Луганской области. Одним из мест, где он также сражался, является Серебрянский лес — или, точнее сказать, его остатки. Российские захватнические силы уничтожают не только села и города Украины, но и губят природу. На фоне военных преступлений против мирного населения эта тема кажется особенно трагичной. В 2001 году Серебрянский лес был объявлен заповедником. Его площадь составляла более 100 гектаров, здесь произрастало множество редких растений, а фауна включала в себя уникальные виды животных. Он расположен к югу от Кременной, прислонившись к реке Северский Донец. Густой и большой лес стал, как и почти в каждой войне, "естественным" полем боя. Особое значение

Серебрянский лес приобрел в ходе битвы за Лиман. Во время боев на Луганском фронте лес превратился в скопление частично обгоревших пней.

Михал Брушевский: Где застало вас начало войны?

«Каспер»: Я находился в Ирпене и сразу же решил стать добровольцем в территориальной обороне. Однако, несмотря на большое количество желающих, мне не удалось получить оружие. Из-за разрушенного моста мне пришлось добираться до Киева пешком. Мирные жители были в панике и очень напуганы. Я же, прошедший военную подготовку, был готов к взрывам и ожидал начала войны с русскими. Особенно тяжело было тем, кто находился в Ирпене — больным и инвалидам. Возник вопрос: как их эвакуировать? Это было непросто. В Киеве ситуация была похожей на Ирпень: множество желающих вступить в ряды обороны, но отсутствие оружия. Однако, переходя от двери к двери, мне всё же удалось попасть в одно из подразделений. Меня отправили на ускоренное обучение. Сначала я оказался в безопасной части, где почти не было боевых действий. Но затем нас перебросили на восток Украины, к реке Донец. Там начались серьёзные бои.

В Польше широко освещалась резня русских войск под Белогоровкой. Высадка русского десанта через реку Северский Донец привела к гибели русских, некоторые даже писали, что они потеряли в этой операции 70 танков.

Наши позиции располагались в Белогоровке. Я служил там старшим сержантом в пехотном подразделении. В нашем распоряжении были автоматы, гранаты, а также противовоздушные комплексы «Стингер» и «Игла». Ведь основной угрозой для нас была русская авиация, а не пехота.

Как выглядела битва?

Сражение с русскими продолжалось без перерыва. Мы занимали позиции на верхнем берегу реки, а русские атаквали с противоположного. Наш ответный огонь был сосредоточен сверху вниз, не оставляя им никаких шансов на успех. С самого начала было очевидно, что для русских это сражение станет настоящей катастрофой. Они сражались так, словно не имели ни малейшего представления о военном деле. Единственным их оружием были артиллерийские снаряды, которыми они осыпали нас, но это не могло изменить ситуацию.

В какое время произошло это массовое уничтожение десантных кораблей?

Мощный, оглушительный взрыв! За ним последовали новые взрывы, и нам пришлось укрыться в окопе. Солдаты, даже если они знают, кто стреляет — свои или чужие, инстинктивно ищут укрытие. А потом всё вокруг рухнуло. Я думаю, что до сих пор там лежат разрушенные понтонные мосты. Не хочу показаться неблагодарным, но мы не боялись русского десанта, потому что были уверены, что остановим его. Самым страшным врагом в те времена были русские летчики.

Что они сделали?

Они летели на низкой высоте и сбрасывали бомбы. Мой коллега Тарас, который также был солдатом, бросился к одному из них с ракетной установкой «Игла». Видимо, пилот заметил, что в него целится, и резко ушёл вверх. Тарас не успел выстрелить, и русский лётчик сбросил бомбы. Тарас был убит на месте. Это просто ужасно.

Они летели низко, чтобы пусковым установкам было трудно стрелять?

Да, это были настоящие смертельные дуэли, настоящая война нервов. Кто выстрелит первым? Это испытание не только для физического, но и для психического здоровья, ведь когда самолёты Су-24 или Су-25 летят на низкой высоте, они издают пронзительный звук.

Это очень сложно. Когда вам было труднее всего?

Больше всего меня трогают открытые глаза моих погибших коллег. Эти глаза преследуют меня во снах. Поэтому я установил для себя правило: не смотреть в глаза павшим. Особенно тяжело мне стало, когда нас перевели из зоны боевых действий на реке Донец в Серебрянский лес.

Итак, вы остались на Луганском фронте. Что там происходило?

С каждым днём лес всё больше разрушался, и вскоре на его месте не осталось ничего — ни наших окопов, ни русских. Между нами простиралась грязь, в которой увязали штурмовики, поэтому их перестали использовать. Чем же они тогда сражались? Артиллерией, всё той же артиллерией. А ты день и ночь лежишь в окопе, не в силах выбраться из него. Молодые солдаты не могли стоять во время обстрелов, они зарывались руками в траншею, стараясь стать как можно ближе к земле. На дворе стоял 2023 год, и беспилотники начали массово применяться в бою. Помимо артиллерии, на нас начали нападать беспилотники. Вы спите в окопе, едите в нём, живёте в нём без перерыва. Его заливает водой, вы там сидите, скрючиваетесь, стоите или лежите в грязи. Я называю это «превращением в бетон». Ваши ноги становятся словно каменными. Когда в ваш окоп залетает беспилотник, вы должны быстро выпрыгнуть из него, иначе умрёте. Это борьба за выживание. Я не буду рассказывать о таких вещах, поход по нужде. Забудьте об этом.

Как же тогда атаковать?

Нужно быть осторожным, чтобы не стрелять в своих.

В каком смысле?

К нам направили специальное подразделение, чтобы оно атаковало русских. Они успешно добрались до вражеских позиций, выполнили свою задачу и отступили обратно к нам. В ответ русские открыли шквальный огонь по нашим окопам, но мы не могли ответить тем же, так как перед нами были свои. В этот момент мы заняли позицию в окопе и приняли на себя весь огонь.

Мы начали разговор с оценки российских солдат. Вы различаете, кто из русских имеет боевую ценность, а кто нет? Я спрашиваю о боевых действиях на востоке Украины.

Во время сражений на реке Донец или в Серебрянском лесу мы часто сталкивались друг с другом, но редко видели вблизи. Мы слышали о них, ведь когда солдаты долгое время находятся в окопах друг напротив друга, они могут многое узнать. Было известно, что среди них есть чеченцы, в частности бойцы подразделения "Ахмат". Однако я не видел их в непосредственном штурме. Они обстреливали нас из артиллерии, минометов и беспилотников, не вступая в рукопашный бой. Наши ребята погибали от осколков, обстрелов и тяжелых ранений. Такая война гораздо сложнее. У бойцов ЧВК "Вагнер" была своя тактика. Они делились на две линии: первая была "мясом", а вторая — "закрепом". Во второй линии находились прагматики, которые ждали, пока "мясная" атака ослабнет.

А вооружение с Запада?

Я хочу выразить огромную благодарность за помощь, которую нам оказывает Польша. Я своими глазами видел танк "Краб", который был обстрелян из "Ланцета", но до сих пор продолжает выполнять свою миссию — ездит и стреляет. Польское оружие — это замечательно, но его пока что недостаточно для удовлетворения всех наших потребностей. В 2022 году Украина имела лучшую пехоту в Европе. Мы были хорошо подготовлены и имели богатый боевой опыт. Нам удавалось останавливать русских, но не хватало оружия. Если бы тогда у нас было больше боеприпасов и оружия, все могло бы сложиться совсем иначе. К сожалению, многие мои коллеги, которые были лучшими штурмовиками, теперь мертвы. Я держу винтовку в руках с 2022 года, и за это время многое изменилось. На смену опытным солдатам пришли молодые бойцы, которые только начинают свой путь в армии.

Почему прозвище "Каспер"?

Раньше была сказка о призраке Каспере (смеется).

Как вы оцениваете российские войска, попавшие в плен под Курском? Я спрашиваю о тех, кто защищал российско-украинскую границу.

Я, конечно, служу не в Сумах и Курске, а в Харькове, но я и мои коллеги внимательно следим за происходящим. Мы видим, что на войну отправляют совсем молодых солдат, которые только недавно стали призывниками и не обладают достаточным опытом и навыками. В советское время на границах России действовали специальные подразделения КГБ. Сейчас их функции выполняет ФСБ, но даже они не могут похвастаться достаточным вооружением. У них нет ни танков, ни тяжелых машин — только стрелковое оружие. Кроме того, не каждый солдат пригоден для войны, особенно среди молодых. Поэтому меня не удивляет, что многие из них массово сдаются в плен.

В Польше хитом стал ролик, в котором две пожилые женщины просят солдат на украинском языке подвезти их. Солдаты отвечают, что не могут, потому что несут боеприпасы. В целом, отношение населения под Курском проукраинское, относительно нейтральное. Не этого ли ожидал Путин?

Это нас несколько не удивило. Русские не хотят умирать за Путина. Российские солдаты деморализованы, и единственное, что движет ими вперёд, — это выполнение приказов и опыт войны, если речь идёт о тех, кто воюет уже давно. А призывники? У них нет ни подготовки, ни оружия, ни опыта. А мирные жители просто хотят жить. Кроме того, под Курском говорят на русском, украинском и суржике (местный диалект с востока Украины, образовавшийся в результате смешения языков — прим. автора). В конце концов, там живут украинцы. Для нас это не удивительно.

Как украинские солдаты комментируют нынешние бои под Курском?

Проведение такой операции в условиях скрытности было настоящим подвигом. Я участвую в боевых действиях с 2022 года. Над нами постоянно кружат российские беспилотники — «Орланы», «Залы» и «Ланцеты». Воздушная разведка противника значительно улучшилась за это время. Я сам пережил множество атак беспилотников, и каждый, кто сталкивался с этим, знает, о чём я говорю. Однако, несмотря на все усилия русских, мы смогли провести операцию незамеченными. Это стало настоящим сюрпризом для противника.

Что вы думаете, когда видите по телевизору российские колонны с оружием?

Ошибки русских командиров. На войне солдаты кровью расплачиваются за ошибки своих начальников.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Геннадий Шевчук "Крокодил" (из архива интервьюера)

12. "ПОЛЬСКИЙ ФЛАГ СПАС МЕНЯ".

- Рассказывает Геннадий "Крокодил" Шевчук, ветеран боевых действий на линии Славянск-Изюм. Интервью брал Михал Брушевский

Польский флаг стал моим спасителем во время сражения под Славянском. У меня был большой рюкзак, в котором лежал сложенный польский флаг. Мои товарищи по оружию считали, что рюкзак слишком велик для того, чтобы держать его в окопе, и он занимает слишком много места для сна. Поэтому я положил его так, чтобы он торчал и прикрывал нас от обстрела со стороны русских. Флаг был большим и толстым, из прочного синтетического материала. Мой друг купил его для меня в Англии. В сложенном виде он казался ещё более внушительным. Когда меня эвакуировали и усадили в безопасном месте, я открыл рюкзак и начал доставать свои вещи. Достал флаг и попытался его развернуть, но у меня ничего не вышло. Как будто кто-то склеил его. Оказалось, что в рюкзаке и во флаге были дырки. Так, по словам моего собеседника, польский флаг стал настоящим символом моей отваги и стойкости.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ОСЕНЬЮ 2024 ГОДА.

Михаил Брушевский (Борьба за Славянско-Изюмский регион - исторический очерк):

Геннадий, наш старший собеседник, — настоящий герой. Несмотря на свой возраст, он по-прежнему служит в армии. После оборонительной кампании 2022 года он был переведен на организационные работы. В польских СМИ иногда можно услышать критику в адрес украинских военных за их возраст. Утверждают, что в окопах сражаются "старики". Однако Геннадий, известный как "Крокодил", стал единственным представителем старшего поколения, который столкнулся с несправедливыми насмешками. Я рад, что он смог поделиться своей историей. Геннадий подчеркивает свою любовь к Польше, которую привил ему дед — солдат польской армии во время сентябрьской кампании 1939 года. В юности он занимался боксом, что подготовило его к тяготам войны. Он без труда выдерживал даже нападения спецназа. В нашем разговоре основной осью боевых действий является район между Славянском и Изюмом. Стоит рассказать о том, насколько важен Славянск для украинской обороны. Несмотря на одержимость Путина этим городом, он все еще находится в руках Украины. Славянск — это бывшая крепость Казачий Тор, построенная у соленого озера. Крепость превратилась в город, а затем в поселок, который в 1784 году был переименован в Славянск. Он расположен в северной части Донбасса на реке Казенный Торец, правом притоке реки Долец. Славянск был важным центром добычи каменной соли и ключевым местом на карте Украины для химической и машиностроительной промышленности. В 2001 году население города составляло более

140 000 человек. Однако в ходе боевых действий, начавшихся в 2014 году, за десятилетие до нынешней ситуации население сократилось до 40 000 человек. Я посетил Славянск в 2024 году. Город регулярно подвергается бомбардировкам и в настоящее время находится на ближней линии фронта. Возникает вопрос: почему Славянск стал бельмом на глазу Кремля? Есть два ответа: пропагандистский и стратегический. Начнем с первого. На примере Мариупольской трагедии мы знаем, что Владимир Путин одержим городами, которые Украине удалось отвоевать у сепаратистов. Портовый мегаполис был разрушен до основания, а его осада связала российские войска, подтвердив, что российский диктатор придает большое значение символическим местам. Аналогичный пример — Славянск. В апреле 2014 года именно там началось сепаратистское восстание, инспирированное и финансируемое Москвой. Славянск стал первой целью России. 12 апреля 2014 года Игорь Гиркин, известный как Игорь Стрелков, офицер Федеральной службы безопасности России (также изображаемый в течение многих лет как офицер ГРУ), вероятно, полковник, возглавил отряд сепаратистов численностью более 50 бойцов против административных и ведомственных объектов только в Славянске. Штурм "гиркинистов" закончился захватом управления милиции, СБУ и местной администрации. Вооруженный конфликт на востоке Украины начался. Игорь Гиркин в Славянске начал действовать как типичный военачальник, назначив мэром местного производителя мыла, пророссийского политика и бывшего красноармейца Вячеслава Пономарева. Этот "народный мэр" посадил в тюрьму своего предшественника, а затем, после конфликта с Гиркиным, сам был арестован ополченцами так называемой Донецкой народной республики. Эфемера правления Гиркина-Пonomарева продлилась с апреля по июль 2014 года, когда украинская операция по вытеснению сепаратистов из города увенчалась успехом. В городе царил террор, людей похищали и запугивали, а международным наблюдателям от ОБСЕ не давали работать. Не далее как в апреле под Славянском было найдено тело администрации города Горловки Владимира Рыбака. Перед смертью политика из "Батьковщины" Юлии Тимошенко пытали. Гиркин приказал провести парад победы на улицах Славянска 9 мая 2014 года. Он очень торопился. Когда Славянск вернулся на родину, он стал важной линией фронта между правительственными войсками и сепаратистами. Такое положение дел сохранялось до 24 февраля 2022 года. Уже в апреле 2022 г. CNN бил тревогу о том, что Славянск станет следующей целью сил вторжения. Славянск был выбран в качестве цели из-за символики кампании 2014 года. Как и в случае с Авдеевкой и Мариуполем, сепаратисты были изгнаны из Славянска, что стало оскорблением для Москвы. Каков стратегический аспект боевых действий в этом районе? Если мы посмотрим на карту, то увидим, что и Бахмут, и Северодонецк лежат на славянском направлении — и именно бои за эти города будут доминировать во второй половине 2022 и первом периоде 2023 года. Ответ — Краматорск, который лежит — в буквальном смысле — под Славянском. Кстати, российское наступление конца 2022 — начала 2023 года называют "Славянским наступлением". Давайте вернемся в Краматорск. Этот город — один из важнейших логистических узлов Украины, расположенный в тылу линии фронта. Среди репортеров, путешествующих по Донбассу, всегда говорили, что все дороги ведут через Краматорск. Там же — до 2022 г. — размещался пресс-центр для журналистов, аккредитованных на фронте. Бои за Северодонецк, о которых рассказывается в этой книге, были частью этой операции. Интересно, что в июне русские снова решили нанести прямой удар по Славянску. Теперь

фронт закрепился на участке Славянска, где буфером, отделяющим русских от города, является село Северодонецк. Даже российская Покровская операция 2024 года, которая, как фантом, висит над всем театром военных действий, находится относительно далеко к югу от Краматорска. Большая часть шоссе с севера на юг контролируется украинцами, а участок Славянск-Изюм-Чарков находится в самом конце линии фронта.

Михал Брушевский: С какого времени вы служите?

«Крокодил»: С 24 февраля 2022 года.

Вы были под прицелом с самого начала войны?

Да, я служил в морской пехоте.

Вы опытный солдат. Воевали ли вы на Донбассе до 2022 года?

Я не служил в АТО, в то время я жил в Варшаве.

Как вы вспоминаете начало вторжения?

Утром я проснулся, включил телевизор и смотрю - началась война. Тогда я взял себя в руки и пошел в местный военкомат.

На каком фронте вы начинали?

Когда я пришел, я сказал, что у меня есть опыт службы в морской пехоте. Тогда они сказали, что отправят меня в Мариуполь.

Именно там сражалась 36-я бригада морской пехоты.

Да, но они увидели, что мне 52 года, и пришли к выводу, что я уже не молод, поэтому я остаюсь здесь. Из этих добровольцев нас сформировали в 106 бригаду территориальной обороны.

Вы защищали Киев?

Я служил на блокпостах, а через месяц нас отправили в зону боевых действий между Славянском и Изюмом. К апрелю я уже был на востоке. Там для меня началась настоящая война. С 12 апреля я уже был на Донбассе.

А откуда вы родом?

Я родом из-под города Хмельницкого, но ни один поляк не скажет, что это "Хмельницкий". Для нас это Проскурич (они произносят Проскуров или Пловкиров). Здесь есть целые польские деревни. В самом городе тоже много польских семей. У нас есть только польские фамилии: Малишевские, Яворские, Стрежельские. Я всегда с гордостью подчеркиваю, что я поляк. Польский язык я выучил в семейном доме. Мой дед приехал в

Проскуров. Он родился в Варшаве, в сентябре 1939 года был мобилизован как офицер и оказался в советском плену.

Избежал ли он Катыни?

Чудо. Он выдал себя за рядового и получил на это документы. Он избежал изгнания. Он поселился под Каменцем Подольским. Там он познакомился с моей бабушкой - украинкой. Он сказал, что хотел бы вернуться в Польшу, но она была такой красивой (смеется). Поэтому он остался.

Давайте вернемся к боям в Славянске. Как вы вспоминаете их начало?

Нас высадили возле леса, и сразу же мы оказались под шквальным огнём. Я не мог понять, что происходит: стрельба раздавалась то с одной, то с другой стороны. Вдруг к нам подбежал опытный солдат из соседнего подразделения и воскликнул: «Что мы делаем?» Он объяснил нам, что мы вышли за пределы первой линии обороны и оказались прямо под российскими позициями. В начале войны в Украине первая линия фронта обозначалась как «ноль», «ноль» или «нуль», а также были зоны с разными цветами: красный и серый означали первую линию и ничейную землю. Это было только начало нашего боевого пути.

Насколько я понимаю, вы были командиром, потому что с вашим военным опытом вы, вероятно, не были рядовым стрелком?

Я был сержантом, а затем меня повысили до штаб-сержанта — как принято говорить у нас в стране. Это примерно соответствует званию мастер-сержанта в армии США. Вот так и складывается военная карьера (смеется).

А что было дальше?

Мы начали укрепляться, окапываться. Нас было 800 человек. Мы все время удерживали свои позиции под Славянском. Сначала я думал, что мне, как сержанту, придется документировать каждую перестрелку, но после дня боев на наши позиции было 50 обстрелов. Днем и ночью. Через несколько дней я начал привыкать к этому. Кроме того, я был самым старшим по возрасту, поэтому люди ожидали, что я буду главным. У меня в отряде даже был театральный режиссер, который до вторжения имел звание офицера запаса. Когда мы закрепились, я даже показал ребятам, что не боюсь, - ходил между позициями без бронезилета (смеется). "Смотрите, ребята, все не так уж плохо". - сказал я, чтобы поднять боевой дух.

Откуда взялась эта идея?

Я был боксером, почти всю жизнь участвовал в серьезных турнирах, умел преодолевать страх. У меня был характер, я мог справиться с этим. Солдаты называли меня "Крокодилом".

Почему?

"Потому что ты сидишь вот так в грязи и глаза у тебя торчат, как у крокодила". - говорят они (смеется).

Сколько времени вы провели на этой должности?

С апреля до лета. Потом, к сожалению, меня отозвали в тыл, а затем в полевой госпиталь.

Вы были ранены?

У меня нет ранений, но в нашей стране принято говорить, что я был ранен, просто ввиду ухудшения здоровья. Я много раз попадал под артиллерийские обстрелы, но это было не самое страшное. Однажды я провел 24 дня на позиции, и меня никто не менял. Всё это время я находился на передовой. Думаю, что из-за возраста моё здоровье начало ухудшаться. Сначала ничего не происходило, но когда меня наконец перевели на более безопасную позицию, начались проблемы. У меня болели голова и всё тело, я чувствовал усталость от боев, а по ночам меня одолевала простуда. Возможно, у меня было воспаление.

Что чувствует человек, когда его выводят из строя после почти месячного сидения в окопе?

Когда я приехал в Славянск и лёг на койку, кто-то включил свет. Я был в шоке и не понимал, что происходит. Я вырос в городе, где всегда были электричество, тепло и свет. А тут я оказался в окопе, где всё нужно было делать своими руками, а свет исходил только от естественного освещения или от патронов. Когда организм привыкает к таким условиям, ты вдруг снова оказываешься в городе. Когда я проснулся в Славянске и увидел свет, я подумал, что попал в больницу на реанимацию — в буквальном смысле. Я попытался встать с кровати и инстинктивно оперся руками о землю, но её не было — только пустота.

Сейчас много говорят о так называемой баротравме после артиллерийских взрывов.

Да, эти головные боли от этого.

Давайте вернемся к боям в Славянске. Русские обстреливали вас только из артиллерии? Многие солдаты упоминают, что боялись штурмов, поэтому речь не только про артиллерию и минометы.

В нашем случае все было иначе. Спецназ совершал рейды на наши позиции. Они хотели вытеснить нас. Это было очень опасно.

Что происходило тогда?

Командование предупреждает: они наступают! Мы занимаем оборонительную позицию, приготовив оружие. Завязывается перестрелка. Я воспринимал происходящее как поединок на ринге. Это был настоящий бой! Противники не смогли нас сломить, но и

мы понесли потери. Я видел, как убили моего друга. Он лежал на земле, и в первый раз в жизни я не смог сдержать слёз.

Русские постоянно атаковали вас. Это было не очень успешно, поэтому они изменили тактику нападения?

Они применили химическое оружие. Снаряды и гранаты, выпущенные с автомобилей, были заряжены желтым газом, который, опускаясь в траншеи, образовывал ядовитый туман. Я думаю, что это оружие было взято из старых советских арсеналов, потому что после этих атак наши позиции остались непокоренными. Мы пережили это испытание. Наши глаза горели, у солдат начались приступы тошноты, и мы вынуждены были выпрыгивать из окопов. Многие из наших товарищей получили отравление, но мы продолжали сражаться, чтобы защитить наши позиции. Мы старались защитить лица, обматывая их тряпками, смоченными в воде.

У вас не было противогазов?

Нам выдали старые советские маски, но они оказались совершенно бесполезными. В них ничего не было видно, а фильтры, вероятно, уже не работали. Я думаю, что где-то в канаве у дороги под Славянском до сих пор лежат те маски, которые мы выбросили (смеется). Я помню ночную фосфорную атаку. Это было похоже на карнавал в Рио-де-Жанейро, но на самом деле шла смерть. Для русских кассетные атаки тоже были обычным делом. Вы слышите один взрыв, а затем целую серию более мелких. Понятно, что летят кассеты. У нас также были проблемы с русской авиацией. Они постоянно летали. Рядом с нами дислоцировалась воздушно-десантная бригада, у которой был отряд с пусковыми установками. Мы видели, как десантник выбегал с "Иглой" или "Стингером", стрелял и убегал. Мы смотрели в небо: они подбили вертолет, сбили несколько в той стороне, а также самолет. Вы привыкаете к артиллерийскому огню и знаете, что опасно, а что нет. У вас есть несколько секунд, чтобы укрыться. Танки же опасны для солдата. Когда танк стреляет и сразу же разрывается на части от удара, у вас нет ни секунды, чтобы спрятаться. Вы не успеете среагировать. А когда танковый снаряд попадает рядом с вами, голова идет кругом. Если по вам постоянно стреляют, то вместо того, чтобы говорить, вы кричите. Людям становится плохо, у всех болит голова. Врач осматривает вас, и вроде бы ухо в порядке, но вы чувствуете, что что-то не так. Это и есть баротравма, о которой вы упомянули. Есть ребята, которых оперировали, лечили долгое время, но они все равно чувствуют себя плохо. Это последствия постоянных обстрелов.

Как вы выдержали этот "марафон" в окопе, отправились в тыл, затем в госпиталь, а потом вернулись в бой?

Да, я ездил участвовать в контрнаступлении под Харьковом. Там я своими глазами увидел, что значит залп из "Химаря".

Какое впечатление она на вас произвела?

Я не удивлён, что русские отступили. Это самое мощное оружие, которое я когда-либо видел в своей жизни. То, как летят эти ракеты, настолько устрашает наблюдателя, что можно только представить, какие чувства испытывает цель. Мы подошли к русским

позициям, большинство из которых уже были оставлены или уничтожены. Однако оставались отдельные очаги сопротивления. Мы начали обстреливать друг друга. У нас были потери, но русские держались недолго. Через несколько дней мы продвигались вперёд очень быстро. Именно тогда я взял в плен русского офицера.

Кто это был?

Я обратил внимание на шеврон Федеральной службы безопасности России у него на рукаве и спросил: «И что теперь?» Он ответил: «Великая Россия выиграет войну. Потому что нас больше».

Он что, фанатик?

Я так ему и сказал, что один боксер может легко побить пятерых шутов из-под лавки (смеется).

Когда вы освободили районы под Харьковом, что вы обнаружили?

Следы преступления. В одном из отделений милиции мы обнаружили провода, с помощью которых русские пытали похищенных людей электрическим током.пыткам подвергались все, кого подозревали в связях с украинскими вооруженными силами. Избиения резиновыми дубинками были обычным делом. Как же они узнавали, кто есть кто? Всегда находился предатель, который приходил к русским и сообщал, что тот или иной сосед — украинский патриот.

Что говорили жители после освобождения?

С первых же дней появления русских возникли вопросы. Они искали конкретных людей, а затем заключали их в тюрьму и заставляли выдвигать обвинения против других. Оккупанты видели, насколько точным был наш огонь, и мы уничтожали их штабы. Из-за этого они были убеждены, что каждый украинец на оккупированных территориях сотрудничает с нами. Они хватали всех, кого могли поймать. Как я уже упоминал, были и те, кто сотрудничал с Россией. Они поддерживали её с самого начала и стали штатными информаторами. К сожалению, в первые дни войны мой друг был убит, потому что выступил против русских.

Что случилось?

Когда русские вошли в Ирпень, мой друг, тренер по боксу, не смог эвакуироваться. У него была школа бокса для детей, и русские сразу пришли к нему. Он сопротивлялся, и они застрелили его.

Где вы продолжали сражаться?

На некоторое время меня перебросили на юг. 11 ноября я был в Херсоне. Но сложно сказать, что я участвовал в боях за этот город, поскольку мы прибыли туда уже после того, как русские отступили за Днепр. В городе царил большой праздник — освобождение. И это было в День независимости Польши. С кем бы я ни общался из херсонцев, я обязательно упоминал, что сегодня Польша отмечает этот важный для неё день. Из-за возраста меня

стали постепенно выводить из строя, и я, как старший сержант, стал больше заниматься организационной и материально-технической работой в бригаде. Меня перевели под Сумы.

Невозможно не спросить, участвовали ли вы в Курской операции.

Да, но не в качестве линейного солдата. Однако я пересек границу и побывал на территории России.

Что хочет солдат, который так долго воевал?

Например, завоевать золотую медаль на Олимпийских играх по боксу.

Я знаю, что на протяжении всего боевого пути с вами был флаг Польши. Можете ли вы рассказать нам что-нибудь о его истории?

Польский флаг стал моим спасителем во время сражения под Славянском. У меня был большой рюкзак, в котором лежал сложенный польский флаг. Мои товарищи по оружию считали, что рюкзак слишком велик для того, чтобы держать его в окопе, и он занимает слишком много места для сна. Поэтому я положил его так, чтобы он торчал и прикрывал нас от обстрела со стороны русских. Флаг был большим и толстым, из прочного синтетического материала. Мой друг купил его для меня в Англии. В сложенном виде он казался ещё более внушительным. Когда меня эвакуировали и усадили в безопасном месте, я открыл рюкзак и начал доставать свои вещи. Достал флаг и попытался его развернуть, но у меня ничего не вышло. Как будто кто-то склеил его. Оказалось, что в рюкзаке и во флаге были дырки. Так, по словам моего собеседника, польский флаг стал настоящим символом моей отваги и стойкости.

Вам повезло, это прекрасная история.

Как из фильма, он у меня до сих пор.

А как вы оцениваете польское оружие?

Краб - лучший. Я не артиллерист, но все говорят, что "Краб" - лучший.

Я не упрекаю возраст, но как смотрит на войну солдат в возрасте пятидесяти лет?

Человек силен, но не безгранично. Война, как известно, требует много времени. Это как строительство дома: сначала закладывается фундамент, потом стены, крыша — и вот уже кажется, что дом вот-вот будет готов. Каждый человек с нетерпением ждет, когда сможет вернуться к своей семье. Но пока враг не повержен, мы должны продолжать борьбу.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Иллюстративное фото, 43-я отдельная механизированная бригада/Социальные сети

13. " Во время Харьковско-Изюмской операции я был водителем БТР-4. "

- Беседа с Руди, ветераном боевых действий в Украине. Интервью взял Михал Брушевский

Мне было поручено ответственное задание: собрать и доставить пехотный десант в деревни. Я получил указания на карте: «сюда и сюда». Собрав своих солдат, я отправился в путь. По пути мы столкнулись с незначительным сопротивлением со стороны русских, но это было лишь кратковременным препятствием. Мы прорвались через их позиции, вступая в короткие стычки, пока они не начали отступать, оставляя за собой лишь следы. С каждым шагом мы приближались к Купянску. Когда я достиг своих позиций, мы начали активные действия. Мы забрасывали гранаты, а мой коллега, который был автоматчиком, стрелял из 30-миллиметровой пушки по русским укреплениям. Пехота пошла на штурм, и русские были ошеломлены нашим внезапным нападением.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ОСЕНЬЮ 2024 ГОДА.

До вторжения России в Украину "Руди" работал в Польше. Он был членом экипажа одной из многочисленных бронемашин, участвовавших в одном из самых ярких маневров войны в сентябре 2022 года. Я считаю, что Харьковско-Изюмская операция Вооруженных сил Украины навсегда вошла в учебники всех серьезных военных академий мира. Темпы наступления, эффект неожиданности и масштаб, с которым продвигался авангард этой операции, заслуживают отдельной главы. В качестве репортера я был в Харькове в мае 2022 года, где вместе с гуманитарным конвоем проехал по городу, доставляя помощь жителям. Они были очень рады, что их не забыли и что поляки помнят о них. Многие из них были из деревень, освобожденных в ходе украинского микронаступления. Уже тогда эта операция набирала удивительные обороты и стала прелюдией к большому контрнаступлению украинцев. До сих пор помню, как наш украинский попутчик и фиксер (проводник репортера) на вопрос, где украинцы, а где русские, сказал: "Не знаю". Деревни переходили из рук в руки, и все происходило в большой динамике. Под Харьковом происходила дуэль между украинской храбростью, рискованными действиями в духе казаков и самостоятельностью командиров среднего звена и русским стилем ведения войны, основанным на централизованном командовании и трудоемком окопном строительстве. Маневр против окопной войны. Было решено использовать все положительные стороны украинских вооруженных сил в контрнаступлении. Битву за Харьков можно разделить на три фазы: эффективная оборона города в конце февраля – начале марта, с апреля по август, когда под Харьковом было предпринято небольшое контрнаступление (я уже упоминал о нем), и контрнаступление сентября – начала октября.

Начиная со второй фазы, украинцы все больше и больше овладевали оперативной инициативой. Битва за Харьков, безусловно, является поражением российских войск. Нельзя сказать, что украинцы готовили крупное контрнаступление и только отсчитывали время. Обстоятельства на фронте благоприятствовали тому, чтобы локально воспользоваться высоким боевым духом армии, хорошей концентрацией сил и темпом наступления, которое, возможно, к удивлению многих украинских штабистов, принесло гораздо большие результаты, чем ожидалось. 6 сентября оперативная группировка Вооруженных сил Украины начала наступательные операции в Балаклеи, где между Харьковом и Изюмом образовался выступ на фронте, который так и просился быть рассеченным. Балаклея была взята фланговыми ударами с севера и юга. Местный оккупационный гарнизон должен был попасть в ловушку. Кроме того, украинцы предприняли ряд рискованных рейдов, проникнув за линию фронта на 50 км вглубь. Российский фронт в районе Балаклея-Изюм-Купянск просто трещал по швам. 9 сентября украинцы нанесли удар из Балаклеи на Изюм, через Волхов Яр на Купянск и из Шевченкова на Купянск. По этим трем направлениям они вышли в тыл противника, устроили погром русских войск и заставили врага бежать. Русские были отброшены за реку Оскол. Если бы не бегство русских, группировка вторжения попала бы в котел. Через два дня после начала операции, уже 8 сентября, Киев сообщил, что освобождено 20 сел. За 48 часов был достигнут огромный успех. Место нанесения удара по Балаклеи было выбрано не случайно. Украинцам стало известно, что этот участок фронта россияне "латают" отрядами сепаратистского ополчения из так называемой Луганской народной республики, усиленными войсками Росгвардии, которые часто можно сравнить с милицией. Для прорыва были выбраны элитные силы в виде отряда "Кракен", подразделений 92-й механизированной бригады, 25-й и 80-й воздушно-десантных бригад, 1-й бригады специального назначения, подразделения "Альфа" Службы безопасности Украины и добровольческих батальонов. Интересно, что контрнаступление было обеспечено оружием, присланным с Запада, в том числе польскими Т-72М1. 10 сентября авангард украинских войск захватил западную часть Купянска. Также был освобожден Изюм. К 12 сентября первая часть операции была завершена, и, пожалуй, максимальные задачи, поставленные перед офицерами, были выполнены. С учетом тактических успехов была начата вторая фаза – фаза продолжения, которая продолжалась до 2 октября. Был перейден Оскол и освобожден Лиман. Не за горами было уничтожение русской группировки в котле под Кременной.

Михал Брушевский: Вы служили в армии до 2022 года, воевали на Донбассе?

«Руди»: Нет, война для меня началась в 2022 году. До этого у меня не было ни подготовки, ни службы. Мой шурин погиб в боях с сепаратистами на Донбассе в 2019 году.

Чем вы занимались до вторжения?

В 2018 году я вместе с семьей переехал в Польшу. Там я постоянно жил в течение пяти лет. Когда началась война, я вернулся в Украину.

Как вы решили вернуться?

Это выглядело так: утром 24 февраля 2022 года я пришел на работу. Коллеги говорят мне: "Ты знаешь, что у вас началась война? Что русские вошли в Украину?". Я пришел домой с работы, закрыл формальные дела, сказал жене, что уезжаю, потому что все мои коллеги хотели уехать. Я взял рюкзак и сразу же поехал.

А в Польше в какой отрасли вы работали?

Вначале я работал в мебельной компании. Я также занимался строительством и обивкой мебели.

Когда вы въехали в Украину?

28 февраля я уже был в Украине.

Вы хотели записаться в армию, и куда вы отправились?

Изначально у нас были сформированы "добровольческие корпуса", которые представляли собой территориальную оборону. Туда я и попал. Под Житомиром я стоял на блокпостах. Но я хотел в Вооруженные силы Украины, поэтому после месяца службы в территориальной обороне попал в регулярную армию.

А вы проходили ускоренное обучение?

Да, но очень хорошее. Моим первым инструктором был поляк. Именно он показал мне, как держать автомат, как накладывать турникет. На военной подготовке у нас были инструкторы с опытом службы на Донбассе. Они готовили нас к тому, с чем мы столкнемся на фронте. Это была очень практическая подготовка, поэтому, когда я попал на фронт, никакого шока не испытал. Обучение длилось 22 дня, и меня отправили под Харьков. У меня не было никакой военной подготовки, поэтому меня не взяли ни сержантом, ни офицером. Ребята, которые служили до 2022 года, получили повышение в ходе войны.

Под Харьковом вы были штурмовиком или по специальности?

Меня взяли в разведку. В апреле я оказался под Харьковом.

Помните ли вы свое боевое крещение? Когда вы впервые столкнулись с врагом?

Этот день трудно забыть. Мы заняли свои позиции и начали обустройства окопы. Не было страшно, и ничего особенного не происходило. Я занимался своими делами: раскладывал пайки и готовил обед. Внезапно мимо меня пролетела вражеская граната, выпущенная из миномета. Я быстро прыгнул в окоп. Это было забавно, ведь мне уже надоело есть (смеется). Следует отметить, что в 2022 году война выглядела иначе, чем сегодня. Не было такого количества беспилотников. Можно было ходить по позициям и стоять под деревьями. В худшем случае русские просто стреляли из винтовок или минометов, когда видели нас — очень часто не в цель. Как я уже говорил, у нас были

инструкторы, которые часто воевали с 2014 года. Они рассказали нам, чего ожидать, так что это событие меня удивило, но не испугало.

Вы все еще служите на фронте, поэтому мы еще поговорим о том, что сейчас, но давайте вернемся к началу войны. Битва за Харьков была решающей в войне, какой она была?

Я хорошо помню то время, когда люди помогали нам. Они всегда угощали нас горячим чаем, задавали вопросы и общались с нами. Гражданские даже не думали убежать. Они готовили для нас еду и проявляли солидарность. Однако война измотала людей, особенно на востоке Украины, где уже не было времени на подобные проявления. Мы находились на позициях почти у самой российской границы, где шла артиллерийская война. У меня было не так много перестрелок с русскими, но мы сражались лицом к лицу. Они предпочитали и предпочитают использовать артиллерию и минометы. В самом городе я не участвовал в боях.

Мы доставляли гуманитарную помощь мирным жителям в районе Дергачей (к северу от Харькова), поэтому я немного знаю этот район.

Конечно, я могу ассоциировать себя с дергачами. Наши позиции находились ближе к границе, и именно наши коллеги занимались восстановлением пограничных постов на украинско-российской границе. Мы же охраняли их. Позднее мы переместились ещё ближе к России.

Это освещалось в польских СМИ. Это была большая акция и часть меньшего контрнаступления под Харьковом. Это было в мае 2022 года. Сначала было небольшое наступление. Расскажите об этом подробнее.

В то время было много хаоса, но мы компенсировали его огромным желанием сражаться. Нас вдохновляла мысль о том, что это наша земля и мы защищаем свою страну. Несмотря на все недостатки в подготовке, мы были полны решимости двигаться вперед. Наш боевой дух был очень высок. Даже молодые солдаты, которые совсем не имели опыта в военном деле, шли в бой только ради того, чтобы победить русских. Они испытывали сильный страх и просто оставляли свои позиции. Мы брали пленных.

И что они сказали?

Они утверждали, что не знали, что их отправили в Украину.

Вы им поверили?

Не все они были такими. Мне сложно поверить, что водители, командиры, разведчики и большинство военных не замечают, как пересекают государственную границу. Это кажется неправдоподобным. Однако некоторые из них, возможно, были не очень умны, сидели в грузовике и спали, когда пересекали границу. Они просто боялись, что мы их расстреляем, и поэтому говорили небылицы. Командиры пугали их тем, что мы якобы расстреливаем пленных, но мы этого не делаем, потому что это бессмысленно. Как только

их взяли в плен, они попытались все отрицать. Я не могу сосчитать, сколько глупостей они наговорили.

Давайте перейдем к крем-де-ла-крем операции украинских вооруженных сил, так называемой Харьковско-Изюмской операции, большому контрнаступлению. Вы принимали в ней участие?

Да, конечно, я служил под Харьковом, так что каждый из нас принимал в этом участие.

Как она выглядела?

Перед контрнаступлением я прошёл обучение на БТР-4 и стал водителем этой машины. Это БТР, произведённый в Харькове, поэтому я был хорошо подготовлен к своим обязанностям. Когда командование дало нам разрешение, мы начали действовать. Мы наносили удары в районе Купянска, и мы думали, что после этого продолжим наступление в сторону Луганска.

Давайте восстановим первые мгновения контрнаступления. Как оно выглядело?

Мне было поручено ответственное задание: собрать и доставить пехотный десант в деревни. Я получил указания на карте: «сюда и сюда». Собрав своих солдат, я отправился в путь. По пути мы столкнулись с незначительным сопротивлением со стороны русских, но это было лишь кратковременным препятствием. Мы прорвались через их позиции, вступая в короткие стычки, пока они не начали отступать, оставляя за собой лишь следы. С каждым шагом мы приближались к Купянску. Когда я достиг своих позиций, мы начали активные действия. Мы забрасывали гранаты, а мой коллега, который был автоматчиком, стрелял из 30-миллиметровой пушки по русским укреплениям. Пехота пошла на штурм, и русские были ошеломлены нашим внезапным нападением.

Когда вы выехали на позицию, винтовочные пули отскакивали от БТР?

Они не вели пулеметного огня прямо по мне. Но в 5, 6 метрах от телеги падали минометные снаряды. Было ощущение, что они падают близко. Но не было похоже, что я попал под сильный обстрел. Может быть, это была удача?

И что дальше?

Я въехал в Купянск.

В мирное время сколько бы вы проехали на машине от Харькова до Купянска?

Это будет 100 км. Единственное, что заставляло нас идти вперед, - это дозаправка, загрузка нового оборудования. И мы продолжали идти.

Когда вы въезжали в Купянск, о чем вы думали?

Я думал, что это настоящая победа, что мы будем гнать русских до самой границы и что война уже позади. Однако я не понимаю, почему поступил приказ остановиться. Как солдат, я могу лишь предполагать причины.

Погода испортилась?

Нет, у нас были силы, мы могли продолжать. Возможно, у нас уже было слишком мало оборудования, слишком мало ресурсов, чтобы продолжать - я не знаю, это только мое видение.

В каком порядке?

Однажды ко мне подошел командир и попросил подвезти ребят из Международного легиона. Когда они начали грузиться в мою тележку, я, не сдержавшись, начал ругаться по-польски, смеясь. Один из них посмотрел на меня и спросил: «Вы говорите по-польски?» Оказалось, что в этом отряде были поляк, англичанин и американец. Это было похоже на анекдот: люди из разных уголков мира встретились на востоке Украины. Мы начали общаться на польском. Было видно, что в этом отряде им пришлось нелегко. Один из поляков рассказал мне, что бои были тяжелее, чем он ожидал. У меня также есть молодой грузинский друг, с которым связана забавная история. Он говорит только по-грузински, но воюет вместе с нами. У солдата должен быть юмор. Нельзя все время ходить грустным. В начале войны тяжело, потому что есть потери, и погибает сослуживец. Но потом ты привыкаешь. Ты знаешь свою работу, тебе есть чем заняться, и у тебя нет времени на раздумья. Позже меня на некоторое время перебросили на Луганское направление, но потом были Бахмут и Часов Яр.

Вы продолжаете работу в качестве водителя БТР?

Нет, к нам пришел командир и спрашивает: ребята, кто хочет пойти на курсы беспилотников? Я подал заявку, кроме меня еще один сослуживец. Так мы стали операторами беспилотников.

Вы рассматривали города под Харьковом из окопов, Купянск из окон БТРа, Бахмут с камеры беспилотника?

Я служил под Бахмутом, под Ключевкой.

Это южные ворота Бахмута. Именно здесь была устроена эффектная ловушка для солдат ВДВ, которые ехали в украинскую засаду.

На мой взгляд, они просто заблудились и попали на позиции своих коллег. С самого начала войны и до сих пор у русских плохо с ориентированием на местности.

Что вас удивило в работе над беспилотниками под руководством Бахмута?

Мне доводилось сталкиваться с тем, что русские используют наркотики. Однажды мы летели на «мавиках» и, пролетая рядом с заряжающим из «Вагнера», я подумал, что он

обречён, у него нет шансов выжить. Однако он продолжал бежать, словно в состоянии амока. Возможно, его чем-то накачали. В зависимости от поставленной задачи, я летаю на различные задания: либо на атаки, либо на разведку.

В интернете появляется все больше записей с украинских, да и российских беспилотников. На них запечатлены самые разные ситуации - самоубийства, сдача пленных, иногда причудливые попытки сбежать от беспилотника. А какая самая странная ситуация была у вас?

Русские передвигались на десантной машине. Мы встретили их, закидав гранатами. В результате атаки шестеро из восьми русских были убиты, а двое получили ранения. Один из раненых упал на колени и стал молить о пощаде. В это время над ним низко пролетел беспилотник, чтобы лучше рассмотреть его. Раненый знал о беспилотнике, но его было плохо видно из-за маленького размера. Мы подлетели к нему, а затем снизились к нашим позициям, чтобы он мог сдаться в плен. Мы сопроводили его как военнопленного. В отличие от русских, которые оставили своих раненых.

Что вы имеете в виду?

Русские бросают своих раненых солдат, как только видят беспилотники. Они бросают носилки и в панике бегут.

Как бы вы охарактеризовали битву при Бахмуте?

Появились беспилотники и КАБы. И в дополнение к артиллерии, то есть русские продолжили свою тактику беспорядочных обстрелов, но сделали ее еще более опасной за счет дополнительных средств нападения с воздуха.

Что вы чувствуете, когда КАБ падает?

Они падали рядом с нами. Я был в укрытии вместе с тремя коллегами. До сих пор я не знаю, каким чудом мы выжили. В 50 метрах от нас упал 120-миллиметровый снаряд. Один из коллег был ранен, и его пришлось стабилизировать. Затем русские ворвались внутрь Бахмута.

Какие самые сложные ситуации были на фронте?

Когда я потерял пятерых сослуживцев во время штурма. Мы наступали под Андреевкой.

Что думает солдат?

Сначала мне было тяжело. Я знал их, мы ели из одного мениска весь год. А потом этот кто-то умирает. Его или ее больше нет. И тогда ты думаешь, что должен заниматься своими делами, и начинаешь к этому привыкать.

Вы сражаетесь с 2022 года. С таким опытом вы уже можете стать генералом. Вы все еще обычный солдат?

Я солдат и не думаю об этом. Парни, которые были из других подразделений или служили до 2022 года, стали "сержантами". Я делаю свою работу как солдат.

Давайте остановимся на Бахмуте. Там было сложнее всего?

Нет, хуже всего было при Волчанске.

Значит, вы вернулись под Харьков?

В это время началось наступление российских войск на Волчанск. После года службы в Бахмуте меня направили в Волчанск. Ранее я уже принимал участие в контрнаступлении на Ключевку в качестве оператора беспилотника. Моя задача заключалась в уничтожении техники противника. С высоты я наблюдал за нашими атаками. Это было очень сложно. Как только нам удавалось занять позицию, русские отступали, оставляя за собой горящую артиллерию, деревья и всё, что могло гореть.

А белый фосфор они тоже бросали?

Да, русские сбрасывали снаряды с белым фосфором в 150 метрах от нас, но, к счастью для нас, в сторону их окопов дул сильный ветер. У них также есть заряды, которые мы называем "зажигалками". Они бросают их, и сразу же все хижинки загораются. Чудовищное оружие.

Что самое страшное?

На мой взгляд, КАБы. Это настолько большая бомба, что на большом расстоянии от нее можно получить травму - баротравму, например. КАБ упала примерно в 300 метрах от нас. Ты на мгновение глоснешь. Как будто колокол с неба упал. Мы сидим в подвале, а через дорогу упал КАБ. Здание, на которое он упал, исчезло с лица земли. Когда КАБ падает, между падением и оглушительным звуком проходит краткий миг.

Вы сражаетесь с 2022 года. Вы пережили войну и в экстремальную жару, и в холод зимы. Вы сидели в окопе, водили машину, летали на беспилотниках. Когда солдату труднее всего?

Когда идет дождь, а потом наступает мороз, сначала становится мокро, а потом холодно. Особенно холодно ногам — это просто невыносимо. Волонтеры дали нам согревающие повязки, которые помогают лучше переносить холод. Когда вы двигаетесь, они согревают вас сильнее, и это придает сил и мотивации двигаться. Если выкопать глубокий окоп и укрыться в нём, можно как-то пережить суровую погоду. Но мокрый снег — это самый страшный кошмар для солдата.

Давайте вернемся в Волчанск. Почему там хуже всего?

Война изменилась. Как я уже упоминал, раньше можно было свободно передвигаться между деревьями на линии фронта. Теперь же это стало невозможно. Беспилотники сразу замечают нас и направляются в нашу сторону. FPV-дроны и Mavic координируют артиллерийские удары. В мае 2024 года нас перебросили из-под Бахмута в Волчанск. К этому моменту Волчанск был полностью разрушен русскими. Артиллерия и авиация постоянно наносят удары, выжигая всю растительность и не оставляя ни одного целого здания. Кроме того, через границу постоянно перебрасываются новые войска.

Есть много снимков из Волчанска, на которых видны эти группы, как бы атакующие в темноте. Они немногочисленны.

Как я уже упоминал, они не знают, куда направить свои атаки. Но даже когда они терпят неудачи, они продолжают отправлять всё больше и больше солдат. Под Волчанском они постоянно пытаются атаковать.

То есть вы видите их с беспилотников.

Да, командир рад, что у него есть мы, операторы беспилотников, потому что сегодня на поле боя без беспилотников не обойтись.

Проиграли ли русские битву за Волчанск?

Они удерживают свои войска под Волчанском только для того, чтобы привлечь наше внимание. Они хотят, чтобы мы не перемещали свои силы в другие места. Они продолжают удерживать свои позиции. Я делаю всё возможное, чтобы убедить их уйти оттуда.

Наступление на Харьков должно было оттянуть на себя ваши силы?

Вот что я думаю. Они думали подойти к Харькову, но мы остановили их раньше времени. Они просто пересекли границу, но мы их не пустили.

Говорят, что русские перебросили часть своих сил из-под Волчанска в Курск.

У них больше людей. На некоторых участках фронта на одного нашего у них приходится восемь своих, так что они могут их перевернуть. Но что будет под Курском, я не знаю, только то, что читаю в СМИ.

Как на вас реагируют харьковчане?

Третий год войны. Люди устали. Ближе к границе они по-прежнему добры к нам.

Вооруженным силам Украины не хватает мужчин?

У меня нет недостатка в людях, но нам нужно оружие. Современное оружие.

А как насчет демобилизации?

Говорят, что после 36 месяцев службы возможна демобилизация, но я не знаю. Я продолжаю сражаться, потому что враг оккупирует нашу землю.

Как вы оцениваете помощь Польши?

Я очень благодарен. Особенно фонду REACT, который нам помогает. У меня есть семья в Польше. Когда я поехал в Украину в 2022 году, поляки бесплатно подвезли меня до границы. Поляки поддерживают нас, большое им за это спасибо.

Что вы чувствуете, когда переступаете через русского?

В начале вы летите, чтобы убить врага. Ваша миссия - уничтожить оккупантов. Сначала вас охватывает эйфория от того, что вы попали в цель. Затем приходят размышления о том, сколько их должно быть убито, чтобы война закончилась. Их очень много, а война все еще продолжается. Русские, увидев беспилотник, не знают, летишь ты с гранатой или на разведку, поэтому паникуют.

На этих видео видно, что они ходят по одному. Они не формируются в отряды?

Иногда они идут группами по шесть-восемь солдат. Иногда меньше. Причина - беспилотники и угроза с неба. Это очень жестокая война, потому что, пока наши ребята выносят раненых с поля боя, русские беспилотники летят атаковать медиков.

Есть ли еще гражданские в тылу?

В прифронтовых зонах практически не осталось людей. Ну или мы их эвакуируем. Часть тех, кто этого хотел, ушёл в Россию.

Как русские мотивируют себя после нескольких лет войны?

Не знаю, что они им говорят, но они постоянно сражаются. Они выполняют приказы. Они идут вперед. Я думаю, что они просто сильные волевые воины, именно такие.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Иллюстративное фото, 5-я штурмовая бригада/Социальные сети

14. "Моя рота защищала Часов Яр".

- Интервью с украинским офицером "Скорпион". Интервью с Михалом Брушевским

Мы стали свидетелями того, как русские безжалостно убивают наших раненых товарищей и военнопленных. Это было ужасно и происходило на наших глазах. Один из наших солдат чудом избежал такой участи. Во время одной из стычек русские захватили наших бойцов в плен. Они связали им руки за спиной, чтобы потом расстрелять. Тела складывали на насыпи, чтобы все могли видеть. К счастью, нашему товарищу удалось вырваться из захвата, когда ему связывали руки. В этот момент начался артиллерийский обстрел, и русские прекратили казни, чтобы укрыться от канонады. Солдат бросился бежать и, несмотря на обстрел, сумел добраться до наших позиций.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ЛЕТОМ 2024 ГОДА.

"Скорпион" защищал Часов Яр. Бои за этот город были продолжением сражений за Бахмут. Битва за Часов Яр началась 4 апреля 2024 года, хотя попытки атаковать город предпринимались и ранее — 26 декабря 2023 года российские войска уже пытались найти пути к нему. В апреле русские начали прямое наземное наступление на Часов Яр. Этот город находится на возвышенности, что делает его естественным опорным пунктом для украинских солдат после падения Бахмута. Кроме того, западно-центральная часть города находится за каналом на реке Донец, что делало Часов Яр удобной фронтовой базой. После нескольких месяцев столкновений на территории между Бахмутом и Часовым Яром, русские перешли в наступление на пригороды. Они поддерживали атаку воздушными бомбардировками. После первых действий стало известно, что часть Часова Яра находится в руках русских, но генерал Сырский это опроверг. По слухам, Россия направила до 25 000 войск в направлении Часова Яра. Они пытались захватить плацдарм в городе, но безуспешно из-за ослабевающего сопротивления украинских солдат. Украинские СМИ сообщили, что Путин отдал приказ захватить Часов Яр к 9 мая 2024 года — в качестве подарка российскому диктатору ко Дню Победы (годовщине капитуляции Третьего рейха). На первом этапе наступления, с 4 по 22 апреля, русским солдатам удалось взять Хромово, Богдановку и выбить передовой отряд защитников из Ивановского. Сам Часов Яр успешно оборонялся. На втором этапе русские захватили район Канала и выровняли фронт вдоль Северского Донца (захватив, в частности, Калиновку). Несмотря на многочисленные сообщения о проблемах в обороне, например, о нехватке боеприпасов, русским удалось удержать реку. В это время Часов Яр подвергался интенсивным бомбардировкам и обстрелам, напоминая Бахмут. Сама деревня имеет историю, отмеченную советскими преступлениями. Именно в Часовом Яре во время Голодомора погибло несколько сотен

человек от голода. Так называют голод, искусственно созданный коммунистическими властями СССР в 1932-1933 годах, который был наиболее сильным в Украинской ССР (на территории нынешней центральной и восточной Украины). Сейчас, когда я пишу эти строки, украинские солдаты все еще обороняются в руинах Часова Яра. Дальнейшие проблемы для редута в Часовом Яре начались после российской Покровской операции. Мы говорим о последних неделях в Украине; я отмечаю — пока пишу эти слова. Летом 2024 года русским удалось за несколько недель продвинуть свой фронт на 10 км к западу и подойти к Покровску. Если мы посмотрим на карту, то увидим, что это следствие взятия Авдеевки. Правда, Бахмут и Покровск разделяет некоторое расстояние, но дороги идут по линии Покровск-Константиновка-Часов Яр. Русские попытались захватить этот логистический узел в 2023 году, продолжив бахмутскую операцию. Когда это не удалось, они начали менять ось атаки с севера (севернее Константиновки) на юг (Вухледар-Курахово-Покровск). Именно поэтому оборона Часова Яра была такой отчаянной и важной. По сути, она и сейчас таковой является, поскольку не позволяет русским сокрушить Донбасс с северного и южного флангов.

Михал Брушевский: Где вы сейчас служите?

"Скорпион", украинский офицер: Я лейтенант, командующий ротой. Мы обороняем Часов Яр.

Какими людьми вы командуете?

Они представляют собой срез всего нашего общества. До войны многие из них работали водителями грузовиков, строителями или в сельском хозяйстве. Некоторые из них трудились в Польше. Я тоже работал в Польше: строил дома и занимался сельским хозяйством. Я окончил Львовский национальный сельскохозяйственный университет и по профессии являюсь агрономом. Если бы не война, я бы продолжил заниматься земледелием. Во время работы в Польше я хотел узнать как можно больше от ваших фермеров, чтобы затем применить эти знания в украинской деревне. Но, к сожалению, судьба распорядилась иначе.

Какова ситуация в Часов Яре?

Русские регулярно используют КАБ (плавающие бомбы). После массированных бомбардировок они наносят удары из реактивной артиллерии, а затем отправляют пехоту на штурм, но мы успешно останавливаем их. В начале битвы за Часов Яр, русские попытались захватить его с ходу. Это было критическое время для нас. Когда они отправили БМП на штурм, у меня оставалось всего шесть человек. Русские очень спешили, и когда они двинулись на наши позиции, их было около пятидесяти человек. Первая машина наткнулась на мины, и русские, как это часто бывает, начали отступать. Однако мы их догнали и открыли плотный огонь. Для них это была настоящая бойня. Я думаю, что русские даже не предполагали, что у меня так мало людей. Впятером мы остановили их мощный штурм наших позиций. Сейчас моя рота уже усилена, и мы удерживаем свои позиции. Русские дошли до окраин Часов Яра, но не захватили город.

Укрепили ли вы свою оборону?

Да, и благодаря помощи поляков, потому что мы получили экскаватор от польского фонда REACT. У нас не было оборудования, чтобы выкопать хорошие траншеи. Поляки нам очень помогли. Благодаря этой помощи мы выживаем.

В ходе боевых действий вам было присвоено офицерское звание, верно?

Да, я начал войну в качестве младшего сержанта. В начале полномасштабного российского вторжения я был мобилизован, имея за плечами опыт военной службы. В апреле 2022 года я оказался на позициях под Попасной, в Луганской области. Во время одного из обстрелов, организованных российской стороной, меня ранило осколком в правую ногу. Меня эвакуировали в госпиталь в Харькове.

А когда бомбили Харьков?

Как только меня положили на больничную койку, мы увидели в окно, как на город падают русские ракеты.

Вы вернулись на службу. Какие моменты на фронте были самыми сложными?

Когда теряешь друзей. Из нашей стаи, из моих друзей, с которыми я начал войну, в живых остался только я. До недавнего времени нас оставалось двое, но последний из моих друзей занял позицию со своими солдатами неподалеку от нас, в лесу. Я приказал отправить туда беспилотник, хотел посмотреть, что происходит у него. К сожалению, я увидел, что там, где они были... уже были русские. Позже я узнал от его родственников, что семья была оповещена. Это самое сложное.

Польские СМИ распространили видеозапись, на которой российский солдат без колебаний добывает своего раненого сослуживца, раненного беспилотником-камикадзе. Видели ли вы эти кадры?

К сожалению, мы стали свидетелями того, как русские солдаты совершают убийства над нашими ранеными коллегами и военнопленными. Один из наших солдат в последний момент избежал подобной участи. Во время одного из сражений русские захватили в плен наших людей. Они начали связывать им руки за спиной, готовясь к расстрелу. Тела убитых складывали на насыпи, чтобы все могли увидеть. К счастью, нашему сослуживцу удалось вырваться из плена в тот момент, когда ему связывали руки. Ему повезло, потому что начался артиллерийский обстрел. Русские были вынуждены прекратить казни и укрыться от канонады. Этот солдат воспользовался моментом и сумел добежать до наших позиций во время обстрела. Я считаю, что русские плохо обращаются со своими ранеными, поскольку их отношение к своим солдатам, которых они используют как пушечное мясо, не поддается человеческому пониманию. Когда я сражался под Бахмутом против вагнеровцев, они использовали «мясной штурм» в качестве живого щита.

Как это выглядело?

Это сложно понять. Как выяснилось позже, так называемое «мясо» отправили в бой без оружия, но с рюкзаками, полными магазинов, и поясами с патронами. Они должны были раскидать их по полю боя для парней с оружием. Мы называли их «верблюдами». Когда мы открыли огонь, Верблюды оставили большой запас боеприпасов на передовой, так как они держали свои рюкзаки перед собой. Стрелки метко стреляли в нас. Один из бойцов даже положил автомат на тело убитого солдата и продолжал стрелять. Жизнь и смерть других для них ничего не значили. Мы остановили их атаку, а затем собрали эти рюкзаки. Мои ребята были очень рады, потому что теперь у нас был большой запас боеприпасов.

Вы сражались против различных российских подразделений. Можете ли вы заметить какие-либо изменения за месяцы боев?

Мы можем определить их по бороде. Чем длиннее борода, тем дольше отряд принимает участие в боях. У этих людей бороды свисают вниз, и мы понимаем, что они не были в ротации. Это могут быть разные отряды: мобилизованные, контрактники, бывшие военные или бойцы отряда Кадырова, но для нас это не имеет значения.

Какова ситуация с "голодом" боеприпасов? Текущие сообщения с фронта довольно позитивны, западная поддержка войск, как говорят, прибыла. Что вам нужно?

Я хотел бы выразить нашу признательность за помощь, оказанную Западом. Однако, честно говоря, мы не заметили существенной разницы. Мы — пехота, а не артиллеристы, и у нас есть автоматическое оружие, с которым мы продолжаем сражаться. Нам также необходимы транспортные средства для передвижения, и здесь нам оказывают поддержку поляки. Без их помощи нам пришлось бы очень тяжело. Я хотел бы ещё раз подчеркнуть значимость польских фондов, которые активно помогают Украине. Война также меняет многое.

Что вы можете сказать по поводу БПЛА для эвакуации?

Будущее потребует мобильных беспилотников для эвакуации раненых с поля боя. Автоматические пулеметы, стреляющие из окопов...

Чтобы не пустить солдата на риск?

Именно для того, чтобы минимизировать риск.

Вы были ранены на фронте, поэтому хорошо это понимаете.

Я был ранен дважды. Как ни парадоксально, в одном и том же месте. Как я уже говорил, первый раз меня ранило в правую ногу осколком под Попасной. Затем госпиталь и реабилитация. Я вернулся в строй. Второй раз я был ранен также в правую ногу и руку. Прошел курс лечения и получил месячный отпуск, после чего меня направили на офицерские курсы. На фронт я вернулся в звании лейтенанта. Кроме Бахмута и Часов Яра, я был на Запорожском фронте - под Гуляйполем, и под Авдеевкой на Донбассе.

Поэтому я спрошу о земле, об украинской территории. Украинские города сровнены с землей русскими. Города разрушены, люди убиты. Каков план России? По вашему мнению, есть ли там вообще план?

На мой взгляд, у российских войск, которые сейчас находятся в боевых позициях, нет чёткого плана. Они стремятся продвигаться вперёд любой ценой, и наша задача — остановить их дальнейшее продвижение в Украину. Они стремятся к разрушению и захвату территорий. Их тактика и приказы довольно просты: сначала бомбить, а затем штурмовать. Однако с военной точки зрения, да и вообще с любой другой, эти бомбардировки не имеют смысла, поскольку от тех мест не осталось и следа. Они убивают мирных жителей. Это безумие, это проявление звериной жестокости. Вот почему мы должны остановить русских.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Иллюстративное фото, 35-я отдельная бригада морской пехоты/Социальные сети

15. "Я ПЕРЕВЕДЕН В МОРСКУЮ ПЕХОТУ. ВОЮЮ ПОД ХЕРСОНОМ".

- Интервью с "Вегасом", поляком из Франции, волонтером в Украине.
Интервью взял Михал Брушевский

В освобожденном Херсоне мы стали свидетелями ужасных историй о том, как проходила русская оккупация. Мы увидели места пыток, стали свидетелями преследований и других жестоких деяний. Один мой украинский друг, родом из Херсона, стал жертвой этой оккупации. Он был арестован российскими службами, заключен в тюрьму и подвергался пыткам. Русские сломали ему челюсть. После освобождения он решил, что хочет сражаться. Он отправился в армию, где ему сказали, что его здоровье не позволяет ему служить. Несмотря на это, он, как доброволец, отправился на фронт, чтобы сражаться, рискуя своей жизнью. К сожалению, недавно он скончался.

ОТРЫВОК ИЗ БЕСЕДЫ, СОСТОЯВШЕЙСЯ ЗИМОЙ 2024 ГОДА.

«Вегас» — это история о поляке из Франции, который отправился в Украину, чтобы защитить свою страну и, что более важно, Европу от российской агрессии. В его рассказе мы встречаем город Херсон — один из ключевых символов войны. На начальном этапе конфликта Херсон был единственным крупным украинским городом, который оказался под контролем русских. Однако бои за Херсон не были особенно ожесточенными. Фактически, это был лишь один из немногих тактических успехов России в первые недели войны. Следует отметить, что 25 февраля 2022 года русские войска, наступавшие из Крыма, перешли Антоновский мост. А уже 27 февраля они начали обходить Херсон с фланга. Им удалось захватить военный аэродром в Чернобаевке, который впоследствии стал символом позора российского командования. Украинцы неоднократно разрушали его, а русские продолжали хранить на его территории оружие и технику. В ночь с 28 февраля на 1 марта русские вошли в Херсон. Единственным оплотом обороны были подразделения 124-й бригады территориальной обороны, которые были уничтожены. У территориальных войск было только стрелковое оружие и бутылки с зажигательной смесью. Российские машины въехали на рыночную площадь в Херсоне, и жители начали протестовать. Сам Херсон стал важным центром украинского сопротивления, которое противостояло оккупационной администрации города. Из-за военного поражения под Николаевом русские не смогли дойти до Одессы, как планировали, и лишь захватили часть территории на другом берегу Днепра. Этот российский плацдарм испытывал трудности со снабжением, поскольку украинцы уничтожали переправы и пути снабжения точным артиллерийским огнем. В связи с растущим украинским контрнаступлением на этом направлении генерал Сергей Суровикин 9 октября 2022 года стал начальником штаба так называемой Особой

военной операции. Уже 27 октября он начал частичную эвакуацию российских войск за Днепр. Общий штурм Херсона был осуществлен украинскими вооруженными силами 8 ноября 2022 года. Окрестные села были освобождены, 10 ноября была выиграна битва за Херсон, а на следующий день был освобожден и сам город. Дата освобождения — 11 ноября 2022 года, что совпадает с Днем независимости Польши. В американских СМИ высказывались предположения, что Херсон капитулировал так легко в начале вторжения потому, что русские проникли в администрацию и секретные службы города. Еще один важный аспект, который стоит упомянуть, — это украинская морская пехота. Очень часто это были подразделения, переформированные в 2014 году после аннексии Крыма Россией. Особенно в ходе оборонительной кампании 2022 года они продемонстрировали высокий боевой дух. Достаточно вспомнить оборону Мариуполя, где подразделения 36-й отдельной бригады морской пехоты плечом к плечу с полком «Азов» в течение трех месяцев защищали город-порт. Большую часть этой обороны составляли осадные бои.

Михал Брушевский: Где застал вас момент начала полномасштабной войны?

"Вегас", волонтер в Украине: Я учился в Варшаве. До этого я учился в Киеве, потому что мне всегда были интересны славянские исследования. У меня польские корни, но я вырос во Франции. Когда началась война, я решил помочь военным беженцам из Украины.

Вы записались в Международный легион в 2022 году?

Да, сначала я присоединился к этому подразделению. Там было много американцев, англичан и, что интересно, значительное количество добровольцев из Латинской Америки, например, из Мексики. Вопреки ожиданиям, не так много было поляков и французов, но я говорю о своём подразделении.

В марте 2022 года громким делом стала российская бомбардировка полигона в Яврово под Львовом.

Да, но лично меня это нападение не затронуло. Я приехал в Украину позже. Меня готовили в другом месте страны. Это неправда, что нас не готовили долго, я прошёл длительную подготовку. Сначала я служил в более безопасной части, но там не происходило ничего интересного. Затем нас перебросили под Бахмут.

Битва при Бахмуте в 2022/2023 годах стала решающим моментом в этой войне. Как она выглядела?

Я участвовал в боях за Клевцовку, которые проходили к югу от города. С моей точки зрения, это была окопная и артиллерийская война. На каждый наш артиллерийский снаряд приходилось десять российских. В такой войне пехотный солдат не имеет большого значения. Переломным моментом для меня стала смерть моего друга, с которой я ничего не мог поделать. Он погиб под артиллерийским огнём. Я решил, что хочу быть более эффективным в борьбе с русскими, поэтому начал искать для себя другую роль на фронте. Так я попал в минометную службу и стал членом украинской морской пехоты.

Они - элита украинской армии. Я все же хотел спросить вас об Интернациональном легионе, потому что многие статьи в прессе предупреждают, что добровольцев с Запада стало меньше, чем в 2022 году. Как вы это оцениваете?

Зимняя кампания 2022/2023 годов была долгой и трудной, поэтому после такого опыта людей стало меньше.

Понятно, давайте вернемся к вашим сражениям в рядах морской пехоты. Где вы служили?

Сначала я оказался на границе Донецкой и Запорожской областей, недалеко от села Урожайное. Вокруг была степь, не было видно ни одного здания, только окопы и разрушенные деревни. Представьте, что повсюду бродили бродячие животные: свиньи, куры, лошади, коровы. Они свободно перемещались между нашими и российскими позициями. Некоторые из этих животных были плотоядными, но я не буду развивать эту тему (улыбается).

Об освобождении Урожайного украинскими морскими пехотинцами всему миру сообщила заместитель министра обороны Украины Анна Маляр. Это вызвало большой резонанс. Вы управляли натовским минометом?

Нет, именно украинские, но у нас есть боеприпасы отовсюду, даже из Ирана.

Из Ирана?

Да, я думаю, это придаст остроты нашему разговору. В прессе уже писали об этом, так что это официальная информация. Иран отправляет оружие террористическим группировкам, таким как «Хути» в Йемене, «Хезболле», ХАМАС и другим. Иногда эти грузы конфискуют в международных водах. Позже американские военные передали их Украине.

Для минометчика это, должно быть, очень опасная служба, верно?

Это сражение требует от нас постоянной изобретательности, и мы не можем сидеть на месте. Русские следят за нами с помощью беспилотников, и наша активность не может защитить нас от опасности. Однажды, когда мы собирались, на нас обрушился обстрел кассетными боеприпасами. Удивительно, но никто из нас не был ранен. Это самое опасное оружие, которое русские используют в своей армии, и до сих пор я удивляюсь, как мы остались живы. Где бы мы ни прятались, нас всё равно могут подстрелить. Даже окоп не гарантирует безопасность.

Вы натерли себя до смерти. Русские используют в этой войне очень смертоносное, даже садистское оружие. С какими еще случаями вы сталкивались?

Другие коллеги были атакованы зарядами белого фосфора. Это очень смертоносное оружие.

СМИ сообщили, что украинская морская пехота ведет успешные бои под Херсоном. Можете ли вы рассказать нам об этом подробнее?

Я служу в Херсонской области, и многие из этих историй уже знакомы людям. В освобождённом Херсоне мы слышали страшные рассказы о том, как проходила русская оккупация. В тех местах были места пыток, преследования и другие ужасные вещи. Один из моих друзей, украинец по национальности, был родом из Херсона. Он был арестован российскими службами, заключен в тюрьму и подвергнут пыткам. Ему раздробили челюсть. После освобождения он решил, что хочет воевать. Он пошёл в армию, где ему сказали, что с его здоровьем он не годен к службе. Однако, как доброволец, он всё равно отправился на фронт, чтобы сражаться. Он делал это на свой страх и риск. Недавно он ушёл из жизни.

Это огромная воля к борьбе. Что вы можете сказать о службе в Херсоне?

Среди прочего, мы рассказываем об успешных атаках по ту сторону Днепра.

Вы упомянули о беспилотниках. Какую роль они играют в вашей службе?

Как я уже упоминал, я служил в минометном отряде. Однажды я подумал: а что, если попробовать создать более эффективный способ борьбы с врагом? Я решил использовать дрон, чтобы сбросить на вражеские позиции минометную гранату.

Вы занимались дронами?

Да, я прошел курс обучения пилотированию дронов, чтобы стать более эффективным. Многие люди считают, что это безопасный вид деятельности с низким уровнем риска. Однако это не так. Хороший пилот беспилотника должен находиться как можно ближе к линии фронта, чтобы иметь максимальный радиус действия. Это означает, что он подвергается риску. Он должен быть на месте. Быстрое отступление не всегда возможно, особенно когда вы находитесь на передовой и носите шлем и бронежилет — все это значительно усложняет жизнь.

Пока мы говорим, президент Макрон упомянул о войсках НАТО в Украине. Медведев ответил ему, что он "закончит как Наполеон". Вы это слышали?

Нет, но если бы мы сожгли Москву, было бы не так страшно (смеется).

Как вы оцениваете эффективность французских орудий на Днестре?

155-мм САУ CAESAR - одно из лучших вооружений Украины на сегодняшний день. Они высоко оценены и эффективны. AMX-10RC - это разведывательная машина, поэтому ее нельзя считать танком.

На Сене понимают ли они цель вашей службы?

Во Франции очень сильна российская пропаганда. Многие французы считают, что до 2014 года в Украине якобы притесняли русский язык, и именно это стало причиной начала войны. Это заблуждение. Каждый, кто бывал в Киеве, знает, что на русском языке говорят не только в столице, но и повсеместно. Однако во Франции повторяют лозунги из российских статей. Люди считают, что я являюсь наемником и получаю больше, чем

украинские солдаты. Но это неправда. Я доброволец, служу в регулярной украинской части, и моя зарплата такая же, как и у моих украинских коллег. Многие люди не понимают, что здесь происходит.

Но вы понимаете. Вас всегда интересовали эти вопросы?

Я всегда много читал, особенно интересовался историей войн. Меня привлекала славистика и страны Восточной Европы. Я учился и путешествовал. Мои корни польские, и даже я замечал, какие нелепые ошибки совершали русские.

Вы образованный человек. Вы видите исторические аналогии, сидя в окопах?

Русские повторили ошибки Карла XII, короля Швеции, когда он проходил по этой территории в XVIII веке.

Вы говорите о Полтавской битве 1709 года?

Да, русские также атаковали Украину с севера. Продвижение с территории современной Беларуси в Украину было бы равносильно самоубийству. Нанесение удара по Киеву было бы неразумным шагом. Русские могли бы потерпеть поражение. У Карла XII под Полтавой было только 10% войск, поскольку остальные либо заболели, либо погибли во время похода с севера.

Какими будут российские солдаты в 2024 году?

Они, конечно, научились на своих ошибках. В конце концов, они сделали свою "Линию Суровикина", но мы тоже умеем строить свои позиции.

А как вашу службу воспринимают в Польше?

Возможно, поляки знают об этой войне больше, чем французы, но это знание даётся им нелегко. Они также не осознают всей значимости этого сражения.

Защита Европы от российских войск?

Совершенно верно.

Спасибо за интервью.

Спасибо.

Мост на востоке Украины (год 2024)

16. ВМЕСТО ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЫ

- Крупницы военной разведки

Вместо завершения книги здесь должна была быть глава о том, как мы проводили эти интервью. Истории наших героев-интервьюируемых оставляют глубокое впечатление. Читая их, вы можете плакать или смеяться — многие солдаты в своих рассказах используют пронзительный юмор. Это человеческая книга о войне, потому что мы посвятили ее участникам. После такого количества военных историй, казалось бы, не нужно резюме. Но, возможно, стоит описать процесс создания подобных интервью. Это действительно похоже на работу полевой кухни. Мы с Мацеем — журналисты с многолетним опытом, и за свою карьеру провели десятки, а может быть, даже сотни интервью. Однако эти — особенные, потому что были записаны в самый разгар событий, с людьми, которые были на передовой. Люди не любят говорить о войне. Они не хотят открываться, особенно на свежем воздухе, сразу после пережитого. Есть разные виды войн, и я не хочу преуменьшать значение ни одного из них. Но если собрать вместе ветерана войны во Вьетнаме и ветерана высадки на Гренаду (операция «Ярость» 1983 года), то становится очевидно, что им не о чем говорить — у них нет общих тем для беседы. Я пишу это потому, что разговор с ветеранами боевых действий в Украине — это разговор с людьми, которые много раз сталкивались со смертью. Полномасштабное вторжение России в Украину было жестоким, и все оценки потерь подтверждают это.

Документально подтвержденные потери включают более 35 000 убитых и раненых украинских гражданских лиц, а также более 167 000 разрушенных жилых домов. Зафиксировано свыше 144 000 актов российских военных преступлений. По данным Организации Объединенных Наций, в Украине 3,7 миллиона человек получили статус внутренне перемещенных лиц (ВПЛ), а 6,3 миллиона уехали за границу. Количество погибших защитников остается в стране табуированной темой. Однако в статье Rzeczpospolita под заголовком "Владимир Зеленский о потерях Украины" было указано, что в ходе войны погибло 31 000 украинских солдат. Эта цифра значительно отличается от тех, о которых заявляет Путин и его окружение. Статья была опубликована в феврале 2024 года. Фактически, Киев потерял меньше солдат по сравнению с потерями России, в то время как Кремль ежедневно распространяет ложь о ходе войны. Возникает вопрос: "Не являются ли потери еще выше?" В середине 2023 года "Нью-Йорк таймс" писала: "В последний раз администрация Байдена публично озвучивала информацию о потерях в ноябре, когда генерал Марк А. Милли, глава Коллегии Объединенного комитета начальников штабов, сообщил, что с начала войны в феврале 2022 года с обеих сторон было убито или ранено более 100 000 военнослужащих. Тогда же в частных беседах официальные лица утверждали, что эта цифра приближается к 120 000 погибших и раненых." В сентябре 2024 года газета «Уолл-стрит джорнэл» писала, что, согласно секретным украинским данным, 80

000 украинских солдат были убиты и 400 000 ранены. Президент Зеленский назвал эти цифры «ложью», о чём сообщила «Украинская правда». По оценкам «WSJ», российские потери составляют 200 000 убитых и 400 000 раненых. Аналогичная оценка Киева — более 600 000 уничтоженных россиян. Следует отметить, что во время боевых действий в Чечне с российской стороны погибло 11 000 человек, а в Афганистане — 14 000 советских солдат. Сложно даже сравнивать потенциал резервов СССР и Российской Федерации. К этим цифрам следует добавить распространенную практику в российской армии, когда солдат, получивший травму в результате некачественной госпитализации, подвергается ликвидации. Другими словами, подход к раненому солдату в России отличается от общепринятого: его воспринимают как непригодного для дальнейшей службы и отправляют обратно на фронт, что в последнее время происходит всё чаще и чаще из-за несовершенства российских военно-врачебных комиссий. Уже были случаи, когда на передовую возвращались люди с отрезанными пальцами, сломанными челюстями и осколками в конечностях. Я не говорю уже о сотрясениях мозга. Я подробно описал один из таких случаев на сайте Defence24.pl. Статистика подтверждает, что этот конфликт стал самым кровавым со времён Второй мировой войны, даже с учётом того, что Россия, обладающая большим кадровым резервом, чем Украина (более 400 000 осужденных), начинает испытывать недостаток людей для своих окопов. А теперь давайте поговорим о том, как проходят подобные интервью.

Когда началось полномасштабное вторжение России на Украину, я сразу же решил поехать туда, но не знал, как это организовать. Я уже бывал на Донбассе, в Авдеевке и Песках, но в этот раз российское наступление разворачивалось на таком широком фронте, что было сложно предугадать, чего ожидать. Русские наступали не только на Киев. Они перерезали шоссе из Житомира в украинскую столицу, продвигались к Николаеву, шли бои за Харьков — я даже не буду писать о событиях в восточной Украине, потому что всем известно, что там был настоящий ад. Я отправился в центральную Украину в начале марта. Я хорошо знал страну заранее, объехал её вдоль и поперёк, но всё оказалось гораздо хуже, чем я ожидал, и даже хуже, чем рассказывали СМИ. Полки были пусты, повсюду были выстроены оборонительные позиции и блокпосты — вы понимаете, о чём я говорю. Оказалось, что это было необходимо, потому что так удалось предотвратить повторение событий в Крыму 2014 года. Украину не разгромили, как это произошло на полуострове, так называемые зелёные человечки. Я помню погоду того времени — это был настоящий каскад из дождя, снега, града, заморозков и тепла. Это помогало защитникам, но создавало ещё более суровую атмосферу. Условия работы журналиста резко изменились. В 2018 году я ездила с отрядом ЦМИК в Авдеевку, где были пресс-атташе, а в Краматорске — пресс-центр. Но теперь было тотальное вторжение, а значит, и тотальная оборона — пресс-атташе стали линейными офицерами, на Краматорск падали ракеты, правила игры изменились. Фотографии? Забудьте об этом. Любая фотография баррикады, выложенная в социальные сети, могла привести к тому, что на это место упадёт ракета. Когда я смотрю на первое селфи, которое я сделал с украинскими солдатами (знаю, детское), мне кажется, что на нём ничего не видно. Я размыл практически всё, добавил черно-белый фильтр — выглядит чудовищно, но я боялся, что русские могут засечь хотя бы часть улицы на заднем плане, и это поставит солдат под угрозу. Именно с ними я взял первое интервью. Это были солдаты территориальной обороны одного из городов центральной Украины. На службе они

постоянно носили балаклавы, что говорит о том, как сильно они боялись русских диверсантов и шпионов. В руках — автоматы, у них не было ни бронежилетов, ни касок. Они были в числе 100 000 добровольцев, записавшихся в Территориальную оборону в первые недели войны. Это отрывок из нашей беседы для сайта Defence24.co.uk.

МБ: Они совершают геноцидные нападения. Хотят ли они сделать второй Алеппо?

ТО Украины: Они уже начали это делать — разрушают гражданские здания. Они думают, что таким образом смогут нас сломить. Они стремятся ослабить Украину. Россия не добивается успехов на поле боя и не знает, как победить нас. Поэтому они прибегают к мести, нанося удары по мирным жителям. Они целенаправленно атакуют инфраструктуру, лишая людей газа и электричества, чтобы они умирали под обломками. Это преступления.

МБ: В 2018 году я был в Авдеевке [ключевой украинский город на линии фронта в Донбассе - прим. редактора]. Они использовали похожую тактику, так что люди умирали под завалами, а у их соседей не было ни воды, ни электричества, ни газа.

Потому что именно так они и поступают. Российские артиллеристы и лётчики виновны в военных преступлениях. Кроме того, утверждение, что они могут нас сломить, является заблуждением. Достаточно вспомнить, как "Киборги" защищали донецкий аэропорт.

МБ: В Польше мы все смотрим видеозаписи последовательных победных стычек, где украинские солдаты останавливают и уничтожают российские бронетанковые и механизированные колонны. Как вы думаете, где кроется успех?

ТО Украины: Мы защищаем нашу Родину. Мы полны решимости и всегда готовы к борьбе. Мы осознаем, что Россия и ее лидер Путин стремятся уничтожить Украину, и не позволим этому случиться. Каждый из нас выполняет свои обязанности. Мы — участники территориальной обороны, но как мотопехота готовы вступить в бой в любой момент. [...] Российские военные наносят удары по аэропортам, складам и гражданским объектам в городах, используя ракеты «Искандер» и другие виды вооружения. Наша противовоздушная оборона играет ключевую роль в отражении этих атак. На фронте продолжаются маневренные и позиционные бои. Под ударами оказываются Киев, Харьков и Мариуполь, но ракеты также падают на Житомир, Винницу, Днепр, города Удача и Ивано-Франковск на западе Украины. Среди жертв российских ракет — детские сады. Часто обстрелы ведутся с территории Беларуси. Атаки на родильный дом в Мариуполе были особенно жестокими.

Из нашего разговора я также помню, как мне хотелось сфотографировать их, но я так много слышал о новом «БМП» военного времени, что решил сначала посоветоваться с их командиром. Солдатский офицер связи побежал в штаб, чтобы получить разрешение. Затем я сфотографировал их в специально подобранной рамке, без таблички с адресом улицы, на фоне мешков с песком и деревьев. Так началась моя репортерская работа во время фронтального вторжения. Иногда я задаюсь вопросом, почему эти люди вообще хотели со мной разговаривать. Думаю, причин было несколько. Первая и самая важная — то, что я поляк. В то время польский язык и польский паспорт имели большое значение на Днепре. Я предполагаю, что солдаты просто боялись общаться с журналистами других

национальностей (что, кстати, неудивительно). Кроме того, я сопровождал транспорт с гуманитарной помощью, и со мной были местные жители, которые эту помощь раздавали. И есть ещё один аспект: двойственность солдатской души.

С одной стороны, солдаты опасаются СМИ. В 2022 году в Украине была оправданная тревога за использование камер и мобильных телефонов, поскольку ракета могла упасть где угодно. А журналист? "Это, скорее всего, приведёт к неприятностям". С другой стороны, близость смерти, осознание того, что солдат может быть убит или ранен в любой момент, заставляет его желать поделиться своей историей. Сделать это нужно сейчас, потому что потом может быть уже слишком поздно. Во время моих поездок по Украине я видел, как в глазах солдат отражалась внутренняя борьба между этими двумя мыслями (если только они не носили брандспойты). Как будто за одним плечом сидел сержант, который говорил: "Никаких СМИ!", а за другим — невеста: "Иди, хвастайся!". Хочу отметить, что для меня и Мацея эти интервью имеют особое значение. Во время войны людям трудно открыться, ведь для того, чтобы выжить в окопах, нужно быть скрытным. Они не станут общаться с другими журналистами, но готовы рассказать всё вам — это вопрос доверия, которое нам оказали герои этой книги. С 2022 года я провёл множество интервью с солдатами, но не все они вошли в полную версию книги, так как были слишком короткими. Однако без них эта книга не была бы написана, потому что от интервью к интервью я постепенно завоевывал авторитет в глазах ветеранов. Они понимали, что я забочусь об их безопасности и что разговариваю с человеком, который путешествовал по Украине и тоже видел войну. В 2022 году я начал звонить своим старым друзьям из Украины. Все они были мобилизованы. Вот стенограмма одного из наших разговоров, опубликованная на сайте Defence24.co.uk.

Эндрю, я рад поговорить с вами, и что у вас все хорошо. Где вас застало начало русского вторжения?

Андрей, украинский солдат: Здравствуйте! Привет всем полякам! Во время российской атаки я находился под Киевом вместе со своей семьёй. Как только начали падать ракеты, я понял, что стая Путина движется на мою страну. Хотя я был ослаблен после тяжёлой болезни, я знал, что делать.

Вы пошли в армию?

Да, в военное командование. Нас было очень много, настоящая река людей, и их число постоянно росло. У меня за плечами был опыт как военной службы, так и участия в боевых действиях.

Где вы получили ассигнования?

Многие мои друзья остались в Киеве и были зачислены в воинские части, которые занимались обороной столицы. Мне же выпала честь служить в 30-й механизированной бригаде имени князя Константина Острожского, известного гетмана Великого княжества Литовского и полководца, который в 1514 году одержал победу в битве под Оршей, завершившейся поражением для русских. Из-за этого мне пришлось покинуть Киев.

30-я механизированная бригада - элитное подразделение. Ее подразделения сдержали русских под Северским Донцом, но не будем опережать факты....

В нашей бригаде есть много бойцов, которые уже имеют опыт участия в боевых действиях на Донбассе. Они и раньше были на передовой. Важно помнить, что война для нас началась не в 2022 году, а гораздо раньше — ещё во время событий на киевском Майдане.

Какие моменты в вашем служении были самыми трудными?

Раненые кричат от боли, у них оторваны конечности или глубокие раны. Вы очень хотите помочь им. Русские наносят удары из артиллерии, обстреливая всё: города, деревни. Это практически всё, что они могут сделать, поэтому они продолжают стрелять днём и ночью.

Андрей — водитель скорой помощи.

Мы, журналисты, пишущие военные мемуары, и многие наши коллеги невольно соприкасаемся с жестокой реальностью вооруженных конфликтов. Например, во время работы над этой книгой я узнал, что солдат, с которым я планировал поговорить, уже нет в живых. Другой человек, с которым я хотел побеседовать, внезапно исчез, и связь с ним прервалась. Я опасался худшего, но, к счастью, это оказалось лишь временным прекращением связи. Я заметил, как меняются настроения солдат. В 2022 году было много добровольцев, и их энтузиазм не ослабевал. Это был настоящий взрыв оптимизма. Неудивительно, что они смогли остановить «вторую мировую армию». Сегодня солдаты говорят о другой решимости. Я разговаривал с ними летом 2024 года в Донбассе. Они продолжают сражаться, но их мысли уже не те. Их слова были включены в документальный фильм «Война дронов — репортаж с Донбасса».

Что представляет собой битва за Маринку? - спрашиваю я бойца территориальной обороны "Дера", остановившись под Кураховом.

Вы задали общий вопрос, на который трудно ответить. Особенно сложно говорить о битве за Маринку, так как она началась ещё до полномасштабной войны. Мы находимся здесь уже полтора года и действительно долго держали оборону. Мы также направили сюда много резервов и уничтожили значительное количество техники противника. Поэтому им, безусловно, приходилось нелегко.

Что будет с Донбассом?

У меня есть свои мысли на этот счёт. Президент и главнокомандующий думают иначе. Мы точно не уйдём отсюда добровольно. Мы будем сражаться так же, как и раньше. Без вариантов. Как бы трудно нам ни было, мы были здесь и останемся. У нас нет другого выхода. Это наша земля, и мы никому её не отдадим. В любом случае, мы будем бороться.

Я также поговорил с солдатом 5-й штурмовой бригады, сражавшимся в Часов Яре, Саней.

Какова ситуация здесь?

В целом, ситуация остаётся прежней. Противник продолжает попытки продвинуться вперёд, но и мы приносим ему пользу. Мы стоим на защите наших границ, и я уверен, что

даже если мы погибнем, то сделаем всё возможное для независимости Украины. Что бы ни придумал враг, мы не позволим ему воплотить свои планы в жизнь. Мы здесь, мы выполняем свою работу и прилагаем все усилия для достижения цели.

У солдата под Харьковом, "Зураба", я спросил о ситуации в Волчанске.

Что происходит в Волчанске?

В Волчанске в настоящее время идут ожесточённые бои, но украинские защитники прочно удерживают свои позиции, не позволяя российским оккупантам продвинуться вперёд. Они делают всё возможное, чтобы не допустить продвижения русских даже на сантиметр. Это тяжёлая работа, но мы должны защищать свою родину.

В течение 2022-2024 годов можно было заметить, как солдаты изменились. Они стали иначе воспринимать войну. По-прежнему полные решимости защищать свою страну, теперь они определяются опытом, полученным на позициях, которые защищают, где погибли и были ранены их коллеги. Удержание этих позиций — вот что придает смысл жертвам, которые принесли друзья наших собеседников. Хотя русские были жестокими с самого начала вторжения, или, возможно, правильнее сказать, с самого начала истории, война сделала их ещё более радикальными. Как ни трудно в это поверить, война сделала их ещё более ожесточёнными. Мариупольская трагедия потрясла весь мир, и вскоре стало ясно, что все крупные города восточной Украины разделили её судьбу. Солдаты, наблюдая за этим, понимают, что, помимо защиты Украины, идёт борьба цивилизационного масштаба. Именно поэтому они называют своих врагов «орками».

Еще один важный момент, на который стоит обратить внимание, — это военные уроки этой войны. Я понимаю, что, согласно принципу подготовки военных к уже прошедшим войнам, мы не должны слепо копировать все украинские оборонные решения в Польше. Однако потенциальный враг остается неизменным — это Россия, которая нападает на Украину и оккупирует ее часть. Во всех обсуждениях в этой книге общим знаменателем является тактика ведения боя, используемая русскими. Она основана на секторальном артиллерийском обстреле, воздушных бомбардировках и жестокости, в которую многие политические круги не верили. Сколько якобы экспертных мнений мы слышали о том, что больше ни один вооруженный конфликт не будет похож на Вторую мировую войну? Предположение, что война не окупится для Путина, оказалось большой наивностью. Я уже приводил оценки российских потерь. Только политическая решимость Кремля продолжать войну любой ценой поддерживает так называемую Специальную военную операцию. Предыдущие военные кампании Путина (в Чечне, Грузии, Украине с 2014 по 2022 год) делали вторжение правдоподобным, хотя многие эксперты утверждали обратное. Это означает, что, основываясь на эмпирических данных, мы можем сделать вывод: раз Путин развязал и продолжает крупную войну, он может развязать еще одну. Почему мы считаем, что он этого не сделает, если каждый день он подтверждает, что способен на это? Кроме того, разве политика России когда-либо была иной? Если не учитывать редкие эпизоды с демократией на востоке, Россия была, есть и будет сатрапией войны. Страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва), Польша, а также другие страны региона уязвимы для российского нападения.

И теперь, в ходе войны, Вооружённые силы Российской Федерации продолжают своё обучение. Хотя в битве с беспилотниками они пока отстают от украинцев, они активно изучают их опыт и решения. Россияне копируют идеи украинских военных и создают собственные беспилотные войска. Они массово используют беспилотники и глушилки. К сожалению, они также учатся на своих ошибках. Из истории войн, которые вела Россия, можно сделать один важный вывод: после каждой из них Москва стремилась восстановить свой военный потенциал и начать новую реваншистскую военную кампанию.

Поле боя 5-й штурмовой бригады

"Липтон" на своем BWP-1

Бойцы батальона "Липтон" и ОПФОР с включенными приборами ночного видения. Приборы ночного видения - один из ключевых элементов, дающих преимущество на современном поле боя.

Солдаты Калиновского полка

Хуберт Кампа

Геннадий Шевчук "Крокодил"

Геннадий Шевчук "Крокодил"

Роберт Пожого с Якубом Балабаном

Роберт Пожого в точке стабилизации

Роберт Пожого - Польский медицинский кабинет

Солдаты 35-й отдельной бригады морской пехоты

Солдаты 35-й отдельной бригады морской пехоты в окопах

Солдаты 35-й отдельной бригады морской пехоты

Солдаты 17-й отдельной бронетанковой бригады

Борис Романько

Солдат 17-й отдельной бронетанковой бригады

Моя первая фотография, сделанная украинскими солдатами в центральной Украине, 2022 год (солдаты территориальной обороны).

Бородино в 2022 году

Предупреждение о минировании в Бородянке в 2022 году

Детские игрушки в разрушенном русскими доме в Житомире (2022 год)

Украинская дорога в 2022 году

Разрушенный российский танк Т-72 (год 2022)

Могила 11-летней украинской девочки в Буче

Майк Брушевски Снимки из Восточной Украины Фото Все права защищены Instagram

Военнослужащие Вооруженных сил Украины (лето 2024 года).

Разрушенный дом на востоке Украины (2024 год)

Детская онкологическая больница в Киеве (год 2024)

Плюшевые мишки и цветы лежат у больницы в Киеве (год 2024)

Медицинский пост 3-й штурмовой бригады "Азов" (год 2024)

Польские волонтеры в Курахове (слева направо, Ниби и Борис из фонда "РЕАКТ")

Разрушения на востоке Украины (год 2024)

Селфи по дороге на фронт (слева направо, Яцек и Оксана из фонда "РЕАКТ")

Михал Брушевский - Военный репортер, освещавший оборонительные войны Украины в 2022 и 2024 годах. Он был под Киевом, Харьковом и на Донбассе. В 2018 году он рассказывал о гуманитарной помощи на востоке Украины, а в 2016-м — в Ираке. Также его репортажи выходили из Ливана и Святой земли. Волонтер гуманитарных неправительственных организаций, он участвовал в событиях на польско-белорусской границе в период с 2021 по 2024 год. Как журналист, он работал на сайте Defence24.pl. Режиссер документальных фильмов, он снял несколько репортажей: "Война дронов" — о событиях на Донбассе, "Мурем за польским мундиром" — о ситуации на границе, и "Надъонга велька вода" — о наводнении. Совместно с издательством "Беллона" он выпустил книгу "Российско-украинская война. Первая фаза".

Мацей Шопы — выпускник исторического факультета Варшавского университета. С 2010 года занимает должность старшего редактора на портале Defence24.pl, а также работает в качестве обозного журналиста. Его работа была отмечена в журналах «Polska Zbrojna», «Nowa Technika Wojskowa» и «Wojsko i Technika», а также в таких изданиях, как «Lotnictwo», «Aviation International», «Morze» и многих других. Он является автором стратегических игр и соавтором книги «Российско-украинская война. Первый этап», выпущенной издательством «Беллона».